

Шабловский Олег Владимирович: другие произведения.

Никто кроме нас.

Часть 1. Граница.

Глава 1

-Андрей, подъем – кто-то сильно тряс его за плечо, старательно разгоняя черное небытие сна.

Тишина казармы утонула в скрипе панцирных сеток и топоте десятков ног по скобленному дощатому полу. Виски и затылок заломило от внезапно навалившейся боли. Несколько секунд он лежал, пытаясь прийти в себя и сообразить, где находится, в голове полный сумбур, волной нахлынули воспоминания, свои и чужие, понять какие из них принадлежат его прошлой сущности, какие нынешней было сложно.

- Стоп, какой еще прошлой? - парень почувствовал, что сходит с ума.

- Где я? Кто я? - метался в гудящей, как чугунный котел, черепной коробке чужой голос.

- Андрюха, ты чего? Вставай, старшина в нарядах сгноит - над ним склонился парень лет двадцати смуглый, скуластый, с ежиком черных коротко стриженных волос, на нем голубая трикотажная майка и защитные допотопные галифе - ты чего, заболел?

- Что здесь происходит? - в поле зрения возник сивоусый крепыш лет тридцати, одетый в защитную гимнастерку без погон, с "пилой" из четырех треугольников в зеленых петлицах с эмблемой в виде двух перекрещенных винтовок, и зеленую же фуражку с синим до черноты околышем и малиновым кантом - боец Карасев, почему лежите? Вы что больны?

- Товарищ старшина - откликнулся брюнет - болен он, вроде как не в себе и бледный весь. Может, я за санинструктором сбегая?

- Отставить санинструктора - сивоусый окинул больного подозрительным взглядом
- боец Галиулин, возьмете с собой одного помощника и доставите бойца Карасева в медпункт.

- Слушаюсь, товарищ старшина - вытянулся Галиулин, и заорал кому-то - Саша Наливайко, давай ко мне.

На зов явился огромный детина, с огненно рыжей, коротко остриженной шевелюрой. Вдвоем они подхватили больного, помогли ему подняться и натянуть тяжеленные кирзовые сапоги, выудив их из-под табурета стоящего возле кровати. На табурете, как успел заметить Андрей, лежала аккуратно сложенная, защитного цвета униформа, явно довоенного пошива с такими же зелеными как у старшины петлицами. Отсутствие на них каких-либо знаков различия ясно говорило о том, что выше рядового в этой жизни парень еще не дослужился. Тем временем голоса в голове утомонились, боль стала постепенно отпускать и мысли обрели некоторую стройность и упорядоченность. Воспользовавшись моментом, он успел мельком обозреть нынешнее свое облачение: ничего примечательного: огромные, почти до колен черные трусы и такая же, как у всех остальных голубая, слегка растянутая майка.

- Черт возьми, где я все-таки нахожусь? - на мысленно заданный себе вопрос мысленного же ответа не последовало.

Зато он вспомнил, как сюда попал. Вспомнил ночную мокрую от дождя дорогу, матово поблескивающую в свете фар, хриплый голос Высоцкого из динамиков автомагнитолы в полутемном салоне старенького "Фольксвагена", метнувшуюся под колеса человеческую фигуру, отчаянный скрип тормозов, страшный удар, боль и мрак. Потом были туннели, яркий свет, и голос, громогласно вещающий о

даруемом ему свыше втором шансе. Если бы кто рассказал, сам бы ни за что не поверил.

- Значит это и есть обещанный второй шанс? - мелькнула в голове мысль - что-то он мне все меньше и меньше нравится. А впрочем, дареному коню в за..., тфу ты, в зубы не заглядывают, пока полностью не оклимался, надо старательно изображать больного и как следует осмотреться. А там уже решим чего делать.

Казарма она казарма и есть, в родной Советской Армии она была такой всегда. Те же ровные как по линейке поставленные ряды панцирных коек, единообразные табуреты возле них. Вместо оружейной комнаты с застывшим рядом с ней дневальным - пирамиды с оружием у стен, дощатый строганный пол, большая печь в углу не топленая очевидно по причине летнего времени, беленые стены, на которых...

- Твою мать - Карасев издал стон, с белой стены на него смотрели все знакомые, неоднократно виденные на экране телевизора и книжных страницах лица: Буденный, Ворошилов. Вот и дедушка Ленин, куда же без него-то, а рядом с ним кто бы вы думали? Товарищ Сталин собственной персоной, уставился вдаль мудрым, проницательным взглядом.

Хотя, собственно чему он так удивляется, беспогонные гимнастерки бойцов уже сами за себя говорили довольно красноречиво. Мелькнула суматошная мысль о съемках военного фильма, на которые он вероятно попал, но Андрей тут же отогнал ее как неправдоподобную, ни соответствующего оборудования, ни режиссера ни прочей киношной братии видно не было. Да и вряд ли актеры настолько вошли в роль, что продолжают играть даже в отсутствие камеры.

Между тем пограничники (в том, что это именно они сомнений уже никаких не оставалось, униформа, неоднократно виденная в кино, узнавалась легко) вынесли "болящего" на залитый ярким утренним солнцем двор и шустро поволокли его к небольшому зданию. О его предназначении ясно говорила табличка на стене, возле

входа, На прямоугольном куске фанеры черным по белому, а точнее белым по - красному начертано "медпункт". Краем глаза он успел заметить пару бревенчатых зданий, утопанную солдатскими сапогами площадку плаца, высокий флагшток с повисшим на нем алым полотнищем флага и обязательный атрибут любой погранзаставы - вышку с маячащим на ней часовым.

- Разрешите товарищ сержант? - Наливайко задом толкнул дверь, и вся троица дружно ввалилась в помещение.

- Что тут у вас? - за канцелярским столом, заваленным ворохом бумаг сидел парень немногим старше двадцати в белом халате, наброшенном поверх военной формы. На выглядывавшей из под отворота халата петлице, красовались три зеленых эмалевых треугольника, и все та же пограничная эмблемка.

- Вот больного принесли, товарищ сержант – бодро отрапортовал Галиулин - по подъему встать не смог, старшина Ковальчук приказал доставить к вам.

Андрей крикнул, когда заботливые товарищи явно переусердствовав, со всего маха плюхнули его исстрадавшийся организм на довольно жесткий топчан.

- Встать не смог говорите? Разберемся, разберемся - пропел себе под нос эскулап, поправил очки и внимательно посмотрел на больного, а затем бросил через плечо вытянувшим шею от любопытства парням – вы свободны, ступайте в распоряжение.

- Слушаюсь - бойцы четко повернулись через левое плечо и скрылись за дверью.

Что-то негромко напевая, медик скрылся в смежной комнатухе, а Карасев ненадолго получил возможность остаться одному и как следует осмотреться.

Кроме уже упомянутого топчана и канцелярского стола в помещении находилось: пара деревянных табуретов, и белый шкаф, за стеклянными створками которого в образцовом порядке выстроились всевозможные банки, склянки, пузырьки и

коробки. На крючках, возле двери висели большая брезентовая сумка с красным крестом, зеленая фуражка и серая солдатская шинель. Наконец взгляд наткнулся на то, что долго искал: прибитый к стене над столом отрывной календарь гласивший, что на дворе двадцатое июня, год был пропечатан шрифтом помельче и со своего места Андрей его не разглядел.

- Так, боец Карасев - на пороге, вытирая руки полотенцем, появился хозяин кабинета - на что жалуешься?

- Товарищ сержант - Андрей попытался приподняться, но повинуясь жесту медика, лег обратно на топчан и принялся вдохновенно "косить" - голова болит, кружится, и тошнит сильно.

- Так, так, интересно, интересно - пробормотал санинструктор, пощупав температуру и проверив реакцию зрачков - нигде не падал? По голове не били?

- Нет, вроде не падал.

- Угу, не падал, значит - последователь Гиппократ выглядел несколько озадаченным - ну а число, какое сегодня?

- Двадцатое июня, пятница - озвучил информацию, выданную календарем.

- Вот даже как? - брови санинструктора удивленно поднялись – ну вот, что братец, ты лежи пока здесь, а там посмотрим, что с тобой делать.

Медик поднялся с табурета, прошел к столу взял какую-то бумагу, бросил взгляд на календарь, подозрительно покосился на больного, оторвал листок и что-то насвистывая, вышел на улицу.

- Так подведем итоги - Карасев попытался спокойно просчитать ситуацию - значит, мое сознание забросило в тело советского пограничника, причем даже имя и фамилия совпадают. Странно вместе с головной болью совершенно пропало первоначальное раздвоение личности. Куда-то исчезли мысли и воспоминания

моей нынешней сущности. Это хреново, дорогие товарищи. Без них будет тяжело.

Забавный такой юморок у этих высших сил, кем бы они ни были. Пообещать еще один шанс и забросить на советскую пограничную заставу, за день до начала войны, бр-р-р жутковато становится от этих приколов. В том, что сегодня 21 июня именно 41 года, и граница именно западная, сомневаться не приходится, законы жанра, мать их за ногу. Стоп, это, что же значит? Завтра? Выходит и ему самому и этому санинструктору, притащившим его сюда девятнадцати – двадцатилетним пацанам, и тому усатому старшине, возможно, всего-то и осталось жить, что до завтрашнего утра? Надо, что-то делать, не валяться здесь на топчане, а что-то предпринимать.

- А собственно, что я могу предпринять? - Андрей сел и обхватил голову руками - орать во все горло, что завтра война и все умрут? Потребовать отправить себя к высшему советскому руководству? Ага, отправят. Жди. В лучшем случае в ближайшую психушку как душевнобольного или вовсе в ближайший отдел НКВД как шпиона и провокатора и поди, докажи горбатый, что ты не верблюд. Это только в книжках фантастических, сказал, что ты из будущего и тебя тут же к Сталину в порученцы. А может плюнуть на все и свалить? Их ведь все равно не спасешь, что на роду написано то и сбудется, а так хоть сам живой останешься? Тьфу, какая мыслишка мерзкая. Жить хотите гражданин Карасев? Шкурку свою драгоценную спасти и душонку мелкую? А вот хрен вам уважаемый. Раз ничего другого не остается, завтра берем винтовку или чего там за мной закреплено и со всеми вместе, воевать пойдем. Заранее зная, что немцы все равно нас сомнут, рано или поздно, но, сколько сможем, продержимся, а там будь, что будет. Предупредить предков не смогу, значит, разделю их судьбу. Это они будут верить, что стоит немного продержаться и подойдут части прикрытия границы, а потом Красная Армия погонит супостата до Берлина, но я-то знаю, что этого не будет и заставы обречены, но выхода другого нет. Значит, придется драться. Благо, что и

срочку в свое время оттарабанил, и в ментовке уже почитай пятнадцать лет, с оружием умею обращаться. Воевать, правда, еще не доводилось, но в заварушках со стрельбой за время работы в утро пару раз побывать довелось, так что, будем надеяться, завтра полным лохом выглядеть не буду. Правда, оружие у них другое, но, думаю, походу пьесы разберусь. Эх, Андрюша, Андрюша, как же хреново мне без твоих воспоминаний.

Дверь распахнулась и на пороге нарисовалась долговязая фигура медика.

- Ну, что товарищ боец, как самочувствие?

- Уже лучше товарищ сержант, разрешите убыть в распоряжение?

- Вам действительно лучше? Ну, что же тогда ступайте и доложите старшине, что на сегодня вы освобождены от работ.

- Слушаюсь - Карасев развернулся и быстро вышел на улицу.

Оказавшись на крыльце санчасти, он замешкался, озираясь и соображая, что делать дальше.

По случаю субботы на заставе вовсю кипел ПХД. Пара бойцов под бдительным надзором уже знакомого старшины активно орудовали метлами, подметая плац, третий, вооружившись кистью и ведром с известью, белил стволы деревьев и выложенные кирпичом бордюры. Еще несколько человек выносили из казармы и раскладывали на просушку полосатые матрацы.

- Товарищ боец, ко мне - Андрей обернулся на окрик и увидел высокого стройного командира затянутого в ладно сидящую на нем диагональную гимнастерку с тремя кубиками в петлицах и большой алой звездой на рукаве. Что эти самые кубики обозначали, Карасев не имел ни малейшего представления, и чувствовал, что вот-вот попадет в очередную неприятность.

- Почему в таком виде на плацу? - грозно поинтересовалось неведомое начальство.

Только тут парень сообразил, что до сих пор одет в форму "номер один", то есть трусы, майку и сапоги.

- Товарищ политрук - выручил вовремя оказавшийся рядом Ковальчук - боец Карасев был не здоров, в связи с чем, по подъему направлен мной в медпункт.

- Сейчас вы здоровы, товарищ Карасев?

- Здоров, товарищ политрук - вытянувшись, как можно бодрее отрапортовал Андрей.

- Хорошо, идите, одевайтесь, после завтрака придете в канцелярию, получите отдельное задание.

В казарме все чистилось, драилось, скоблилось и отмывалось. Любовь воинского начальства к чистоте во все времена была воистину параноидальной, а потому личный состав "шуршал" по полной программе.

А впрочем, может дело даже и не в чистоте и порядке (в идеальном состоянии, в любой нормальной воинской части, они поддерживаются ежедневно), а просто личный состав постоянно должен быть чем-то занят, иначе и быть не могло. Любимый девиз прапорщика Перетятько, старшины мотострелковой роты, в которой Карасев некогда проходил срочную службу, гласивший: "солдат без работы – потенциальный преступник", родился в армии не сегодня, и вид слоняющегося без дела бойца всегда был просто невыносим для отцов - командиров.

- Андрюха ты как? Выздоровел? - при виде вошедшего, Галиулин отставил в сторону ведро и швабру - чего с тобой было-то?

- Не знаю - пожал плечами Карасев, натягивая шаровары и мучительно соображая как же их застегнуть, привычные пуговицы отсутствовали напрочь - доктор ничего

не говорит, только от работ освободил. А политрук велел одеваться, завтракать, и в канцелярию.

- Наверное, в местечко пошлет, почту отнести - к счастью, Галиулин не заметил затруднительного положения приятеля - а завтрак тебе в столовой оставили. Павлюк сначала не хотел, так мы с Саней быстро его успокоили, сказали, что старшина приказал. Ты это, если в местечко пойдешь, заскочи в лавку, возьми папирос и леденцов, ну знаешь, такие, в коробочках.

Наконец удалось нащупать сзади какой-то хлястик, и, потянув за него, затянуть злосчастные штаны. Быстро и ловко намотав портянки (спасибо товарищу Перетятко, эту науку он вбил в голову своим подчиненным намертво), натянул гимнастерку с белоснежным подворотничком, который видимо, пришил еще с вечера. Аккуратно собрал на спине складки и заправил под кожаный с однозубой пряжкой ремень. Надел на голову фуражку. Все, боец Карасев к походу готов.

- Тимур, Галиулин - заорал кто-то из активно размахивающих тряпками бойцов - где вода? Сколько ждать тебя можно?

- Иду, иду - отмахнулся скуластый - ну давай, смотри в лавку не забудь зайти.

-Хорошо зайду, куплю. Ну, я пошел.

Уже на выходе обратил внимание на большое зеркало, возле которого висела табличка требовательно призывающая: "БОЕЦ, ЗАПРАВЬСЯ". С зеркального полотна на Андрея смотрел среднего роста худощавый, но плечистый, светловолосый веснушчатый паренек лет двадцати в защитной, довоенной форме. Общее впечатление от своего нового облика Карасев нашел вполне удовлетворительным и еще раз, тщательно одернув и без того нормально сидящую гимнастерку, вышел на улицу.

В канцелярии он оказался довольно быстро, сразу после того, как в столовой проглотил миску остывшей пшенной каши и кружку холодного, сладкого чая, которые вручил ему недовольный, круглолицый мужик с роскошными запорожскими усами, в белом поварском колпаке на совершенно лысой голове. В единственной комнате небольшого бревенчатого домишки, нашел уже знакомого стройного командира.

- А, товарищ Карасев - политрук поднял голову, оторвавшись от чтения какого-то документа лежащего на столе - как вы себя чувствуете?

- Отлично, товарищ политрук.

- Ну, раз так, вот вам письма бойцов, пойдете в местечко отправите. На почтамте заберете корреспонденцию, предназначенную на заставу. Вот ваша увольнительная записка. Не забудьте, сегодня вечером заступаете в наряд. Сейчас девять двадцать, два часа вам на все, про все, хватит?

- Хватит товарищ политрук - заверил Андрей, хотя он понятия не имел, как идти в это самое местечко, и где искать этот самый почтамп. Однако возможность еще некоторое время побыть одному, еще на раз прокачать ситуацию, а заодно и ознакомиться с местностью, упускать было нельзя, а там уже как говорить: "язык до Киева доведет".

Прихватив небольшой сверток с письмами, вышел на улицу, миновал ворота с закрепленной над ними, вырезанной из жести красной звездой и оказался на узкой лесной дороге. Здесь сориентироваться было несложно, поскольку вела она в одну сторону, остальные тропы явно не в счет. Пройдя пару километров, свернул в придорожные кусты, уселся на мягкую, изумрудно-зеленую траву. Ветер слегка раскачивал пышные кроны деревьев, на все голоса щебетали и чирикали птицы, воздух был необычайно чистым и свежим. Разместившись поудобней, опершись спиной на толстый древесный ствол, Карасев принялся внимательно изучать

содержимое накладных карманов своей гимнастерки. Первой на свет божий извлек небольшую серую книжицу со звездой на обложке.

- Так, что мы имеем: красноармейская книжка, Карасев Андрей Николаевич, рядовой - недоверчиво хмыкнул - ты посмотри, и отчество совпадает, год рождения - девятьсот двадцать второй, уроженец - город Иркутск..., сибиряк значит, призван..., в\ч номер... . В общем с этим все понятно. Все ясно и понятно, кроме одного, почему именно сюда, именно в это тело? Может быть, из-за полного совпадения имен, так ведь все остальное вообще не совпадает, он и в Иркутске то бывал всего один раз и то, проездом. Что тут еще? Комсомольский билет, член ВЛКСМ с 1939 года, однако, в прошлой жизни Карасев тоже состоял в комсомоле, впрочем, уже тогда довольно формально. А потом, когда союз развалился и вместе с ним канула в лету и эта организация, как-то незаметно для себя и сам позабыл о своей принадлежности к «боевому авангарду советской молодежи», и билет где-то потерял, но здесь-то с этим все строго. Кроме документов в кармане нашлись деньги - несколько купюр разного достоинства. Увольнительная записка вроде проясняет побольше: так, следует в местечко Кшечев, цель - отправка почтовой корреспонденции.

Судя по названию местечка, мы где-то на Украине. Хотя не факт, с Белорусскими названиями я тоже не очень-то знаком. Однако оказывается у политрука фамилия вполне себе русская - Рыбаков, вот ведь, а писали, что в комиссары только евреев брали. Врали, наверное. Вот тебе товарищ Карасев и прекрасная возможность разобраться, кто врал, а кто правду говорил, если живой конечно останешься, в чем увы совершенно никакой уверенности нет.

- Ладно, нечего рассиживаться, надо идти, а то ведь так недолго и до дезертирских настроений додуматься - Андрей с трудом отогнал от себя мрачную картину собственной гибели, думать о завтрашнем дне совершенно не хотелось, но и не думать он тоже не мог. Оставалось надеяться на лучшее.

Расстояние до селения с жутким названием Кшечев оказалось не таким уж и большим, примерно минут через пятнадцать-двадцать показались первые признаки человеческого жилья.

Яркое полуденное солнце заливало утопающие в зелени садов улочки местечка. Легкий ветерок шевелил тюлевые и полотняные занавески в открытых окнах, вяло побрехивали собаки в обывательских дворах, весело вопила играющая детвора, и хрипловатый голос патефона пел вечное танго "Утомленное солнце". Все это до боли напомнило Карасеву кадры из военных кинофильмов, кадры последних мирных дней. Мороз пробежал по коже, когда он представил, что здесь будет твориться через каких-то пятнадцать-шестнадцать часов. Кто из этих занятых своими обыденными делами или просто наслаждающихся солнцем и летом людей переживет завтрашний день? Жутко было знать обо всем, но не иметь никакой возможности, что-либо изменить в судьбе жителей этого местечка, миллионов других людей. Эта мысль давила на плечи тяжелым грузом, даже большим, чем полная неизвестность относительно своей собственной дальнейшей судьбы. Если бы только он знал, что нужно сделать для того, чтобы хоть что-то изменить.

В очередной раз, усилием воли отогнав от себя мрачные мысли (так ведь и с ума сойти недолго), Андрей решил плотно заняться поисками почтамта. Как он и предполагал, искомое здание располагалось на центральной площади местечка. Круглолицая, улыбчивая женщина, без остановки болтая на забавной смеси украинского, русского и польского языков приняла пакет и выложила на стойку несколько газет и толстую пачку писем, перетянутую пеньковым шпагатом. Настроения шутить не было совершенно. Через силу улыбнувшись в ответ, Карасев забрал почту, поблагодарил женщину и поспешил на улицу. Большой, крытый красной черепицей одноэтажный дом, над дверью которого красовалась крупная надпись - "БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА", обнаружилась без особого труда. Весело брякнул колокольчик над дверью, он, слегка пригнувшись, чтобы не зацепить его

головой, шагнул через порог, после яркого солнечного цвета в лавке было темновато.

- Дзень добже, пан жолнеж - Андрей поднял голову и застыл, встретившись взглядом с парой огромных серых глаз, их обладательница молодая, стройная как тростинка, хрупкая, светловолосая девушка мило улыбнулась - что пан желает?

- Э-э-э, здравствуйте - больше ничего сказать Карасев не мог, он стоял, и не отрываясь смотрел в лицо незнакомки, любуясь ее ясной улыбкой, слегка изогнутыми тонкими бровями, милыми ямочками на щеках.

- Пан что-то желает? - нарушая затянувшееся молчание, волшебными колокольчиками прозвенел в ушах голос девушки.

- Д-да, папиросы, пожалуйста, и эти, как их? - от нахлынувшего волнения парень никак не мог вспомнить, как называется то, что собственно ему нужно и потому просто ткнул пальцем в полочку за спиной продавца - вот эти, в коробочках.

- Монпасье? - девушка развернулась, приподнявшись на цыпочки, достала с полки круглую жестяную коробку с леденцами, заодно продемонстрировав точеную фигурку - прошу пана.

- Спасибо - наконец пришел в себя Андрей, он расплатился, взял покупки и направился к выходу. Уже около дверей развернулся – как вас зовут?

- Кристина - в глазах девушки промелькнула легкая настороженность, и даже страх

- Кристина Зборовская.

- Кристина - Карасев кивнул - если у вас есть родственники где-нибудь на хуторе, в лесу, уезжайте к ним, сегодня же уезжайте. Я не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

Оставив перепуганную девушку обдумывать свои слова, он резко развернулся и опрометью выскочил на улицу.

- Стыдно Андрей Николаевич. Сам себя не узнаю, взрослый мужик, старший опер, огонь и воду прошел, а увидел смазливое личико и млел, стоял, как пацан сопливый- усевшись на скамью возле забора, снял фуражку, вытер пот шершавым рукавом гимнастерки, зло усмехнулся – а что ты хотел, пацан и есть, мне ведь девятнадцать лет всего, гормоны играют. Не мог удержаться и не предупредить девчонку, рыцарь твою мать. Жалко, видите ли, стало. А чего же ты мерзавец, почтальоншу-то не предупредил или ее не жалко? А вон ту тетку, что воду из колодца тащит тоже не жалко? А остальные двадцать семь миллионов как их предупредить?

По улице с громким треском проехал мотоцикл. Пропылив мимо занимающегося самобичеванием погранца, он затормозил на площади. Из коляски молодцевато выпрыгнул командир, поправил фуражку с черным околышем, одернул гимнастерку, окинув быстрым внимательным взглядом улицу, коротко сказал, что-то сидящему за рулем красноармейцу скрылся в здании почтамта.

- Не опоздать бы на заставу - Карасев поднялся, не спеша, подошел к мотоциклисту - слышь, браток. Время не подскажешь?

Боец окинул его недовольным взглядом и отрицательно покачал головой. Можно было конечно зайти на почту и посмотреть на часы, висящие над конторкой, но встречаться с веселой почтальоншей не хотелось, а время узнать надо.

- Часов нет - понимающе кивнул Андрей - а у офицера твоего есть часы?

Взгляд мотоциклиста обдал холодом, он внимательно посмотрел на надоедливого пограничника и снова отрицательно покачал головой.

- Ну, на нет и суда нет - Карасев пожал плечами и оставил в покое неразговорчивого солдата, сделал несколько шагов, отходя от мотоциклиста, и тут до него "доперло". Подгоняемый нехорошими предчувствиями он прибавил шаг, и уже поворачивая за угол, оглянулся. Командир вышел из почтамта и теперь

внимательно выслушивал доклад бойца весьма красноречиво кивающего головой, вслед уходящему Карасеву.

- Сам виноват, ведь прекрасно знал, что в Рабоче - Крестьянской в это время понятия офицеров не было, только командиры. И дались тебе эти часы, придурок любознательный - шустро перебирая ногами и в буквальном смысле задним чутьем ощущая надвигающиеся неприятности, уже который раз за день бичевал себя Андрей - теперь понятен странный взгляд бойца, у них же тут шпиономания повальная, и не безосновательная надо заметить. Вот ведь идиот, сам себя подставил. Валить надо отсюда пока эти ребята не решили задержать странного погранца.

Между тем мотоциклисты быстро о чем-то посоветовались, после чего красноармеец остался у машины, а командир легкой трусцой припустил вслед за подозрительным пограничником.

- Товарищ боец! - после третьего окрика притворяться глухим, и с невинным видом бегать по всему местечку уже не было никакой возможности, того и гляди появиться патруль и к преследователю подойдет помощь. Тем более, что в голове уже созрел более или менее внятный план действий.

Свернув в пустынный проулок, Карасев, наконец, соизволил "услышать" грозные, требовательные вопли и остановился, вглядываясь в приближающегося командира. Высокий, белобрысый, подтянутый парень лет 25-27 в ладно, сидящей комсоставовской гимнастерке с двумя парами "кубарей" в черных, инженерных петлицах. Настораживала некоторая неправильность в действиях мотоциклистов. По логике вещей, столкнувшись с подозрительным типом в советской военной форме и решив его задержать, нормальный советский командир взял бы в помощь вооруженного бойца, а этот пошел один и даже кобуру не расстегнул. Неужели до такой степени уверен в своих силах, что намерен взять предполагаемого диверсанта один на один, да еще и голыми руками.

Очень опрометчиво с его стороны, конечно, преследуемый им боец внешне безоружен, но если он диверсант, то вполне может иметь при себе пистолет или нож.

- Нож - от внезапной догадки Андрея бросило в пот - то-то "товарищ" так странно держит левую руку, словно старается убрать ее из поля зрения противника. Очень странный командир прямо скажем.

Все эти мысли и умозаключения промелькнули в голове Карасева стремительно, но, тем не менее, за это время преследователь подошел уже практически на расстояние вытянутой руки.

- Что с вами товарищ боец? - вкрадчиво поинтересовался он, не сводя холодного взгляда белесо - голубых глаз - совсем плохо слышите? Или у вас не со слухом, а с дисциплинкой туговато?

Вместо ответа Андрей внезапно двинул преследователя прямым в челюсть.

- Ого, а удар у Андрюши поставлен здорово - отметил про себя, глядя как не ожидавший от него такой прыти, «командир» роняет на землю нож и «уходит» в глубокий нокаут - не иначе как боксом до армии занимался, хорошо пробил, хлестко и бедра, корпус правильно подключил. Вот что значат рефлексy, намертво вбитые опытным тренером, тело само сработало.

- Стой! Ни с места! Руки вверх! - грозный окрик заставил вздрогнуть и застыть на месте.

Подняв руки, медленно обернулся. Ну, так и есть, беда не приходит одна, прямо в лицо ему смотрели дула парочки трехлинеек. О принадлежности их обладателей ясно говорили красные повязки на рукавах. Комендантский патруль, что называется: накаркал. Двое бойцов и командир, черные артиллерийские петлицы и те же пары кубарей.

- Что здесь происходит?

- Вот, диверсанта поймал, товарищ лейтенант - не опуская поднятых рук, доложил Андрей, рискнув предположить, что два кубика в петлице означают именно это звание, да и на большее в виду своей крайней молодости командир явно не тянул - зарезать меня хотел.

- А ты сам-то хлопче, кто такой будешь? – подозрительно поинтересовался стоявший по правую руку от старшего боец. Судя по возрасту, выцветшей, обмятой и подогнанной форме и тускло поблескивающему кружку "отважной" медали на груди, типичный «сверчок» - документы есть? А ну покажи. Чтой-то цей пограничник уж больно подозрительный, товарищ лейтенант.

- Вот - Андрей осторожно достал из нагрудного кармана гимнастерки красноармейскую книжку и увольнительную записку и протянул их лейтенанту - только этого связать надо, пока не очухался, и еще...

- Разберемся - лейтенант напустил на себя важный вид - так ты с девятой? Рыбакова знаю. Подожди, так я и тебя тоже знаю, Окунев, кажется?

- Карасев, товарищ лейтенант.

- Да, точно Карасев - командир на всякий случай сверился с документом, на его румяной физиономии появилась дружеская улыбка - помнишь на окружных соревнованиях? Я у тебя тогда еще по очкам бой выиграл. Удар у тебя хороший, мощный.

- Я вас тоже узнал товарищ лейтенант - Андрей сам не верил неожиданной удаче, и хотя мог поклясться чем угодно, что командира видел первый раз в жизни, спорить с ним по понятной причине не стал - надо диверсанта связать, и там еще один с мотоциклом на площади остался, напарник его.

- Ах ты ж бисов сын - дернулся сверхсрочник - что же ты раньше то молчал?

- Подожди Кравчук - лейтенант нахмурился - ты уверен, что это диверсант?
- Так, я же слышал, как они не по-русски разговаривали – принялся вдохновенно врать Карасев - по малой нужде отошел за заборчик они меня не видели ну и болтали промеж собой. А потом заметили, и этот за мной погнался, зарезать хотел. Вон и нож валяется.
- А ну-ка - командир поднял с земли "финку" диверсанта и недоуменно пожал плечами – нож, как нож. Ничего особенного.
- Та вы на сапоги его подывытесь – выручил вдруг Кравчук – гвозди то квадратные. Как есть диверсант.
- Иванович - командир обернулся, к молча переминавшемуся с ноги на ногу второму бойцу патруля - тощему долговязому и лопоухому пареньку в мешковато висящей на нем новенькой гимнастерке, явному первогодку - этого связать, тщательно обыскать и не спускай с него глаз, головой отвечаешь. Кравчук, Карасев за мной.
- Смотри интеллигент, не упусти гада - качая головой, бурчал под нос Кравчук, крепко стягивая за спиной запястья задержанного. Еще раз проверив прочность узлов и уже собираясь следовать за рванувшим к площади командиром он проинструктировал молодого бойца - ты того, держи все время на мушке, если что, будет ерепенится, стреляй ему в ногу хоть что ли.
- У меня оружия нет - догнал лейтенанта Карасев - а тот мотоциклист, у него автомат, кажется.
- Ах черт, на вот - командир протянул вытащенный из кобуры диверсанта ТТ - умеешь пользоваться?
- Умею - уже на бегу, Андрей, нажав небольшую кнопчку слева возле рукояти, извлек магазин, осмотрел, загнал обратно. Передернув затвор, загнал патрон в

патронник, слегка отведя курок, поставил на предохранитель. С подобными "игрушками" он имел дело еще в той прошлой жизни, очень уж они нравились тогдашней "братве". Теперь он чувствовал себя в некотором роде "в своей тарелке" - стой лейтенант, осмотреться бы надо.

- Хорошая мысль - в горячке, под воздействием бушующего в крови адреналина старший патруля вроде и не заметил фамиллярности в обращении, а может и заметил да виду не подал, не до того.

Глава 3

Стянув с головы фуражку и присев на корточки, Карасев осторожно выглянул из-за угла. Мотоцикл все еще стоял возле почтамта, "липовый" красноармеец стоял опершись на коляску, из которой торчал ствол автомата, и судя по всему начинал нервничать.

- Вон он. Глянь, только аккуратнее.

- Ага, вижу. Нервничает - боевой запал артиллериста несколько поутих, и на смену пришла некоторая неуверенность. Естественно никакого опыта задержаний вооруженных диверсантов у лейтенанта не было, но как старший он должен был принять какое-то решение и теперь мучительно соображал.

- Товарищ лейтенант - запыхавшийся Кравчук скинул с плеча винтовку - давайте я цего вражину прямо отсюда сниму. Один выстрел и все.

- Нет, живым надо. Как брать будем, пограничник? Предложения есть?

- Есть - Андрей еще раз внимательно окинул взглядом площадь — я попробую сейчас сделать крюк и его обойду и встану вон там за углом метрах в десяти за его спиной. Ближе все равно не подобраться. Оттуда подам вам знак. Вы спрячете оружие, спокойно выйдете и подойдете к нему для проверки документов, только встанете за несколько метров от мотоцикла и подзовете его к себе, в общем,

постарайтесь отвлечь. Причем встанете так, чтобы ближний угол здания почтамта был у него за спиной. Разыграете эдаких простачков, держитесь естественно, проверите документы, не найдете ничего подозрительного и вроде как соберетесь уходить, это его должно немного расслабить. В это время я постараюсь подойти вплотную, а там уж как получится...

- А если он нас увидит и сразу палить начнет? - Кравчук стянул пилотку и огладил кротко остриженную голову.

- Вряд ли - Карасев усмехнулся - если бы они по каждому патрулю стреляли, они бы давно уже мертвыми диверсантами были.

- Согласен - немного поразмыслив, кивнул лейтенант – давай действуй, ждем твоего сигнала.

Легко сказать "попробую сделать крюк". Минут десять Андрей крался проулками, трижды перелазил через обывательские ограды, еле отогнал пинками привязчивую дворнягу, героически защищавшую от незаконного вторжения хозяйский двор и едва не порвавшую казенные шаровары, и напугал до икоты здоровенную тетку, некстати вышедшую на крыльцо своего дома. Перепуганная гражданка уже было открыла рот, вознамерившись издать громогласный вопль, но, увидев предостерегающе приложенный к губам ствол пистолета и страшные глаза его обладателя, сочла благоразумным промолчать и стремительно скрыться за дверью.

Наконец изрядно попотев, он вышел на исходную позицию. Переулок, в котором оказался Карасев, был образован двумя высокими, дощатыми заборами и левой глухой стеной здания почтамта. Метрах в десяти возле самого угла стоял мотоцикл, возле которого маячила затянута в защитную гимнастерку спина диверсанта. Стянул с головы фуражку и дважды махнул, подавая знак не видимым отсюда артиллеристам. Минуты через три, он увидел, что патрульные вышли на площадь и с видом разморенных жарой, усталых людей лениво и неспешно двинулись к мотоциклу. Было заметно, что фальшивый красноармеец напрягся.

Бросив внимательный взгляд вокруг, вытащил и коляски ППД, повесив его на плечо стволом вниз, шагнул навстречу приближающемуся патрулю.

Воспользовавшись тем, что противник лишен возможности контролировать переулок, Андрей покинул свое укрытие, перебежал дорогу и осторожно двинулся вперед, прижимаясь спиной сначала к доскам забора, а затем к стене почтамта. Теперь между ним и беззащитной спиной диверсанта оставался только мотоцикл, и он рванул вперед. Заметив движение слева, мотоциклист среагировал моментально, шарахнувшись в сторону, он оттолкнул стоявшего к нему ближе всех Кравчука и вскинул ППД.

Положение спас лейтенант, пинком подбивший, ствол оружия. Очередь прогрохотала над головой Карасева, но он уже повис на противнике, обеими руками вцепившись в его автомат. Выпустив оружие из рук, диверсант классическим броском через бедро шарахнул Андрея об землю. Сильный удар выбил воздух из легких, несколько секунд он лежал на спине, корчась от боли и беспомощно открывая рот, как рыба, выброшенная на берег, но продолжая крепко прижимать к себе отобранный ППД. Между тем мотоциклист локтем двинул в зубы набежавшего со спины лейтенанта и метнулся в переулок. Хлестко ударила трехлинейка, сильный толчок в спину бросил беглеца вперед, нелепо взмахнув руками, он рухнул лицом вниз.

- Кравчук, твою мать - страдальчески кривясь и шамкая разбитыми губами, простонал старший патруля - что ты наделал? Живым же надо было...

- Так ушел бы гад - оправдываясь, развел руками сверхсрочник - товарищ лейтенант, вы же бачили, вин нас як дитын малых.

- Тренированный сволочь - Карасев, наконец, обрел возможность дышать и говорить - это же надо один троих раскидал. Как он меня.

- Товарищ лейтенант - боец явно чувствовал себя виноватым — я побегу к Ивановичу, второго сюда притащим.

- Давай - лейтенант, морщась, махнул рукой - смотри только, не пристрели и его тоже. Пограничник, тебе с нами, наверное, надо. Показания особистам давать будешь.

- Товарищ лейтенант - Андрею вовсе "не улыбалась" перспектива общения со страшными особистами, которыми в его демократическом будущем разве что только детей не пугали - мне на заставу надо. Я же сегодня в наряд заступаю. Там же черт знает, что подумать могут, если я не появлюсь вовремя.

- Ничего, мы тебе оправдательный документ сладим. Так, граждане, товарищи, товарищи, ну-ка разойдитесь нечего здесь толпиться. Да уберите детей отсюда, я вам говорю! Вам что здесь? Цирк что ли? - вторая половина тирады была адресована собирающимся зевакам разного пола и возраста, которые как только смолкли выстрелы, высыпали из своих домов и плотной толпой обступили труп диверсанта.

Воспользовавшись тем, что старший патруля плотно увяз в "разборках" с собравшимися селянами, Карасев сунул в коляску мотоцикла автомат, немного поколебавшись бросил туда же ТТ, и перескочив через невысокую ограду "сделал ноги". Ни при каком раскладе общение с "компетентными органами" в его планы не входило. Есть шанс, что до вечера не раскачаются, а там уже такое начнется, что всем станет не до поисков сбежавшего свидетеля.

Занятый столь невеселыми мыслями он осторожно пробирался в густых зарослях обывательской смородины, когда знакомый звонкий голосок заставил застыть на месте.

- Пан солдат - перед ним стояла та самая сероглазая девушка и бакалейной лавки - пан солдат не бойтесь, это я - Кристина.

- А я и не боюсь. С чего ты, ой, то есть вы взяли?

- Я видела, как пан потихоньку сбежал с площади.

- Ну, так уж и сбежал. Просто мне очень надо идти. Тороплюсь очень - Андрей поймал себя на мысли, что краснеет и оправдывается как мальчишка.

- Да, да я понимаю, пан опаздывает - девушка, пряча улыбку, закивала головой - только вам нельзя в таком виде.

- В каком таком виде?

- Посмотрите, у вас же мундир порван.

Действительно на плече зияла солидных размеров прореха, левый рукав гимнастерки не выдержал борцовских упражнений покойного мотоциклиста и был надорван по шву.

- Прошу пана в дом. Я быстро все исправлю.

Пока Карасев разглядывал нехитрое убранство комнаты. Девушка завладела его гимнастеркой, и быстро заработала иглой, не забывая при этом болтать без умолку.

- Ой, пан такой смелый, как он бросился на того, другого солдата. А когда начали стрелять, я очень испугалась. Боялась, что пана убьют - тут девушка осеклась, щеки ее слегка порозовели, она бросила быстрый взгляд на парня и поспешила перевести разговор на другую тему - а что тот солдат он сделал что-то плохое? Почему его убили?

- Так было надо Кристина - почему-то Андрею было невыразимо приятно находиться в обществе девушки, хотелось бесконечно слушать журчание ее голоса, любоваться милым лицом.

- Да, да, я понимаю, пану нельзя говорить. А как вас зовут? Ведь это же не военная тайна?

- Андрей.

- Анджей? Очень красивое имя. Вот мундир, дырки больше нет - внезапно лицо Кристины посерьезнело - я передала дяде то, что вы сказали тогда в лавке. Он сказал, что пан прав, и мы уедем к родственникам на хутор. А еще он сказал Завтра немцы нападут.

- Откуда он знает? - заявление девушки ошарашило.

- У нас много родственников на той стороне. Они уже давно говорили, что-то будет. А сейчас их стали угонять подальше от границы. Я знаю, что такое война. Мы с братом приехали из-под Пшемысля. Отца и маму убило немецкой бомбой. А сейчас все начинается опять. Я хотела предупредить соседей, но дядя сказал это делать нельзя. Соседи могут донести и нас арестуют - девушка всхлипнула и бросила умоляющий взгляд - прошу вас пан Анджей, пожалуйста, не говорите никому, то - что я вам рассказала.

- Хорошо, я никому ничего не скажу. Только вы уезжайте быстрее - слегка сбивчивый рассказ девушки вернул Карасева к действительности - спасибо за помощь, мне надо спешить. До свидания Кристина, берегите себя.

- Нет, это вы берегите себя Анджей. До свидания.

- Ах, черт - Андрей хлопнул себя по лбу - письма, я же их там оставил под лавкой. Мне нельзя туда возвращаться.

- Я сбегая, принесу. Скажите только где они лежат.

- Там дом с зелеными ставнями и лавочка возле калитки тоже зеленой краской окрашена. По-моему, третий или четвертый переулок от площади.

- С зелеными ставнями? - девушка задумчиво постучала пальчиком по губам - кажется, поняла, это возле Павловских. Подождите меня здесь, я скоро вернусь.

Она убежала, оставив Карасева в почти забытом со времен давно ушедшей юности, состоянии легкой эйфории, эдакого бездумного счастья, которое не могли омрачить ни надвигающиеся грядущие события, ни связанное с ними постоянное чувство тревоги и вины перед окружающими его людьми и ощущение собственной беспомощности, от невозможности что-то изменить.

На заставу он все-таки опоздал, и предстал пред грозны очи начальства на два часа позже, чем было нужно. Выслушав доклад Андрея о происшествии в местечке, в котором он максимально свел к минимуму степень своего участия в задержании диверсантов, начальник заставы - черноусый плечистый мужик лет тридцати с совершенно седыми висками и капитанскими шпалами в петлицах, молча переглянулся с политруком.

- В комендатуре с тебя показания уже снимали? – поинтересовался Рыбаков.

- Нет. Сказали: если буду нужен, найдут. Я же только немного помог и все.

- Так говоришь, они в нашей форме были? На мотоцикле?

- Да один в форме командира, другой в форме красноармейца. Петлицы у обоих саперные. Мотоцикл у них и оружие ТТ и ППД.

- Ладно - капитан махнул рукой - иди, готовься в наряд.

- Товарищ капитан – Андрей направился было к выходу, но вдруг неожиданно сам для себя остановился, решительно отмел терзавшие его всю обратную дорогу сомнения и доложил – местные говорят, что немцы на той стороне что-то готовят. Мирное население угоняют подальше от границы. Считаю, возможна крупная провокация.

Весь остаток дня он провел как на иголках, ожидая, что вот-вот за ним придут. Но время шло никто, а контрразведка интереса к нему не проявляла. Среди пачки писем доставленных на заставу одно было адресовано лично ему. Точнее Андрею

Николаевичу Карасеву, неполных двадцати лет отроду. Письмо было от мамы, из Иркутска.

Первым делом Андрей внимательно изучил обратный адрес, улицу Карла Либнехта застроенную сплошь старинными купеческими домами, несмотря на свое шапочное знакомство с этим сибирским городом он знал неплохо. Это уже радовало. Мария Дмитриевна Карасева, судя по содержанию письма, работала учительницей в одной из городских школ, много рассказывала о своей работе, об учениках. Упомянула каких-то ребят и девушек, судя по всему друзей и одноклассников Андрея, кто-то из них женился и вышел замуж, кто-то уехал учиться, кого-то из ребят призвали в армию. В конце шел привет от отца очень занятого по службе, куча поклонов от многочисленной родни, просьбы беречь себя и мягкие упреки, за то, что так редко пишет домой. Обычное письмо солдатской матери, и сам, служа срочную, получал такие пачками. Душу защемило тоской, он почувствовал себя словно виноватым перед этой тихой, доброй женщиной. Вспомнил своих стариков родителей оставшихся где-то в далеком двадцать первом веке, родной Хабаровск с его широкими красивыми улицами, тенистыми бульварами, многочисленными фонтанами и широкой лентой могучего Амура.

Усилием воли отогнал от себя эти воспоминания, заставил себя перечитать все письма найденные под подушкой, буквально по крупичкам выбирая из них информацию о своем нынешнем "я".

Глава 4

Узкая лесная тропинка едва заметной лентой петляла между кустов и деревьев, и казалось, так и норовила исчезнуть в надвигающихся вечерних сумерках. Однако, мягко и упруго идущий впереди, молчаливый сержант-белорус, двигался по ней довольно уверенно, ориентируясь только по ему одному известным приметам. Следом шагал рыжий здоровяк Наливайко, внешне совершенно не чувствующий

веса висевшего у него на плече тяжелого "Дегтяря" и вещмешка с запасными дисками к нему.

Замыкал шествие Карасев с ППД на груди, запасным диском в подсумке и флягой на пояском ремне. Узнав, что на заставе за ним закреплен именно этот автомат, Андрей сначала впал в тихую панику, ни устройства, ни возможностей оружия он совершенно не знал.

Единственное с чем не возникло особых затруднений так это с выемкой и вставкой дискового магазина. На выручку совершенно неожиданно пришли забитые на уровне рефлексов навыки его нынешнего тела. Отрешившись от всего и просто позволив рукам самим делать привычную работу, он на удивление быстро освоил сборку и разборку автомата, и порядок снаряжения тяжелого вместительного диска.

- Стой, кто идет? Пароль? - приглушенный голос казалось, раздался

откуда-то из-под земли.

- Четыре - негромко сообщил сержант.

- Пять - отозвались в ответ.

Под густым кустом орешника оказался довольно глубокий тщательно замаскированный окоп, надежно укрывший от посторонних взглядов пару бойцов.

- Ну, что тут у вас?

- Весь день на той стороне двигатели ревели. Сейчас тихо. Часа два назад вон там, двое выходили, наш берег в бинокль разглядывали. Несколько раз патруль проходил.

Сменившиеся с наряда пограничники растворились в ночном лесу, заступившие стали размещаться в окопе "секрета". Метрах в двадцати перед их позицией под

обрывистым берегом неспешно несла свои воды река. На другом берегу полого спускавшемся к реке широким песчаным пляжем, царили тишина и спокойствие.

Карасеву досталась вахта с полуночи до трех. Первые полтора часа он добросовестно паялся на противоположный берег, внимательно вслушиваясь в тишину нарушавшуюся плеском реки, криками ночных птиц и назойливым гудением комаров, вознамерившихся, во что бы то ни стало, выпить из него всю кровь до последней капли. Борьба с этими кровососами, однако, здорово бодрила и помогала бороться со сном. В конце концов, тревоги и волнения минувшего дня начали сказываться, и парень сам не заметил, как начал клевать носом. К неумолчному комариному звону внезапно стал примешиваться сначала далекий, постепенно приближающийся гул. Подняв голову, в светлеющем небе он увидел самолеты. Очень много самолетов. Волна за волной они шли на восток. Шли для того, чтобы сбросить свой смертоносный груз на головы ничего не подозревающих людей, и превратить в огненный ад мирно спящие города.

На противоположном берегу заревели моторы, вслед за воздушной, начиналась наземная фаза вторжения.

- Что это? - сержант уже давно проснулся и теперь потрясенно смотрел на проплывающие над их головами армады - провокация?

- Очнись, сержант! Какая провокация? - Андрей не выдержал, казалось нервное напряжение прошедших суток - это война.

- Сколько же их - ошеломленно прошептал Наливайко - это, что же делается? Как же они осмелились то?

На немецком берегу между тем началось активное шевеление. Сначала появились двое. Совершенно не прячась, они вышли на песок пляжа. Один из них поднес к глазам бинокль, обозрел окрестности и не обнаружив ничего подозрительного

махнул рукой. В предрассветных сумерках из кустов стали выскакивать серые фигурки солдат, волокущие надувные лодки.

- Твою мать, да сколько же их? - снова прошептал Сашка.

- Вот заладил. Сколько? Сколько? Сколько бы ни было, все наши будут - зло одернул его сержант - к бою и без приказа не стрелять. Подождем, когда пересекут государственную границу.

- Какая граница, да их же не меньше роты - Наливайко установил сошки ДП и немного суетливо принялся раскладывать боекомплект в нише окопа.

- Сержант прав - от нахлынувшего нервного возбуждения Андрея слегка "подбрасывало", но он старался не подавать виду, только до боли сжал в руках автомат и покрепче уперся ногами в дно окопа, изготавливаясь к стрельбе - на середине реки их тепленькими возьмем. Им там от нас никуда не деться.

Между тем плавсредства, одно за другим стали отходить от вражеского берега. Плотно набившиеся на них солдаты дружно заработали короткими веслами. Два из них вырвались вперед и уже почти достигли советской стороны, когда сержант бросил гранату.

Столб воды и грязи, встал между лодками. Тут же ударили "ручник" и автоматы пограничников.

Крепко стиснув зубы, Андрей стрелял длинными очередями, совершенно позабыв о необходимости беречь патроны. В такт лихорадочно бьющемуся ППД в голове металась одна единственная мысль: не дать опомниться, успеть свалить как можно больше затянутых в серые мышинные мундиры фигур, которые в этот момент, даже не воспринимались как живые люди. Главное было не позволить им переправиться, иначе конец. Он даже не заметил, как опустел вместительный диск, только почувствовал, что оружие перестало биться в его руках. Несколько раз дернул

затвор, злобно выругался, и схватив с бруствера запасной магазин трясущимися руками принялся вставлять его в автомат.

Совершенно неожиданно встретив отчаянное сопротивление, немцы, тем не менее, довольно быстро опомнились. На лодках засверкали вспышки автоматных и винтовочных выстрелов. С правого берега ударил пулемет, пока безуспешно пытаясь нащупать пограничников. Однако первые потери от кинжального огня русских оказались достаточно велики, и в случае продолжения переправы обещали быть еще большими.

Командовавший ротой обер-лейтенант отдал приказ отступить. Его солдаты должны были, продвинувшись вглубь советской территории, взаимодействуя с наступающими на соседних участках другими подразделениями разведбатальона 299 пехотной дивизии вермахта, блокировать и уничтожить 9-ю погранзаставу и максимум через 40 минут после начала наступления выйти в местечко Кшечев. А если дело пойдет так и дальше, то задачу выполнять будет просто нечем.

Сначала надо было подавить эту проклятую огневую точку, которая грозила спутать все планы.

Яростно огрызаясь ответным огнем, лодки попятились. К заволокло бьющему с немецкого берега пулемету присоединились еще два, и похоже, сообщаем удалось нащупать "секрет" пограничников.

- Твою мать - наконец справившись с магазином, Карасев одной очередью срезал двоих на ближайшей лодке и едва успел нырнуть на дно окопа - слышь, командир, что делать то будем? Долго мы так не продержимся. А сейчас они еще и минометами долбанут, вообще с землей смешают.

- К своим пробиваться надо, ракета уже была. - сплюнув скрипящий на зубах песок, прохрипел сержант - бери пулемет.

Оглянувшись на позицию пулеметчика, понял все без слов. Наливайко навалился на бруствер, уткнувшись в землю коротко стриженной, огненно - рыжей головой. Андрей осторожно опустил тяжелое, безжизненное тело товарища на дно окопа, затем, устроившись поудобнее, упер в плечо приклад ДП.

Видя, что стрельба с советского берега прекратилась, фашисты, вообразив, что зловредная огневая точка подавлена, снова высыпали на открытое место, готовя вторую попытку переправы. Пара очередей быстро убедила их в обратном, заставив отступить под прикрытие деревьев и кустарников. На белом песке песчаной косы остались лежать три или четыре неподвижных тела. Диск пулемета опустел, а над головами пограничников вновь засвистели пули.

- Уходи - старший наряда попытался выглянуть, и тут же поспешив нырнуть за бруствер, ошалело ощупывая голову, с которой шальная пуля сорвала фуражку - я прикрою. Капитану доложишь, что противник численностью до роты переправляется на нашем участке и вероятно попытается обойти заставу.

- Не командир - сидя на дне окопа, ударом ладони Андрей установил на место полный магазин и упрямо покачал головой - вместе уйдем. Ты первый, я прикрываю, потом ты прикрываешь, я выхожу. Авось да получится.

Бросив внимательный взгляд на подчиненного, после некоторого колебания сержант кивнул, и ужом выскользнув из укрытия, стремительно перекатился в сторону.

Несколькими короткими очередями Карасев прикрыл его отступление, тут же вызвав на себя шквал огня с правого берега, поспешил нырнуть вниз. Быстро проверил карманы погибшего Наливайко, вытащил документы, пальцы нащупали небольшой сверток. Слипшиеся леденцы, те самые монпасье, еще вчера купленные в местечке и заботливо завернутые в тетрадный листок. Внезапно комок подкатил к горлу. Он аккуратно уложил конфеты обратно и провел ладонью по

окровавленному лицу, навсегда закрывая мертвые глаза девятнадцатилетнего мальчишки. Одного из тех, многих, кому было не суждено вернуться с этой войны.

Затем дождался когда наверху затрещал ППД сержанта, и подхватив оружие выскользнул из окопа, стараясь как можно крепче прижаться к спасительной земле. Не надеясь на своих пулеметчиков, немецкий обер - лейтенант, очевидно, решил больше не рисковать своими солдатами в затянувшейся дуэли с русским "секретом", и привел более веские аргументы в свою пользу. Воздух наполнился пронзительным воем, а затем землю сотрясли глухие удары, вздымающие вверх фонтаны воды, и песка. С противным свистом осколки стригли воздух, ломали кусты, срезали ветви и хищно вгрызались в беззащитные тела деревьев. К счастью минометный обстрел велся уже по опустевшей позиции, а остатки пограничного наряда, пригибаясь, уходили знакомой тропинкой к заставе, туда, откуда с каждым шагом все отчетливее доносился грохот канонады, заглушающий трескотню пулеметных и винтовочных выстрелов.

Глава 5

На заставе было жарко, причем во всех смыслах. В ожидании завершения обходного маневра немцы обрушили на нее массированный артиллерийский и минометный огонь. За считанные минуты, все постройки просто перестали существовать. Горело все, что могло и не могло гореть. Еще вчера так старательно посыпаемые песком дорожки, изрыты воронками, усыпаны кусками битого стекла, и обломками, белены стволы лип и тополей исковерканы и измочалены, завалившаяся набок наблюдательная вышка жарко пылала и только жестяная звезда неприступно алела над чудом уцелевшими воротами.

Однако, несмотря на все усилия противника потери среди пограничников были пока не велики. Еще в два часа ночи весь личный состав был приведен в боевую готовность и занял позиции в траншеях и блокгаузах. Сунувшаяся было, разведка немцев крепко получила по зубам и шустро откатилась назад.

Изрядно запыхавшиеся Карасев и сержант буквально свалились на головы своим товарищам и были тут же направлены в штабной блиндаж.

- А, Олексич, Карасев, докладывайте - черноусый командир был чуть мрачнее обычного.

- Товарищ капитан - сержант вытянулся по стойке смирно – на вверенном мне участке государственной границы противник силами до роты пехоты пытался форсировать реку. Действиями наряда первая попытка переправы сорвана, потери немцев до тридцати человек. Были обстреляны из пулеметов и минометов, после чего мною принято решение об отходе в расположение заставы. Наши потери - убит боец Наливайко.

- Подойдите сюда сержант - капитан ткнул карандашом в расстеленную на столе карту - укажите место переправы.

- Вот здесь товарищ капитан. В районе песчаной косы.

- Хорошо можете идти - начальник заставы повернулся к стоявшему за его спиной политруку - ты понял Семен. Обойти хотят сволочи...

Дальнейшего разговора Карасев не слышал потому, что вслед за Олексичем выскочил из блиндажа. Через пять минут, расположившись с пулеметом в стрелковой ячейке окопа, Андрей с тревогой прислушивался к постепенно утихающему грохоту обстрела. Ничего хорошего наступившая тишина не сулила.

- Застава к бою - над рощицей со стороны границы в небо взмыла красная ракета.

Фырча двигателем, на опушку выскочила небольшая четырехколесная бронемашина, сопровождаемая цепями пехотинцев в ставших уже ненавистными глубокими касках и мышиного цвета мундирах.

Пристроив к плечу приклад ДП в прорезь прицела, Андрей наблюдал за стремительно увеличивающимися силуэтами врагов.

Первый выстрел прозвучал неожиданно, и в тот же момент напряженная тишина утонула в грохоте стрельбы. Басовито такали "максимы", хлесткими плетками хлопали "мосинки", безумолчно трещали дегтяревские творения. Вражеская пехота, словно наткнувшись на невидимую стену, залегла и попыталась продвинуться вперед короткими перебежками, но вскоре совсем остановилась и стала отползать назад. Поддерживающий атаку броневик некоторое время двигаться вперед, неуклюже переваливаясь на кочках и воронках, и ведя интенсивный огонь из малокалиберной автоматической пушки. В жуткую симфонию боя вклинился рев двигателя и лязгающий грохот немецких МГ, свист пуль режущих воздух над головой.

Когда до советских позиций оставалось метров сто - сто пятьдесят и бронемашина оставшаяся без пехотного прикрытия остановилась, через бруствер окопа перемахнул какой-то боец и ловко пополз ей навстречу.

Вот он, приподнялся, махнул рукой и перед носом машины вырос взрыв. Смелчак тут же упал навзничь, очевидно убитый или тяжело раненый, но и его бронированный противник взвыл двигателем, и беспомощно завалившись в воронку, зачадил густым черным дымом.

Карасев поймал на мушку солдата пытающегося почему-то именно через верх выбраться из горящей машины. Пулемет послушно затрясся в его руках и то, что секунду назад было живым человеком, неподвижной куклой повисло на броне. Атака сорвалась окончательно.

На позиции пограничников вновь обрушился шквал из огня и стали. Немецкая артиллерия бесчинствовала минут двадцать - тридцать. Затем, из-за леса вынырнули два, одномоторных самолета. Названия их Андрей не знал, в этих делах он не очень хорошо разбирался, фанатом - "железячником" никогда не был, другие интересы были в жизни. Так, что-то где-то читал, что-то где-то слышал, да еще пару раз пытался играть в какую-то стратежку, которую, балбесы - подчиненные

украдкой загрузили в служебный комп. Однако в том, что пилоты сидящие за штурвалами остроносых машин питают по отношению к пограничникам самые недружественные чувства, сомнений никаких не было. Пройдя над горящей заставой на бреющем полете и продемонстрировав кресты на плоскостях крыльев, самолеты для начала причесали ее защитников огнем из пушек. Затем резко взмыв вверх, и заложив крутой вираж, спикировали на окопы. Откуда-то из-под фюзеляжей сорвались черные капли бомб, и казалось, каждая из них, летит именно в его окоп, чтобы разорвать, разнести в клочья, убить все живое. Режущий слух и душу свист заставлял сердце сжиматься в комок, а тело искать укрытие на дне траншеи.

Вздрогнула еще недавно казавшаяся такой надежной земная твердь, несколько комьев глины довольно ощутимо приложили по сгорбленной спине, заставив болезненно вздрогнуть. Хотя, пожалуй, этим и ограничился весь ущерб, который лично Карасеву нанесли хваленые асы Геринга.

Избавившись от своего смертоносного груза, летчики еще раз прошлись напоследок пушками и пулеметами по позициям несговорчивых русских и наконец, убрались восвояси.

Казалось, после обстрела и авианалета, на изрытой воронками и полузасыпанной землей линии траншей, не должно было оставаться ничего живого, однако стоило немецкой пехоте подняться, ее снова ждал "теплый" прием. Вторая атака провалилась почти также бесславно, как и первая. Огорченные подобным не гостеприимным к себе отношением немцы вновь обрушили на пограничников артиллерийский и минометный огонь, продолжавшийся на этот раз не меньше часа, правда, с небольшими передышками, а затем утомонились и на некоторое время затихли.

- Андрюха, ты живой? - в ячейку Карасева пробрался неутомонный Галиулин, казалось ничуть не изменившийся, только черты грязного, закопченного лица

слегка осунулись и заострились. Выглядел он устало, однако возбужден парень был до крайности. Он, в общем – то молчуном и раньше не был, а сейчас и вовсе болтал без остановки - как мы им всыпали. Саврасова жалко, вот кто герой настоящий. Это же он броневик подбил. Ребята потом лазили к нему, говорят всю грудь крупнокалиберными разворотило. А Саня где? Он с вами пришел?

- Нету Сани - Андрей стянул фуражку и вытер рукавом грязное, потное лицо - убили, еще там, на берегу.

- Эх - Тимур опустил голову - как же так?

- Прямо в голову пуля попала. Там и оставили. Даже похоронить толком не смогли.

- Жалко Сашку. Как же мамке то его сказать?

- Жалко - кивнул Карасев - сегодня много хороших ребят полегло. А сколько еще поляжет? Думаешь, немцы притихли, значит, все закончилось?

- А то, конечно. Наверное, обратно за границу сейчас драпают. А если даже и не драпают, ничего. Скоро наши с отряда подойдут, а потом и армия ударит. Говорят, нам на помощь целая дивизия выдвигается. Да мы им такую трепку зададим, до самого Берлина дойдем. И за Сашку с них спросим, и за других ребят. Вот посмотришь, неделька - две и войне конец. Должны же они где-то быть: и самолеты наши, и танки.

- Поживем, увидим - лаконично заметил Андрей, совершенно не разделявший надежд приятеля - думаю, мы еще сегодня повоюем. Однако время уже давно за полночь, похмелье бы не мешало.

- Точно - поддержал его Тимур - есть охота. Пойду, попробую Павлюка найти.

- Давай, если, что про меня не забудь - дождавшись ухода товарища, Карасев привалился спиной к стенке окопа и устало закрыл глаза. Как-то резко навалилась тупая усталость. Не хотелось даже думать о том, что ждет и его самого и

окружающих его знакомых и незнакомых людей. Какая судьба их ожидает? Кому суждено дожить до вечера?

Сколько продолжалось затишье, он не знал. Галиулин с обедом, так и не появились, зато снова зашевелились "истинные арийцы".

Увы, за границу они драпать не стали, о чем весьма громогласно заявили, вновь устроив минометный обстрел. На сей раз, противник сменил тактику. Под прикрытием своих минометчиков и присоединившихся к ним пулеметов немцы, вместо того - чтобы переть цепями в полный рост, разбившись на небольшие группы, короткими перебежками, припадая к земле и укрываясь в складках местности, атаковали заставу одновременно со всех сторон.

Медленно тянулись минуты, наполненные выстрелами, свистом пуль и воем мин, грохотом разрывов. Полуоглохший, потерявший счет времени Карасев, словно выпал из окружающей действительности. Весь мир сузился для него до узкой щели целика, в которую он старательно ловил перебегающие и падающие фигурки врагов. Атаки и артналеты сделали свое черное дело и новый штурм, сильно поредевшие защитники встретили довольно жидким огнем. Справа и слева дело дошло до гранатных разрывов, и казалось, непокорной застава обречена. Вот уже и Карасев, оставив бесполезный пулемет, ствол которого казалось вот-вот раскалится до красна, швырнул через бруствер одну за другой пару гранат, а затем, вскинув ППД, выстрелил не целясь, в скатившегося в траншею в нескольких шагах от него, немецкого солдата. Ошалевший от близких разрывов и разгоряченный боем, тот даже не успел поднять оружие, когда короткая очередь ударила его в грудь. Сзади послышался шорох осыпающейся земли и Андрей развернулся как раз, вовремя, чтобы подставить свой автомат под удар приклада второго противника. Резким движением, отбросив в сторону карабин, он торцом автоматного диска, что было сил, двинул в оскаленную физиономию врага, а когда тот отшатнулся, добил его выстрелом в упор.

Разгоряченный схваткой Карасев не заметил, когда в затихающую страшную какофонию боя казалось, кто-то вздохнул новые силы.

- А-а-а-а - сначала глухо и все ближе и ближе, словно грозный морской прибой нахлынул на разбитую позицию. Легко узнаваемые и ставшие вдруг такими родными "голоса" "мосинок" и СВТ, деловито-басовитый "разговор" "максимов", перекрыли звуки рукопашной.

Над головой, одним махом перескочив окоп, один за другим, промелькнули несколько бойцов с трехлинейками наперевес.

- Жив курилка? - в ячейку ловко спрыгнул молодой парень в защитной гимнастерке с малиновыми стрелковыми петлицами и новенькой, зеленой каске, и тут же принялся деловито пристраивать сошки ручного пулемета на полуразрушенном бруствере.

Внезапной и стремительной атакой 2-й батальон 306-го полка 62-й стрелковой дивизии отбросил блокировавших заставу немцев.

- Живой, не ранен?- из-за поворота траншеи вышел старшина заставы. Обычно идеально чистая и подогнанная гимнастерка изорвана голова под фуражкой, перевязана окровавленным бинтом.

Внимательно посмотрел на устало скорчившуюся на дне окопа фигуру Карасева, распорядился - давай на КП, там всех живых собираем. Оружие не забудь.

Тяжело поднявшись, закинув на плечо автомат, Андрей поковылял в указанном направлении, как на трость, опираясь на ДП.

Возле штабного блиндажа собрались чуть больше полутора десятка человек, все, что осталось от шестидесяти двух бойцов 9-й пограничной заставы 90-го Владимир-Волынского погранотряда.

В окоп спустился Рыбаков и неизвестный стрелковый старлей.

- Становись - скомандовал старшина, и шагнув к подошедшим командирам, четко доложил - товарищ политрук личный состав 9-й погранзаставы в количестве семнадцати человек построен.

- Это все? - пехотный командир, повернулся к Рыбакову – здорово вам досталось.

- Нет, еще двенадцать тяжелых в блокгаузе - политрук, окинул внимательным взглядом перемазанных землей и кровью, оборванных и в большинстве своем перевязанных подчиненных - вольно товарищи. Мы не пропустили фашистскую сволочь на нашу Советскую землю, смогли продержаться до подхода частей Красной Армии. Застава поставленную задачу выполнила. Спасибо вам товарищи и вечная память павшим...

Еще в той, прошлой жизни, Андрея всегда дико коробили напыщенные речи разного рода "рукамоводителей", строивших из себя мудрых отцов-командиров и считавших нужным выступить с напутственным словом по поводу и без. Слова политрука странно цепляли за душу, наполняли сердце гордостью за содеянное вот этими, в большинстве своем зелеными юнцами, и им самим, бывшим старшим оперуполномоченным Андреем Карасевым, уроженцем циничного, расчетливо – корыстного двадцать первого века. Или, дело было в том, что в кои-то веки, впервые на его памяти такие, может быть громкие фразы, произносил командир, который плечом к плечу со своими бойцами рисковал жизнью под обстрелом, дрался в рукопашной, отражая атаки врага, а значит, имел полное право их произносить? Кто знает?

Глубокомысленные размышления нарушила отданная Ковальчуком команда: "разойдись", жидкий строй пограничников распался. Отойдя пару шагов в сторону, Андрей уселся на краю воронки, рядом с плюхнувшимся на "пятую точку" Галиулиным, и с наслаждением вытянул ноги.

- Как думаешь Андрюха - приятель был непривычно мрачен - все уже закончилось?

- Нет, думаю, только начинается.

- Да, кстати, обеда не будет, и ужина тоже - после недолгого молчания, ни с того, ни с сего заявил Тимур - складской блиндаж миной накрыло. Про столовку я вообще молчу, одни угольки остались. Павлюка ранило, теперь будем голодными сидеть. Может у пехотских удастся чем-нибудь разжиться?

- Надо у фрицев дохлых, в ранцах поискать.

- Каких таких фрицев? Это ты про немцев, что ли? Ты че Андрюха, это же мародерство называется.

- Не мародерство, а сбор трофеев - Карасев поднялся - пошли, а то пехота все растащит.

- Ну, не знаю - Галиулин все еще сомневался, но голод оказался сильнее и в конце концов он махнул рукой - а, пошли.

На чужие трофеи Андрей не претендовал, но имущество лично им уничтоженных в рукопашной схватке врагов, считал законной добычей, а посему поспешил вернуться на свою позицию. В окопе было пусто и тихо, пехотинец - пулеметчик уже куда-то исчез и только два убитых немца "украшали собой" окружающий пейзаж. Специфика милицейской службы давно уже приучила его к виду безжизненных человеческих тел в различной степени сохранности и комплектности, поэтому, отбросив в сторону ненужные переживания и эмоции, он принялся вдумчиво и тщательно собирать "хабар".

Для начала - оружие, вопреки тщательно культивируемому в будущем советским, а потом и российским телевидением и кинематографом образу "фашиста с автоматом", оба покойника при жизни были вооружены карабинами. При ближайшем рассмотрении немецкий карабин большого впечатления не произвел. Внешне чем-то схож с отечественной "старушкой" - трехлинейкой. Принцип действия тот - же. Может, и были какие-то различия, неискушенный взгляд

Карасева их не обнаружил. Необходимости присваивать себе сии "карамульки" он совершенно не почувствовал, а посему, решив попозже сдать старшине, аккуратно прислонил их к стенке траншеи и занялся непосредственно владельцами "стволов".

Ремни снаряжения и висящие на них под сумки с патронами бросил рядом с карабинами. Два длинных широких штыка заинтересовали несколько больше. Рассудив, что лишний нож в хозяйстве не помеха, один он повесил на пояс, туда же пристроил саперную лопатку в чехле. Ножны со вторым штыком и гранату-колотушку на длинной рукоятке запихал в пустой вещмешок из-под пулеметных дисков. В него же отправились: пара упаковок с полевыми рационами, котелок, термос, "мыльно-рыльные" принадлежности, плащ-палатки и еще кое-какая мелочевка вроде фонарика, зажигалки и прочего весьма полезного в быту. Никаких угрызений совести от беззастенчивого ограбления покойников Андрей не ощущал. Все его нехитрое солдатское имущество фрицы сожгли вместе с казармой, и кто как не они должны были теперь возмещать нанесенный ущерб.

- Товарищ боец, что здесь происходит? Мародерством занимаемся? - на краю окопа возникла невысокая щуплая фигура в синих командирских галифе, зеленой гимнастерке и фуражке с малиновым околышем. Чин новый персонаж имел невысокий, о чем явственно говорили два кубика в петлице, зато алая звезда, вышитая на рукаве гимнастерки просто-таки кричала о его принадлежности к племени политработников.

- Вот, трофеи собираю, товарищ младший политрук - вид этого юнца, изо всех сил старающегося что-то из себя изобразить, вызвал у Карасева невольную улыбку.

- Сбором трофеев должна заниматься специальная команда. А ты мародерствуешь. Под трибунал захотел? - тщетно стараясь придать себе грозный вид, возопило пехотное начальство, на которое улыбка бойца подействовала как красная тряпка на быка.

Настроение и без того не блестящее сразу испортилось окончательно, и все из-за какого - то молокососа, некстати возмнившего себя столпом законности и порядка.

- А не пошел бы ты ... - спокойно глядя в глаза, четко и раздельно выговаривая слова, предложил Карасев.

- Ах ты... Да я ... - обалдевший от столь вопиющего нарушения дисциплины младший политрук сначала даже не мог подобрать слова.

Цвет его пылающего праведным гневом лица уже ничем не отличался от околыша фуражки. Спрыгнув в траншею, он изрядно повозившись извлек из еще, по-видимому, новенькой, и достаточно жесткой кобуры, ТТ, и размахивая им перед носом Андрея, фальцетом завопил - да я, сука, тебя прям здесь, сейчас без суда и следствия грохну, как позорящего гордое звание бойца Красной Армии...

- Отставить - рявкнул кто-то над ухом поставленным командным голосом.

В окоп, не спеша, спустились пехотный комбат и Рыбаков.

- Товарищ старший лейтенант - продолжал бушевать худосочный "поборник справедливости" - этот ... Он мародерством тут занимался... Позорил звание....

- Ну, во-первых, товарищ младший политрук - вмешался в разговор Рыбаков - товарищ не мародерствовал, а собирал трофейное имущество и продовольствие по моему приказу. А во-вторых: позорить звание бойца РККА он никак не может, поскольку является бойцом погранвойск НКВД. А звание советского пограничника в сегодняшнем бою он оправдал в полной мере.

Повинуясь приказу своего командира батальона, ретивый политрук, физиономия которого стала еще пунцовой от негодования, наконец заткнулся, спрятал пистолет и удалился, бросая на своего обидчика свирепые взгляды.

- Товарищ боец - Рыбаков повернулся к Карасеву - идите, разыщите сержанта Олексича, поступаете в его распоряжение.

- Есть - невозмутимо подхватив "сидор" со своим новым имуществом и собрав оружие, Андрей отправился выполнять приказание. Первым делом он разыскал старшину заставы, и не обращая внимания на его недовольное ворчание всучил ему карабины, патронташи, а заодно и солдатские книжки убитых немцев.

Сержанта он нашел довольно быстро, в соседнем уцелевшем блиндаже, Совместно с Галиулиным активно работая ложками, они сосредоточенно и планомерно уничтожали немецкие сухие пайки.

- Садись, ешь - кивнул Олексич, пододвигая к нему консервы и упаковку галет - только быстрее. Идти надо, у нас задание.

Не вдаваясь в подробности, и не заставляя себя долго упрашивать, он штыком раскурочил жестяную банку и впервые со вчерашнего вечера приступил к приему пищи.

Завтрако-обедо-ужин, как парень про себя окрестил это приятное, а самое главное полезное мероприятие, как и все хорошее, закончился слишком быстро. Уже через пятнадцать минут небольшой отряд вышел за ворота со звездой, единственное, что осталось от заставы, и миновав позиции занимаемые стрелками, по лесной тропинке зашагал на восток.

Глава 6

Залитый последними, румяными лучами закатного солнца Кшечев, выглядел сонным и мирным. Как будто и не звучали совсем недавно в какой-нибудь паре километрах от него выстрелы и взрывы, не умирали люди. Ночь стремительно входила в свои права. Улочки местечка были тихи и безлюдны, кое-где в окнах робко затеплились огоньки, но большинство домов, стояли темны и безмолвны. Тишину летнего вечера нарушал лишь тоскливый вой собаки, очевидно в спешке

забытой бежавшими от ужасов войны хозяевами, да где-то на востоке, словно далекий, летний гром гремела канонада.

Стремительно перескочив пустынную улицу, Галиулин осторожно выглянул из-за ограды, бросил внимательный взгляд по сторонам и махнул рукой, подзывая к себе товарищей. Раздался топот двух пар солдатских сапог и вот уже Карасев с Олексичем плюхнулись рядом с ним в придорожную пыль.

- Вроде никого - вытирая пот со лба, заметил Тимур.

- Ага, пока тихо - кивнул сержант - значит, так, наши дальнейшие действия: вон в том доме, видите, где окошко светится, живет здешний председатель. Сейчас идем к нему, надо выяснить обстановку. А дальше видно будет. Вопросы есть?

- Нет - дружно замотали головами бойцы.

- Ну, тогда пошли - сержант поднялся - я первый, Карасев замыкающий.

До нужной хаты добрались быстро и без приключений. На легкий стук и звонкий собачий лай открылась дверь, и на пороге показался высокий, слегка сутуловатый силуэт.

- Кто здесь? – мужчина, щурясь, принялся всматриваться в темноту, подсвечивая себе керосиновой лампой.

- Свои, Пахом Сидорыч - отозвался сержант - Олексич с 9й заставы.

- А, Богдан, ты, что ли. Ну, проходите в хату ребята – хозяин слегка посторонился, пропуская пограничников.

Внутри жилище оказалось очень чистым и ухоженным, хотя обстановка особой роскошью, по мнению избалованного бытовыми ухищрениями 21го века Карасева, не поражала, на самом деле по здешним меркам дом был довольно зажиточным. Из мебели наличествовала железная кровать у стены, большой сундук, да колченогий,

резной буфет. Возле дощатого стола покрытого чистой скатертью, стояло несколько неказистых, по всей видимости, самодельных табуретов.

У печи в углу хлопотала круглолицая молодая женщина, в которой Андрей с легким удивлением узнал здешнюю почтальоншу.

- Присаживайтесь хлопцы - радушно предложила она - сейчас на стол накрою. Ой, какие вы все измученные, видно несладко пришлось сегодня?

- Ну, чего раскудахталась. Досталось хлопцам конечно, на то она и война - цыкнул на жену председатель - ну рассказывайте, как там?

- Да, что рассказывать то - махнул рукой Олексич – заставу удержали, спасибо стрелкам, немцев за речку выбили, теперь подкреплений ждать будем. У вас-то как? Все тихо?

- Были здесь немцы - нахмурился Пахом Сидорович - в аккурат около полудня, по всему видать разведка. Человек десять, все пешие. Пришли тишком, огляделись, может также бы и ушли, да Пашка участковый наш, на свою беду на них наскочил. У своей зазнобы на хуторе видать ночевал, да понесла его нелегкая в местечко, в аккурат на них и вышел. Ему бы дураку бежать сразу, а он за пистолетик схватился, ну его первой же очередью и

Мужик опустил голову, немного помолчал, а потом словно оправдываясь, продолжил:

- я и не знал ничего, мальцы соседские рассказали. А кабы и знал, у нас на все местечко мой наган, да у комсомолии нашей две винтовки на троих. Как со стороны границы пальба то поднялась, только ту комсомолию и видели, погрузились на телегу и уехали куда-то, воевать. Хоть бы меня в известность поставили, стервецы. В общем, ушли немцы и больше пока не появлялись.

- И не появятся - подал голос Галиулин - мы им здорово наподдали, бежали от нас, только пятки сверкали.

- Экий молодец - председатель извлек из кармана пиджака пачку папирос, извлек заскорузлыми, корявыми пальцами одну, чиркнул спичкой и с видимым наслаждением затянулся - только если вы их за границу выбили, что же тогда гремит? Весь день бой шел в трех километрах на восток в районе УРа. Сейчас вроде там стихло, дальше передвинулось.

- Ну-у - не очень уверенно протянул все еще не желающий сдаваться Тимур - наверное, какая-то часть прорвалась, наши ее окружили и сейчас добивают.

- Отстань от ребят, старый, дай им поесть спокойно – женщина поставила на стол миски с соленым салом, отварной картошкой и зеленью - ешьте, хлопчики ешьте. Потом наговоритесь.

Слушая рассказ Пахома Сидоровича, Карасев пытался тщательно проанализировать ситуацию. Их группа получила задание установить связь с другими частями Красной Армии. Однако вероятней всего никаких других частей поблизости не было и в помине. По всей видимости, это не наши добивают окруженного врага в нескольких километрах к востоку отсюда, а совсем наоборот, остатки пограничников и выручивший их стрелковый батальон находятся в тылу наступающих немецких войск. И совсем скоро опомнившиеся после дневного поражения фашисты, подтянут свежие силы и утром обрушатся на них со всех сторон. Что будет дальше нетрудно догадаться. Сегодня им сказочно повезло. Но сколько будет продолжаться это везение? Вряд ли слишком долго.

Судя по мрачному лицу Олексича, сержант придерживался того же мнения.

Внезапно тихий покой спящего местечка нарушил истошный собачий лай, треск мотоциклетных, и рев автомобильных двигателей.

- Немцы - Андрей подскочил как ужаленный.

Бросившийся к окну председатель, осторожно подняв полотняную занавеску, выглянул, лицо его приняло озабоченное выражение:

- Так хлопчики, давайте живо через огород. Они со стороны Сокаля вошли. Давайте, давайте поторапливайтесь.

Перед тем как последним соскользнуть с крыльца в спасительный мрак сада, Карасев обернулся:

- Пахом Сидорыч, тебе тоже уходить надо. Немцы узнают, что председателем был - убьют. Завтра же свои односельчане и сдадут.

- А - махнул рукой мужик - двум смертям не бывать. Удачи парень.

- Удачи - эхом отозвался Андрей и словно в реку нырнул в темноту.

Оккупанты между тем принялись по-хозяйски устраиваться в местечке. По домам побежали денщики, подыскивая жилье получше, для господ офицеров. Где-то отчаянно защищая хозяйское добро, яростным лаем залилась собака, щелкнул выстрел и лай сменился жалобным взвизгом.

Буквально в двух шагах от зарослей смородины, в которых нашли убежище, пограничники остановились два мотоцикла. С одного из них слез солдат, справил нужду, шумно с облегчением вздохнул, запрыгнул обратно в коляску, и с громким треском машины рванули к дороге ведущей на заставу.

- Сволочь фашистская - шепотом выругался Галиулин еще бы чуть-чуть и на меня...

- Тихо - сержант прижал голову бойца к земле.

Совсем рядом раздался недружный топот множества ног. Не меньше роты немцев, выйдя из-за поворота улицы, прошагало следом за мотоциклистами.

- Что делать будем командир? - Карасев проводил ненавидящим взглядом удаляющуюся колонну - я так понял эти пошли оборону занимать со стороны заставы, и нам обратную дорогу заодно перекроют.

- Не страшно, тут тропа есть, напрямик через лес – пробормотал Олексич - только я вот, что думаю: не годится нам с пустыми руками к своим возвращаться. Языка брать надо.

- Ну, и где мы его брать будем? - Тимур выплюнул солидный клок травы и недовольно покосился на сержанта.

- С этим-то как раз проблем нет, вон их полная деревня ходит, что называется, выбирай на вкус. Дело за малым, взять и унести – хмыкнул Андрей и тут же звук шагов заставил его насторожиться и пристально всмотреться в темноту - внимание, вижу объект, справа из переулка движется прямо к нам.

Как на грех в этот момент из-за тучи выползла луна и осветила появившихся в конце улицы двух немецких солдат. Увлеченно о чем-то болтая и смеясь, они не спеша топали в сторону залегших в кустах за невысокой оградой пограничников. Настроение у фрицев по всей видимости было приподнятым. Ну, еще бы, пока война для них была только недолгой автомобильной прогулкой по пыльным дорогам богатой и цветущей Украины, впереди ждали подвиги, слава и богатство, обещанные мудрым фюрером. В возможность своей смерти не верилось, о чужих смертях не думалось, вокруг была только тихая, теплая ночь, напоенная запахами лета и плевать на то, что будет завтра. И пусть завтра ждал бой, да какой там бой, всего-то и делов, что раздавить горстку диких «Иванов», которые не успели удрать на восток вместе с остальными и теперь не придумали ничего лучше, чем драться с отчаянием крыс загнанных в угол. Разумные европейцы на их месте, уже давно бы впечатлились мощью непобедимого вермахта и сдались в плен, как это принято у цивилизованных людей. А эти, ну что взять с тупых азиатов.

До сих пор их моторизованный батальон находился в тылу своих наступающих частей, и о реальных боевых действиях и противнике оба приятеля имели достаточно, смутное представление. Приятная тяжесть жирной гусиной тушки в мешке, бутылки с местным шнапсом за пазухой и перспектива вкусного и сытного ужина ласково грели солдатские души, наполняли восторженным урчанием желудка и делали жизнь радостней и беззаботней, а, кроме того, напрочь отбивали не достойные истинного арийца переживания о завтрашнем дне. Пусть о нем думают те, кому это положено по должности. Господа офицеры не даром фуражки носят, у них головы большие вот пусть и думают, а у славных парней из их отделения, сегодня будет небольшой праздник.

Сержант поочередно ткнул пальцем в своих подчиненных и, указав на немца шедшего слева, жестом изобразил, что затыкает ему рот и скручивает руки. Затем слегка стукнул себя в грудь, и проведя пальцем по горлу сообщил, что собирается сделать с напарником потенциального "языка".

Парни нашли пантомиму командира весьма красноречивой и понятной и синхронно кивнули в знак согласия.

Через несколько секунд, приговоренный к смерти солдат булькая перерезанным горлом, уже мягко оседал на землю, заботливо придерживаемый Олексичем, а его приятеля Андрей без затей и изысков просто вырубил безукоризненно поставленным хуком. Еще минута и посреди пустынной улицы осталась только быстро впитывающаяся в пыль, отдающая сивушным душком лужица, натекая из разбитых бутылок.

Тропинку, ведущую к заставе, сержант нашел без особого труда, к счастью, о ее существовании немцы пока не догадывались. Труп гитлеровца, по настоянию Карасева, чтобы не подставлять местных, оттащили подальше в кусты, забросав ветками. Пришедший в себя "язык" поначалу упирался и что-то возмущенно мычал, пытаясь выплюнуть изо рта собственную пилотку, но после нескольких

Карасевских "намеков" в область печени и почек, смирился со своей участью и ошутимо прибавил скорости.

Глава 7

До своих добрались без особых приключений сдав пленного и доложив начальству результаты разведки, усталые, но довольные завалились в свой блиндаж. Не спавший почти двое суток Карасев, остаток ночи проспал, как убитый. Уже под утро его разбудил Галиулин.

- А, проснулся? Ну и здоровы же вы дрыхнуть - Тимур со стуком поставил на стол два котелка - давайте быстрее завтракать.

- Охренеть - Андрей снял крышку с котелка и чуть не захлебнулся слюной от ударивших в нос ароматов жареного мяса - откуда такая роскошь?

- Военная тайна - ухмыльнулся приятель, и вдоволь насладившись радостным изумлением товарища, снизошел-таки до объяснений - мы, когда немца брали, я и мешок, который у него в руках был, с собой прихватил. А там гусь оказался. Пока вы спали, я его разделал и на костер определил, правда, пришлось, с мужиками поделиться. Чего, не оставлять же его фрицам было.

- Правильно мыслишь - одобрительно кивнул Карасев, и окликнул ворочающегося на соседних нарах Олексича - сержант, вставай, поедим, а то неизвестно как жизнь дальше обернется.

- Все бы вам брюхо набивать - недовольно проворчал белорус, но, тем не менее, подсел к столу и наколот на кончик своего ножа солидный кусок гусятины.

- А то - с набитым ртом принялся философствовать Андрей – война войной, а бойцу нельзя упускать две вещи: как следует пожрать и подольше поспать, потому как, никогда не знаешь, будет ли еще такая возможность.

- Андрюха, я все спросить забываю - Галиулин со смачным хрустом принялся обглаживать поджаристое крылышко – тебе зачем противогаз немецкий нужен?

- Какой противогаз?

- Ну, в круглой коробке. Я у тебя в сидоре видал.

- Да ну, быть не может - Карасев метнулся к своему вещмешку, извлек из него цилиндрическую коробку. Внутри действительно оказалась противогазная маска - тьфу гадство, а я думал это термос.

На его физиономии отразилось такое неподдельное разочарование, что Галиулин хрюкнул и закашлялся, подавившись куском, а сержант заржал в голос.

- Ты куркуль, сначала смотри чего берешь, а потом уже хапай - посоветовал он, утирая выступившие на глазах слезы - а тебе не надо было говорить, хотел бы я посмотреть на его рожу, когда он в этот термос чай наливать станет.

- Тьфу - Андрей зашвырнул коробку в угол блиндажа, и, глядя на хохочущих приятелей, улыбнулся и развел руками - ну кто же знал, что у этих фрицев все не как у людей.

Где-то рядом ухнул взрыв и на голову посыпался песок.

- Началось, поесть нормально не дадут суки - Олексич отодвинул котелок - пошли мужики.

В темпе нацепив снаряжение и прихватив оружие, парни рванули к выходу. Может, практичней было бы переждать обстрел под защитой двойного наката блиндажа, но Карасева корбило от мысли быть заваленным грудой бревен и земли. Сидя в окопе, по его мнению, было ровно столько же шансов получить

прямое попадание снаряда или мины, зато гораздо меньше, быть погребенному заживо. Что ни говори, но на свежем воздухе он все-таки чувствовал себя намного лучше.

Снаружи уже вовсю гремела канонада, немцы добросовестно обрабатывали позиции стрелков и пограничников из полевых орудий и минометов. В ожидании окончания артналета в обнимку со своим ДП он устроился на дне стрелковой ячейки, рядом вторым номером примостился Тимур. Покопавшись в нагрудном кармане гимнастерки, извлек измятую пачку папирос, и, вынув одну, немного подумав, протянул пачку Карасеву. Андрей отрицательно покачал головой. В своей прошлой жизни он давно "завязал" с куревом, новый же его организм принадлежал спортсмену, и видимо поэтому, сию пагубную привычку до сих пор не приобрел.

Близкий разрыв заставил парней пригнуться, что-то звонко щелкнуло по каске. Горячий, зазубренный осколок металла шлепнулся на землю рядом с сапогом. Второй снаряд рванул на бруствере где-то над головами, казалось, гора земли и мелких камней взмыла в небо, что бы обрушившись на бойцов, погresti их под собой. Страшный грохот больно ударил в барабанные перепонки и весь мир на какое-то мгновение погрузился во тьму.

Открыв глаза, первое, что он увидел - озабоченную, чумазую физиономию Галиулина, из глубокой царапины на щеке текла кровь, глаза совершенно безумные. Он, что-то кричал, беззвучно открывая рот, и весьма энергично тряс приятеля за грудки, так что голова Карасева болталась из стороны в сторону как у китайского болванчика.

С трудом освободившись от заботливого товарища, Андрей приподнялся. К его немалому удивлению все конечности были на месте, и пусть не очень охотно, но все-таки слушались своего владельца, видимых повреждений всего остального организма тоже не наблюдалось, вот только происходило все вокруг словно в немо кино. Старательно очистил от земли и песка пулемет, установил его на

бруствере. Дальше все продолжалось по уже неоднократно виденному вчера сценарию, как только закончился обстрел, появилась немецкая пехота. Под прикрытием своих МГ, короткими перебежками густые цепи солдат в серых мундирах двинулись в атаку. Странно, в полной тишине привычно затрясся в руках ДП, фигурки врагов стали падать на землю, некоторые из них так и оставались лежать, другие поднимались и продолжали двигаться вперед. Внезапно "включился звук" и мертвая тишина наполнилась треском выстрелов.

- А-а-а – то ли крик, то ли вой, тонущий в грохоте стрельбы, покатился откуда-то с левого фланга. Навстречу серой волне наступающих из окопов, хлынула другая, защитного цвета.

- Наши пошли - Тимур, слегка трясущимися руками, примкнул широкий штык к своей самозарядке, и вдруг истошно завопив, что-то непонятное и нечленораздельное, оскальзываясь и скатываясь, полез из окопа.

Почему-то страшно боясь отстать, Андрей отбросил в сторону приклад "ручника", и ухватив ППД резко оттолкнувшись, одним рывком выскочил на разрушенный бруствер. Матерно, страшно ругаясь, трясясь от избытка хлещущего в кровь адреналина, он бежал вперед, видя перед собой только чью-то спину, затянутую в мокрую от пота защитную гимнастерку. Момент, когда эта спина почему-то исчезла из поля зрения, он пропустил, только почувствовал, что запутался ногами в чем-то мягком и живом, и теряя равновесие покатился вперед. Над головой что-то пронзительно свистнуло. Поднявшись на колени, в двух шагах перед собой, Карасев увидел рослого фрица, судорожно и растерянно дергающего затвор не раз виденного в кино и музее оружия.

Автомат сам собой задергался в руках, всаживая длинную очередь ему в грудь. Слух резанул чей-то истошный вопль. Слева, фашист остервенело колот штыком распростертое перед ним тело в защитной униформе. Одним прыжком Андрей оказался на ногах, и перехватив автомат как дубину за горячий ствол, обжигая

руки, но совершенно этого не замечая, что было сил двинул врага по затылку. Не издав не звука, немец ничком рухнул на землю, его винтовка так и осталась, слегка покачиваясь торчать в теле мертвого бойца. Приклад Карасевского ППД от страшного удара разлетелся на куски. Едва успел отбросить его в сторону, как сильный толчок сбил его с ног и он вновь покатился по земле на этот раз, сцепившись в смертельных объятиях с новым противником. Тяжелая туша навалилась сверху, и Андрею с трудом удавалось удерживать занесенную над ним руку с ножом. Наконец изловчившись, он ударил лбом в переносицу немца и воспользовавшись моментом выхватил трофейный штык из ножен на поясе и несколько раз воткнул его в разом безжизненно обмякшее тело. Не успел выбраться из-под трупа, когда рядом со своим лицом, увидел ноги в коротких, пыльных сапогах.

Молодой, белобрысый парень, в чужой форме, с закатанными по локоть рукавами, ничего не замечая рядом с собой, азартно палил, куда-то от бедра, короткими очередями. Взмах и блондин с диким визгом повалился на землю, тщетно пытаясь остановить кровь, хлещущую из перерезанной бедренной артерии. Визг этот вскоре заглох, сменившись хрипами, после того как Карасев несколько раз ударил его ножом в грудь.

А дальше враги кончились. Не выдержав отчаянной резни рукопашной схватки, фашисты откатились, оставив за красноармейцами густо покрытое трупами поле боя. Вид нависшего над грудой безжизненных тел Андрея, в порванной гимнастерке, с головы до ног залитого кровью, немецким штыком, зажатым в побелевшем кулаке, с диким блуждающим взглядом широко открытых глаз был настолько жутким, что заставил вздрогнуть даже выдавшего виды старшину Ковальчука, случайно оказавшегося поблизости.

Как он вернулся в свой окоп, Карасев совершенно не помнил, и вообще весь долгий день двадцать третьего июня остался в памяти бесконечной чередой вражеских атак и артобстрелов. Еще дважды дело доходило до рукопашной, он

дрался прикладом, ножом, даже саперной лопаткой. Казалось, уже исчерпал весь свой лимит везения, но судьба почему-то была благосклонна к нему, и он снова и снова оставался живым и даже не раненым, ведь не считать же за раны бесчисленные синяки, ушибы и царапины, казалось сплошняком покрывавшие его многострадальную тушку.

После каждой своей атаки фашисты откатывались назад, оставляя тела своих мертвых солдат, но, так и не сумев сломить отчаянной обороны советских бойцов. Только спустившиеся сумерки принесли, наконец, отдохновение измотанным людям и истерзанной, изорванной земле.

Часть 2. Марш обреченных.

Глава 8

Ключья утреннего тумана под первыми солнечными лучами тают между деревьев и кустов, прячутся в логах и оврагах, оседая влагой на траве. Утренняя свежесть холодит спину через влажную ткань гимнастерки, тяжесть ДП на плече ощутимо пригибает к земле. Андрей шагает в походной колонне на восток, туда, где отдаленным громом ни на час не умолкает канонада. Вокруг слышен только топот множества ног, бряцание оружия негромкие разговоры бойцов и мерное пофыркивание лошадей впряженных в громыхающие на ухабах подводы с ранеными. Батальон отступает.

Пограничники держатся тесной кучкой, несколько обособленно от стрелков. Перемотанный грязными, окровавленными бинтами, но неунывающий Галиулин, молчаливый и мрачный больше чем обычно Олексич, двое незнакомых Карасеву бойцов, и старшина Ковальчук, принявший командование группой. На двух крестьянских подводах мечущийся в бреду и беспамятстве политрук Рыбаков да

еще восемь раненых, не способных передвигаться самостоятельно в сопровождении санинструктора. Это все, кто уцелели после жарких боев второго дня войны и отчаянного ночного прорыва.

К исходу дня двадцать третьего июня командовавший стрелками и присоединившимися к ним пограничниками старший лейтенант Прутников, поняв, что помощи ждать неоткуда, отдал приказ прорываться к своим.

Казалось, после тяжелейших боев второго дня войны никакая сила уже не сможет поднять измотанных людей на ноги, но едва землю окутала ночная тьма, прозвучал приказ, поднявший бойцов в атаку. Без криков и стрельбы красноармейцы внезапно обрушились на окопы занятые немецкой мотопехотой и на плечах запаниковавшего противника ворвались в Кшечев.

Моторизованный батальон 11-й танковой дивизии вермахта и так изрядно потрепанный в череде неудачных дневных атак не удержал позиций и был отброшен к юго-востоку. Теперь пара сотен измотанных, усталых бойцов вырвавшись из котла окружения, старательно избегая дорог, по которым сплошным потоком движутся наступающие немецкие части, идет к линии фронта. Судя по близкому грохоту канонады, линия фронта эта совсем близко. Километра полтора - два, не больше.

- Ст-о-ой - негромко прошелестело по цепи - пограничники к комбату

- Пошли хлопцы - Ковальчук шагнул на обочину и, дождавшись пока следом за ним подтянутся остальные бойцы, легкой трусцой направился в голову располагающейся на привал колонны.

Прутникова нашли на небольшой поляне чуть в стороне от тропы. Вместе с ним над планшеткой с картой склонились двое: уже знакомый, худосочный младший политрук и Пахом Сидорович Щербаков, в последний момент, решившийся все-таки покинуть Кшечев вместе с отступающими советскими войсками. К счастью

для него в первый день оккупации местечка немцам было не до выявления советских активистов. Испытывать судьбу, старик, вняв мольбам жены, не захотел, и вот теперь оставив супругу при обозе ухаживать за ранеными, он в качестве проводника шел во главе походной колонны.

- Старшина, слушай боевую задачу - старший лейтенант взмахом руки оборвал доклад Ковальчука - возьмешь своих бойцов, кстати, сколько их у тебя?

- Со мной шестеро.

- Понятно, значит, ваша задача выдвинуться к укрепрайону, прояснить обстановку, по возможности установить связь с другими частями Красной Армии. Задача ясна?

- Ясна товарищ старший лейтенант - кивнул старшина.

- Я с ребятами пойду - председатель решительным жестом нахлобучил на голову картуз.

- Вы Пахом Сидорыч точно решили? - покосился на него командир – разведка-дело серьезное...

- Ну, ты поучи еще комбат - усмехнулся старик - я в польскую компанию здешние места вдоль и поперек на пузе исползал. Разведчиком был у Пархоменко в четырнадцатой кавдивизии. Так, что каждый кустик, каждую кочку здесь знаю.

- Застава, становись - старшина окинул взглядом куцую шеренгу бойцов и пристроившегося к ним председателя - с собой только оружие и боеприпасы, все лишнее оставить в обозе, через десять минут выступаем. Боец Галиулин остается здесь. Вопросы есть? Разойдись.

- Товарищ старшина, товарищ старшина - Тимур буквально мертвой хваткой вцепился в командира - разрешите я со всеми вместе. Вы на эти бинты внимания не обращайте, я здоров.

- Хорошо - после недолгих сомнений кивнул Ковальчук - пойдешь с нами.
- Есть - обрадованный боец подхватил свой вещмешок и бегом догнал направляющегося к повозкам товарища - слушай Андрюха, а что кроме нас в разведку некого послать? Старшой то своих, пехотских бережет, а нас загонял уже.
- Чего-то я тебя не пойму - бросил на него удивленный взгляд Андрей - ты же сам напросился с нами идти, а сейчас бурчишь?
- Да это я так, просто интересно. Мне, от своих отрываться нельзя, куда же я без вас-то? Да и не справитесь вы без меня.
- Я думаю, он нас не потому в разведку посылает, что своих бережет, а потому, что у нас подготовка круче - решил прояснить ситуацию Карасев.
- Это как это, круче? - не понял Тимур - горы крутые бывают, еще яйца, когда вкрутую сварены, а чтобы про людей так говорили, ни разу не слышал.
- Ага, вот и я про то, выше нас только горы, круче нас только яйца - усмехнулся Андрей.
- Мастер ты, как я посмотрю, словечки всякие придумывать - рассмеялся Галиулин - немцев вот, фрицами называешь, да и остальные, глядя на тебя тоже так говорить стали.

Действительно с подачи Карасева и с легкой руки его друзей уже не только пограничники, но и стрелки подхватили данное врагам прозвище, и даже в речи Прутникова оно нет, нет, да проскальзывало.

Отдав свои нехитрые пожитки председателевой супруге на сохранение, парни вскоре присоединились к остальным разведчикам, и после недолгих сборов отряд покинул походный бивуак.

Взошедшее солнце окончательно разогнало остатки утреннего тумана и высушило капли росы на траве и ветвях деревьев. Бой, гремевший где-то впереди,

затих и в верхушках деревьев снова защебетали радующиеся очередному солнечному, летнему дню беззаботные пичуги, которым нет совершенно никакого дела до кипящих на земле человеческих страстей. Лежащий рядом боец что-то недовольно шипит сквозь стиснутые зубы, и Андрей его прекрасно понимает, от долгого лежания в мокрой от обильной росы траве, гимнастерка и галифе промокли насквозь, ощущение такое, словно валяешься в луже. И пошевелиться нельзя, двум немецким связистам тянущим откуда-то нитку полевика - приспичило остановиться и покурить в десяти шагах от того места, где залегли пограничники. К счастью, они свято уверены в собственной безопасности и не очень смотрят по сторонам, весьма оживленно и громко обсуждая достоинства некоей Грэтхен из Дюссельдорфа. Скромных Карасевских познаний в немецком едва хватает, чтобы разобрать отдельные слова. Трудно имея в багаже только более чем двадцатилетней давности школьный курс немецкого языка, пусть и усвоенного на "отлично", разобрать, о чем между собой болтают два чистокровных фрица.

Снять бы их потихоньку, но никак не получится. Метрах в ста дальше маячит туда-сюда часовой, охраняющий накрытые пятнистой маскировочной сетью грузовики. Время от времени он останавливается, бросает полный неприкрытой зависти взгляд на бездельников - связистов и, потянув носом ароматы расположенной неподалеку полевой кухни, продолжает свое монотонное хождение взад-вперед.

Обидно - до передовой, а значит до своих, отсюда рукой подать. Со слов Пахома Сидоровича вон за той рощицей, в километре отсюда уже начинается простреливаемое из пулеметов и орудий ДОТов предполье укрепрайона. Вот уже полчаса, разбившиеся на пары, бойцы тщетно ищут лазейку в плотных порядках немецкой пехоты. Андрею в напарники достался москвич Илья Еремеев. Отец у него какая-то крупная шишка в наркомторге, а вот, поди ж ты, сын в армии, причем не где-то в столичном гарнизоне, под теплым крылышком всемогущего папаши. И ни родителям, ни самому Илье и в голову не пришло, что можно

воспользовавшись связями отца как-то отмазаться от призыва. Да и совсем не похож этот серьезный, интеллигентный парень, на тех маасквичей основательно доставших его еще в той прошлой жизни бесконечными инспекциями и проверками - поборами, наглых, заносчивых, с какой-то великодержавно - боярской спесью, относящихся ко всему остальному - "замкадовскому" населению огромной России. Только сейчас Андрей начинал понимать, какая огромная разница возникла в характерах и менталитете людей всего за каких-то пятьдесят лет. Вроде и говорят на одном и том же языке, живут в одних и тех же городах, ходят по тем же улицам, что же должно было произойти в стране и умах ее граждан, чтобы за столь короткий срок пролегла такая пропасть между поколениями.

Между тем "сладкая парочка" закончила перекур и, повинувшись строгому, начальственному оклику какого-то мордатого фельдфебеля и подхватив катушку с проводом, направилась своей дорогой, помянув напоследок "тупую, жирную свинью".

- Знать бы, откуда они телефон тянут - в голову Карасева внезапно пришла интересная мысль.

- Из штаба батальона, на ротный НП - невозмутимо ответил напарник и, предупреждая следующий вопрос, мотнул головой в сторону удаляющихся немцев - эти и сказали.

- А чего ты сразу не сказал, что язык знаешь?

- Меня никто и не спрашивал - пожал плечами Еремеев.

- Ладно, пойдем, посмотрим, куда приведет нас волшебная нить Ариадны - Андрей окинул внимательным взглядом залитую солнцем поляну, не хватало еще наскочить на фашиста по нужде отошедшего в кусты. Не обнаружив ничего

подозрительного, не обращая внимания на удивленный взгляд товарища, пополз в ту сторону, откуда появились немецкие связисты.

Тонкий телефонный провод гибкой змейкой стелился по земле, не потерять его из виду и самим не попасть на глаза немцам, то и дело шнырявшим по окрестностям оказалось делом достаточно не простым. После десяти минут переползаний, перебежек, перекатов и замираний на месте в самых причудливых позах, бойцы взмокли так, что их можно было выжимать. Все чувства обострились настолько, что даже легкий шорох листвы страшным грохотом отдавался в ушах, а местонахождение вражеских солдат еще издали обнаруживалось резкими запахами табака, пота, сапожного крема. Натянутые как канаты нервы, казалось, звенели от напряжения, поэтому, когда в кустах буквально в двух шагах от него резко дважды крикнула сойка, Андрей едва не подпрыгнул от неожиданности, не сразу сообразив, что это условный сигнал.

В густых зарослях орешника обнаружились остальные члены разведгруппы.

- Ну, докладывай хлопцы у кого, что? - негромко потребовал старшина.

- Бесполезно - устало покачав головой, за всех ответил Олексич - здесь фрицев столько, что не протолкнуться. Надо до ночи подождать.

- Нельзя до ночи. После Кшечева немцы, уже, наверное, опомнились, и местоположение батальона могут обнаружить в любую минуту.

- Разрешите мне попробовать товарищ старшина - Карасев сам от себя не ожидал такой прыти - только нужен комплект немецкой формы.

- Два комплекта - неожиданно поправил его Еремеев - ты все равно языка не знаешь.

- Ну, хорошо проберетесь вы к своим, а дальше, что? - уловив мысль, Ковальчук вопросительно уставился на своих подчиненных.

- Проберемся к своим, попросим дать красную ракету, это значит, что мы дошли нормально - продолжил излагать свою мысль Андрей - потом свяжемся с нашим командованием и по условному сигналу, ну, скажем, две зеленые ракеты, ударим одновременно. Они атакуют передний край, а наш батальон - штаб немецкого батальона, разгромит его и деморализует противника, ну а там, уже как получится. В общем, для нас, это единственный шанс выйти из окружения. Штаб можно найти по телефонному кабелю, его немцы тут рядышком протянули.

- Ну, ты голова, Карасев - изумленно протянул старшина - чего-то я за тобой раньше таких стратегических талантов не замечал.

- Не знаю, товарищ старшина - пожал плечами Андрей - просто подумал, что может получиться.

Из всего плана, пожалуй, самым легко выполнимым оказался процесс добывания униформы. Ее вместе со своими железными конями, любезно предоставили два немецких велосипедиста. "Дранг нах остен" ветеранов польской компании остановил натянутый поперек неширокой тропинки, кусок веревки, в которую доблестные солдаты вермахта влетели на полном ходу.

Если Еремееву трофейное обмундирование пришлось почти, по размеру, разве что штаны сидели несколько мешковато, то для плечистом Карасеве, серый мундир, казалось вот, вот разойдется на спине по шву, а руки чуть ли не до локтя сиротливо торчали из коротких рукавов. Хотя, положение удалось слегка исправить, закатав повыше рукава и расстегнув пару верхних пуговиц.

Илья закинул на плечо немецкий карабин, а Андрей оставил свой МП, который прихватил в разведку вместо разбитого в рукопашной схватке на заставе ППД. Впервые за почти, что четверть века, Карасев взгромоздился в кожаное седло велосипеда. Некоторое время ушло на борьбу с непокорным механизмом, упорно пытавшимся сбросить неумелого седока. Словно плохому танцору, ему мешало решительно все, то ребристая коробка противогоза, то подсумок с

запасными магазинами, то саперная лопатка все время норовившая зацепиться за раму, но вскоре позабытые было навыки, вспомнились, и он бодро покатиł следом за Еремеевым.

Глава 9

Немного пропетляв между кустами, тропинка вынырнула на уже знакомую поляну. Часовой по-прежнему маячил возле замаскированных грузовиков, у дымящей полевой кухни собралось десятка полтора фрицев, оживленно гремящих термосами. Совершенно не похожий на повара, длинный, тощий как жердь немец в белом колпаке и фартуке, большим черпаком сноровисто разливал в подставляемую тару исходящее ароматным паром варево. Ни повар, ни пришедшие за обедом солдаты не обратили ровно никакого внимания на двух велосипедистов, только часовой проводил их скучающим взглядом и отвернулся. Очевидно, созерцать раздачу пищу, показалось ему занятием более увлекательным.

Впрочем, велопробег оказался недолгим. Добравшись до рощицы указанной Щербаковым и миновав группу фрицев, копающих глубокую квадратную яму не то под сортир, не то под братскую могилу, ряженные велосипедисты свернули в кусты. Там машины пришлось бросить и дальше двигаться уже пешим порядком.

Первая неприятность ожидала уже через пять минут, когда практически выбравшись из небольшого перелеска, внезапно наскочили на расположившуюся на просторной поляне минометную батарею. К счастью немцы еще издали выдали свое местонахождение шумом голосов, бряканьем металла и мощным "амбре" обычно сопровождающим большое скопление военного люда.

Аккуратно раздвинув ветви, Андрей внимательно разглядывал растянувшиеся редкой цепочкой, глядящие в небо трубы минометов, группки отдыхающих фрицев. Особое внимание привлек штабель ящиков с боеприпасами находящийся на некотором удалении от артиллерийских позиций и метрах в десяти от орешника, в котором скрывались разведчики.

- Илья у тебя граната есть?

- Вот - напарник протянул трофейную "колотушку" - ты чего удумал?

- Нет, эта не пойдет - Карасев с сожалением покачал головой - хотел им сюрприз сделать.

- Эта подойдет? - Еремеев выудил из кармана ребристую "лимонку".

- В самый раз - одобрительно кивнул Андрей - жди меня здесь.

Взяв у товарища гранату, он быстро пополз к ящикам. К счастью, штабель надежно скрывал его от глаз караульного, внимание которого было отвлечено появившимся на поляне солдатом, нагруженным двумя тяжелыми термосами.

Незамеченным добравшись до места, Карасев быстро вкрутил запал, плотно, так чтобы стенки ящиков прижали рычаг пристроил между ними эфку, аккуратно вытащил чеку и вернулся обратно.

Позицию минометчиков обошли по широкой дуге, продираясь через заросли каких - то колючих кустов. Просветы между деревьями становились все больше, похоже, лесок заканчивался ...

- Халът - резкий окрик заставил остановиться.

В неглубоком, замаскированном окопчике на опушке леса прятался расчет МГ, пулеметчик - высокий крепкий мужик, средних лет с унтер-офицерскими знаками различия и значком ранений на груди, и его напарник, молодой, белобрысый солдатик.

Унтер с недовольной физиономией принялся, что-то резко выговаривать двум "думкопфам", которые как бестолковые бараны прутся напрямик в расположение противника. Основной удар "начальственного" гнева принял на себя Еремеев. Он уставился на фрица преданными, бараными глазами, и только время от времени

"яволькал", суетливо застегивая воротничок и поправляя ремни и висевшее на них снаряжение.

Андрей, словно случайно, встал чуть сбоку, закрывая товарища от глаз второго номера, поэтому тот так и не увидел, как, поправляя амуницию, Еремеев внезапно выхватил из ножен на пояском ремне штык и метнул его в грудь первого номера. Только когда тело унтера стало заваливаться на спину до его напарника наконец дошло, что ситуация складывается как то не правильно, глаза его удивленно расширились, рот открылся для крика. Карасев стремительно пробил ему в переносицу, прямо между широко открытых глаз, а потом уже лежащего добил ударом своего штыка.

Расправа над пулеметным расчетом заняла буквально несколько секунд, затем Илья, ухватив МГ за ствол, широко размахнулся и зашвырнул двенадцатикилограммовую железяку насколько мог на нейтральную полосу. Андрей выудил из кобуры на животе унтера пистолет, и бойцы, пригибаясь, метнулись через усеянное воронками поле "ничейной" земли, к серой коробке ДОТа.

За спиной раздался крик, затем одиночный выстрел, следом за ним, словно подстегивая беглецов, захлопали винтовки, затрещали пулеметы. При первых же выстрелах Карасев плюхнулся на землю и пополз. Свист пуль заставлял всем телом вжиматься в землю, искать укрытие за каждой, даже самой маленькой кочкой. Он скатился в какую-то воронку и смог слегка перевести дыхание. Осторожно приподнявшись на локтях, огляделся в поисках напарника. Еремеев лежал в двадцати метрах от его укрытия и примерно в двухстах метрах от немецких позиций. Суматошная пальба со стороны противника значительно поутихла, и десяток фигур в фельдграу устремился к неподвижному телу. К счастью советские бойцы, составлявшие гарнизон укрепрайона расценили непонятное шевеление во вражеском стане как начало новой атаки. Плотный огонь «максимов» заставил прытких фрицев залечь и в свою очередь, искать укрытия.

Воспользовавшись неожиданной помощью, Андрей одним стремительным броском преодолел небольшое расстояние и тяжело отдуваясь, плюхнулся на землю рядом с неподвижным товарищем. Быстро нащупал слабо пульсирующую артерию на шее и, ухватив Илью за ремни снаряжения, пополз, обратно волоча за собой неожиданно грузное тело.

Возмущенные таким оборотом дела немцы, на помощь которым пришли еще десятка полтора их сослуживцев, недовольно загомонили и, невзирая на плотный пулеметный огонь, короткими перебежками стали продвигаться вперед. Видимо от своего начальства они получили приказ взять перебежчиков живыми, поэтому стрельба с их стороны была скорее беспокоящей, чем прицельной. Однако скорость продвижения противника значительно превышала черепаший темп Карасева с каждым шагом, уменьшая и без того весьма невеликие шансы на спасение.

- Хальт – самый прыткий «зольдат» вынырнул из воронки всего в нескольких шагах, готовясь к решительному броску.

- Да пошел ты... - Выдернув из-за пояса конфискованный у пулеметчика парабеллум, Карасев несколько раз выстрелил в шустрика. Не попал, руки сильно тряслись от нервного и физического напряжения. Гитлеровец успел спрятаться обратно, но отстал, очевидно, передумав в одиночку брать «кусачую» добычу и дожидаясь приятелей.

А вот и сами приятели «нарисовались, не сотрешь», трое, короткими перебежками обходили слева метрах в двадцати. В полном соответствии с известной присказкой Андрей швырнул в их сторону трофейную гранату. Грохнул взрыв, сопровождающийся воплями, стоном и грубой руганью на немецком, а затем земля дрогнула и, заглушая все остальные звуки что-то мощно и тяжело «ахнуло» где-то в лесу за спинами фашистов. Похоже, оставленный между ящиками с минами «сюрприз» сработал несколько раньше запланированного

срока. Но, тем не менее, нет худа, без добра, воспользовавшись замешательством врагов Карасев смог, наконец, оторваться от преследователей. До советских окопов оставалось всего метров полтора – двести, теперь, однако, возникала другая проблема. Затянув тело товарища в очередную воронку, и пользуясь короткой передышкой, Карасев принялся лихорадочно просчитывать ситуацию. Шансы попасть под «дружественный огонь» стремительно приближались к ста процентам. Андрей сильно подозревал, что после поднятого ими шума увидев ползущего к своим позициям человека в немецкой форме, красноармейцы сначала будут стрелять, а уж потом разбираться, но схлопотать пулю от своих, ну совсем не хотелось. Такой вариант развития событий его совершенно не устраивал, единственная возможность уцелеть в данной ситуации, это сбить стрелков с толку, заставить их сначала подумать, а уж потом стрелять. Прикинув так и эдак, Андрей принялся раздеваться. Расстегнул ремни амуниции, скинул мундир. По зрелому размышлению штаны все-таки решил оставить. Снова нацепил снаряжение, сунул парабеллум за ремень, автомат повесил на шею и, подхватив бесчувственное тело товарища под мышки, двинулся дальше.

Ползти спиной вперед, волоча при этом на себе восьмидесяти килограммовый груз через перепаханное минами и снарядами поле, то еще удовольствие, особенно если в этот момент над головой нет, нет, да просвистит шальной кусок свинца. Каждый метр давался с немалым трудом, едкий, соленый пот заливал глаза, каблуки сапог то и дело соскальзывали, пробуксовывая на влажной траве, вырывая целые куски дерна. Рука наткнулась на что-то холодное и мерзко - осклизлое. Вздвогнув от отвращения и неожиданности, он обернулся. Ну, так и есть то, что некогда было бравым гитлеровским воякой, ныне превратилось в отвратно воняющий, вздувшийся и почерневший кусок разлагающейся плоти, повисший на «колючке». Еще несколько десятков таких же серых безжизненных холмиков в живописнейшем беспорядке разбросаны вдоль линии проволочных заграждений прикрывающих подходы к опорному пункту.

Кажется кто-то из «великих» говорил, что труп врага всегда хорошо пахнет, видно ошибался этот самый «великий», или трупов не нюхал, вонища вокруг стояла такая, что называется хоть святых выноси. За истекшие три дня своего пребывания в прошлом Карасев успел повидать столько покойников, сколько не видел за двадцать лет работы «уголовке», да еще и активно поучаствовал в увеличении количества этих самых покойников, так - что увиденное его ничуть не смутило. К тому же никто их, фрицев сюда не звал, сами приперлись. За что боролись, на то и напоролись. Андрей брезгливо вытер испачканную ладонь о штаны и про себя молясь о том, что бы на руке не было никаких ссадин и царапин, в которую мог бы проникнуть трупный яд, закрутил головой в поисках разрыва в тянущейся в обе стороны от него и кажущейся бесконечной линии колючей проволоки.

Последние метры Карасев преодолел практически на «автомате». Несколько пар крепких рук ухватили его, перетаскивали через бруствер, и в себя он окончательно пришел уже на дне траншеи. Безропотно отдал оружие и дал себя обыскать.

- Медика давайте, у меня раненый – Андрей стоял с поднятыми руками перед обыскивающими его бойцами, а по чумазому лицу гуляла глупая, радостная улыбка.

- Мертвый твой немец – конопатый, лопоухий боец, с любопытством разглядывающий карасевский парабеллум, небрежно кивнул головой в сторону на лежащее на дне окопа неестественно вытянувшееся тело Еремеева – чего ты егодохлого - то волок. Тут этой падали и без него хватает.

- Ах ты... - улыбка на лице Андрея сменилась гримасой ярости, и конопатый отлетел в сторону, держась за разбитое лицо – ты кого падалью ...

Договорить он не успел сильный удар сзади бросил его на землю и кто-то навалился сверху выкручивая за спину руки. Рыча сквозь плотно сжатые зубы, он

отчаянно пытался вывернуться, один раз даже угодил ногой во что-то мягкое, вызвав в ответ щедрую порцию оплеух сопровождаемых отборными матами.

- Отставить – громкий, требовательный рык остановил экзекуцию – что здесь происходит?

- Вот товарищ капитан, беляка поймали. Сопротивлялся гад, вон Зимину рожу разбил – доложил кто-то из красноармейцев.

- Какого еще беляка? - в голосе капитана мелькнули нотки удивления – а ну поднимите его.

- Как есть сволочь белогвардейская – утирая кровь, текущую из расквашенного носа злобно ощерился Зимин – по-нашему хорошо говорит, а форма и оружие фашистские. Еще и немца мертвого с собой приволок.

Дружными усилиями потрепанного Карасева водрузили на ноги, и он, наконец, смог рассмотреть окруживших его бойцов.

- Мать чесна! - Физиономия стоящего рядом с кряжистым, чуть полноватым капитаном бойца показалась Андрею знакомой – пограничник опять ты. Вона где встретились, значит.

- Здорово Кравчук - кивнул головой Андрей.

- Что знакомец? – кряжистый командир повернулся к Кравчуку.

- Так точно товарищ капитан, знакомец. В аккурат перед войной, у субботу, помог нам с лейтенантом Вахрамеевым диверсантов в местечке задержать. Та мы про то докладывали.

- Так, что выходит, свой, что ли? - удивленно зашумели красноармейцы – а чего тогда в драку полез.

- Та свой-то вин свой – почесал затылок сверхсрочник – тильки разобраться трэба, який вин свой. К особисту его трэба товарищ капитан.

Само словосочетание «укрепрайон» у Карасева всегда вызывало ассоциации с чем-то мощным, монолитным, вроде линии Мажино или Маннергейма, эдакие могучие, неприступные глыбы бетонных фортов, с многоярусными казематами, оцетинившиеся орудиями и пулеметами, непроходимые для любого врага. Укрепления же Струмиловского УРа, представляли собой редкую цепь обороняемых подразделениями пульбатов, опорных пунктов. Мертвой хваткой, окровавленными пальцами потрепанных рот, вцепилась в них 124-я стрелковая дивизия так и не сумевшая выполнить свою задачу и прорваться к государственной границе. Лишившиеся с потерей Порицка и Тартакова своих складов со всеми их запасами, ее полки дрались в полном окружении, отражая атаки трех пехотных и одной танковой дивизии немцев. Командование ее, все еще надеясь упорной обороной сковав противника, поддержать контратаки 15-го и 22-го мехкорпусов, не могло знать, что контратаки эти цели своей не достигнут и потерявшие под ударами вражеских танков и авиации почти всю свою матчасть, мехкорпуса будут вынуждены отступить.

Естественно обо всех этих стратегических перипетиях не знал и Карасев, исподлобья наблюдающий за сидящим напротив командиром. Высокий, жгучий брюнет лет тридцати пяти – сорока с майорскими шпалами в петлицах устало потер лицо, раскурил новую папиросу и, выпустив струйку дыма, растаявшую где-то под бревенчатым потолком блиндажа, смерил задержанного долгим взглядом красных от недосыпания глаз.

- Ну, дальше что было? – вопрос этот был адресован стоящему за спиной Андрея бойцу.

- Так это все, товарищ майор, диверсанта мы в особый отдел доставили. А пограничника мы больше и не бачили, покуда сегодня сам к нам в окоп не скатился.

- Так говоришь, лейтенант Вахромеев и красноармеец Иванович с тобой в патруле были?

- Так точно, товарищ лейтенант еще цего пограничника признал, фамилию его называл: рыбная такая фамилия - Окунев, чи Лещев... - красноармеец замялся – тильки Ивановича еще в перший день осколком убило, а Вахромеева с медсанбатом позавчера эвакуировали.

- Ты подтверждаешь? – брюнет длинно затянулся едким табачным дымом, и шумно выдохнув, вопросительно взглянул на Карасева.

- Что именно? Факт ранения лейтенанта, или задержания диверсанта? – не удержался от легкого сарказма Андрей.

- Остришь, значит, ну-ну - колючий взгляд прищуренных глаз майора несколько диссонировал с нарочито спокойным тоном – я посмотрю, как ты перед расстрельной командой шутить будешь.

- Подтверждаю, товарищ майор, только не сбегал я ни от кого, просто на заставу надо было, в наряд заступать, вот я и подумал, что если нужен буду, вы меня всегда найти сможете.

- Кравчук свободен, подожди там за дверью – бросил особист и, дождавшись пока обрадованный сверхсрочник покинет блиндаж, продолжил - ну, допустим я тебе поверю, и что фамилия твоя - Карасев и служишь ты, служил точнее, на девятой заставе. Тогда расскажи мне, что ты делал у фашистов и зачем мертвого немца с собой приволок?

- Товарищ майор, да если бы я шпионом был, зачем же мне тогда в местечке мотоциклистов сдавать было? Я же вам докладывал, что направлен старшим лейтенантом Прудниковым и старшиной Ковальчуком в разведку. А мертвый этот никакой не немец, а напарник мой Еремеев. И форму немецкую взяли, потому что через линию фронта по-другому никак не перебраться было. Товарищ майор, пока мы тут разбираемся, немцы наш батальон обнаружат и в тонкий блин раскатают.

- Все-то у тебя складно получается – доброжелательно осклабился брюнет - А может все совсем не так было? А может быть ты вражеский агент, направленный с целью внедрения? А своих в местечке нам сдал, чтобы от себя подозрение отвести? Пожертвовал пешку, а сам в ферзи скакнул, а? В шахматы играешь? А Вахрамеев ведь и обознаться мог.

- Да не мог он обознаться – впервые в своей жизни бывший старший опер не «колол» подозреваемого, а пытался доказать свою невиновность – мы на окружных соревнованиях в спарринге стояли, трудно не запомнить лицо в которое колотишь в течение десяти минут.

- Ладно – майор потушил окурок – карту читать можешь? Подойди, покажи, что по дороге видел.

Некоторое время Андрей не очень уверенно водил пальцем по развернутой на столе «трехверстке» весьма приблизительно намечая расположение батальона и более точно, размещение обнаруженных при переходе линии фронта, немецких позиций.

- По-моему, вот здесь у них грузовики стоят – он слегка обвел карандашом небольшой овал на краю зеленого пятна изображающего на топокарте рощу – здесь, большое скопление пехоты, тогда тут, батарея минометная, была...

- Почему была? – поднял на него воспаленные глаза особист.

- Да мы им «лимонку» между ящиков с боеприпасами засунули. Хорошо рвануло.

- Хм – недоверчиво хмыкнул брюнет - есть еще что добавить?
- Да вроде, все, товарищ майор – пожал плечами Карасев.
- Ладно – командир поднялся, шагнул к выходу – эй, кто там, Кравчук.
- Товарищ майор, красноармеец Кравчук по-вашему приказанию прибыл – вытянулся на пороге сверхсрочник.
- Задержанного, содержать под стражей до дальнейшего моего распоряжения, лично за него отвечаешь, головой. Понял?
- Так точно - вытянулся боец и кивнул задержанному – пишли пограничник.

После полутьмы прокуренного насквозь блиндажа, Карасев с удовольствием вдохнул полной грудью, чистый лесной воздух. Однако путь по извилистым ходам сообщений был недолог, и вскоре задержанного втокнули в крохотную, темную землянку, захлопнув за ним дощатую дверь.

Андрей на ощупь отыскал деревянные нары у стены и с удовольствием растянулся во весь рост. Не часто в последнее время выпадает возможность нормально отдохнуть, пусть даже и под арестом. А что, задачу он выполнил, похоже, ему поверили, а значит, примут меры, чтобы помочь Прутникову и его бойцам прорваться к своим. Боль от потери товарища уже давно утихла, слишком много уже смертей видел за эти дни. За свою собственную судьбу бывший опер беспокоился мало, раз уж поверили, разберутся и отпустят, так, что можно спокойно вздремнуть часов несколько. Правда, поесть бы не мешало, пустой желудок тут же напомнил о себе голодным урчанием.

- Эй, Кравчук, меня кормить то будут? Арестованных кормить положено.
- Чем я тебе кормыты буду? Грудью? – невозмутимо отвечивал караульный – тебе велено охранять, а чтоб кормыты, на то команды небуло. И вообще, арестованным языком трепать не положено, так, что сиди и помалкивай.

- Скучный ты человек Кравчук – зевнул Андрей – не интересно с тобой.

Разбудил его стук открываемой двери и знакомый голос старшины.

- Выходи герой.

Жмурясь от яркого солнечного света, Карасев выбрался наружу, угодив прямым в объятия Ковальчука и Олексича.

Глава 10

На четвертый день войны, 25 июня, штаб 124-й стрелковой дивизии, при котором размещалась отдельная сводная рота НКВД, располагался в лесу в районе Милятина. Густая, зеленая листва надежно укрывала, большие брезентовые палатки, штабные автобусы, «полуторки», расчеты зенитных орудий, установок счетверенных «максимов», в общем, все скопление людей и техники положенной по штату штабу крупного войскового соединения, от навязчивого любопытства, постоянно болтающегося в безоблачной синеве немецкого самолета-разведчика

Бойцам сводной роты, сформированной из пограничников и местных милиционеров, естественно никаких палаток не досталось, а посему ютиться приходилось в наспех слепленных шалашах, а то и вовсе под открытым небом. Благо на дворе конец июня, захочешь, не обморозишься.

Карасев тщательно протирает куском ветоши лежащие на расстеленной, в траве немецкой плащ-палатке, детали разобранного ДП. Руки механически делают привычную работу, а мысли унеслись далеко. Назойливые мысли, как вон та чертова «рама» над головой, из-за которой ни костра развести, ни кухню полевую растопить.

Что он, выпускник обычной советской средней школы знает о Великой Войне? Да практически ничего, чтобы могло хоть как-то помочь в складывающейся

ситуации. Брестская крепость, но она, значительно северней, ее бессмертный гарнизон только начинает свою кровавую и героическую эпопею. До Московской и тем более Сталинградской битвы еще далеко. Что остается? Киевская катастрофа? Трагедия, закончившаяся полным разгромом Юго-Западного фронта, пока еще не произошла, но произойдет обязательно, и предотвратить ее он вряд ли сможет. Тем более, что Андрей имеет весьма приблизительное понятие о ее причинах, вроде как Жуков предлагал отвести войска за Днепр и сдать Киев, а Сталин отказался, вот и все послезнание, ни дат, ни подробностей, и куда с этой «ценной» информацией бежать? К дивизионному особисту? Плохая идея.

Да и в конце концов они сами сейчас в «котле» и смогут ли из него выбраться неизвестно. А значит, что остается? Правильно, выбросить все из головы и выполнять поставленные задачи, благо, что задач этих самых на сегодняшний день хватает, даже с избытком. Бойцам сводной роты редко удастся отдохнуть, вот и сейчас два взвода выполняют задачи по охране дивизионных тылов и дорог, на которых нет-нет, да и постреливают. В тылу окруженной дивизии околачиваются немецкие парашютисты из «Бранденбурга» да и местные бандеровцы с приходом фашистов заметно оживились. Так и норовят устроить какую-нибудь пакость. Вот на этот случай и сидит на КП, их дежурный взвод. Народу во взводе немного, если точнее - двадцать семь человек, в основном пограничники, есть правда три милиционера выделяющиеся на общем защитном фоне своими синими гимнастерками. Кстати, его собственную форму, заботливо постиранную и заштопанную председателевой супругой, Андрею вернули. Это уже хорошо, а то пришлось бы щеголять в майке и серых, фрицевских штанах. С оружием, повезло меньше. Трофейные МП и парабеллум, бессовестно зажилила злопамятная «махра», вот и остался при нем только верный «дегтярь».

Вон бежит, командующий всем их разношерстым винегретом лейтенант Малышенков из погранкомендатуры, не иначе стряслось чего-то. Карасев поспешно принялся собирать оружие. Опять какая-то нездоровая суета в

расположении, того и гляди, построение объявят, чреватое последующим выездом на очередное происшествие.

Предчувствие его не обмануло, через десять минут закинув пулемет в кузов выдавшей виды «полуторки» и перевалившись через дощатый борт, он занял свое место на скамье между Галиулиным и Олексичем, и в компании еще десятка бойцов. Плечистый крепыш – водитель в выцветшей добела гимнастерке дважды крутанул «кривым» и грузовичок, заурчав двигателем, рванул следом за таким же набитым бойцами собратом.

Старательно укрываясь в тени деревьев и избегая открытых местах, громыхая и скрипя на ухабах деревянными кузовами и кабинами, машины крались по лесному проселку минут пятнадцать-двадцать. За это время немного успел прояснить ситуацию. Оказывается в двух километрах северней Милятина, в полосе дислокации 193-го отдельного разведбата, неизвестные расстреляли делегатов связи.

Буквально изрешеченный пулями мотоцикл и тела старшего лейтенанта - связиста и красноармейца-мотоциклиста обнаружили достаточно быстро в кустах, чуть в стороне от дороги.

- К машинам. Старшина, ко мне – выскочивший из кабины головной машины лейтенант расстелил на крыле автомашины топокарту и подозвал к себе Ковальчука – вот, смотрите, я с основной группой прочешу вот этот лесок, вы возьмете несколько бойцов, проверите вот этот хутор. Сколько людей вам надо?

- Своих возьму, товарищ лейтенант, ребята проверенные, думаю, троих достаточно будет.

- Хорошо - кивнул Малышенков – и еще. Федосеев.

- Здесь – на зов подбежал один из милиционеров, мужик лет сорока с коротким «ежином» русых волос и загорелой до кирпичного цвета, продубленной солнцем и ветром морщинистой физиономией.

- Поступаете в распоряжение товарища Ковальчука – и, повернувшись к старшине, лейтенант пояснил – участковый здешний, все окрестности и их обитателей как свои пять пальцев знает.

- Понял, пошли сержант. Олексич, Карасев, Галиулин за мной бегом марш – козырнул Ковальчук и легкой трусцой припустил в указанном направлении.

Тележная колея, немного попетляв по лесу, вывела бойцов к полутора метровому ивовому плетню, огораживающему небольшой хуторок, уютно разместившийся на краю обширного луга.

- Ну, что скажешь, Федосеев? – пристроившись за огромным выворотнем пограничники внимательно разглядывали картинку сельского пейзажа. Освещенные ярким солнечным светом, крытые соломенными крышами беленые мазанки, колодезный «журавль», пустую телегу во дворе под открытым навесом.

- Петра Лысюка хутор – негромко пояснил милиционер – хозяин справный, живет тише воды, ниже травы, с властью старается не ссориться. Два сына у него, старшего Игната в прошлом году в армию забрали, младший Василь дома должен быть. Пару раз заезжал к нему, вроде ничего подозрительного не замечал.

- Собаки есть на хуторе?

- В прошлый раз была пара кобелей, а сейчас чего-то не слышать. Странно.

- Вот и я думаю, странно. Так – старшина окинул взглядом свое немногочисленное воинство – Карасев остаешься здесь, в случае чего прикроешь нас огнем. Олексич, дуй на ту сторону, за окнами приглядишь. Федосеев, Галиулин за мной.

Оставшись один, Андрей поудобней пристроил пулемет за корягой, поводил стволом, проверяя сектор обстрела и прикусив сорванную травинку стал наблюдать как трое его товарищей короткими перебежками приближаются к строениям. Вот старшина, ловко перемахнув через плетень, прижался спиной к стене мазанки, быстро осмотрелся и махнул рукой. Во двор проскочил Тимур, укрывшись за телегой, взял под контроль входную дверь. Затем настала очередь бывшего участкового. Он, пригнувшись, быстро пересек открытое пространство и подбежал к невысокому крылечку. Внимательно осмотревшись по сторонам, по сигналу Ковальчука осторожно постучал в окно. Через некоторое время дверь отворилась и оставив бойца во дворе старшина и милиционер скрылись в полутьме хаты. Минут пять, ничего не происходило, со своей позиции Карасев мог видеть только напряженную фигуру укрывшегося за тележным колесом приятеля.

Хлопнула дверь, на двор выскочила растрепанная, простоволосая девчушка лет тринадцати и опрометью метнулась в приоткрытые ворота большого сарая. За ней следом, осторожно прокрался Галиулин. Прошло буквально минуты две-три. Первой из широко распахнувшихся ворот пулей вылетела ревущая белугой, так, что было хорошо слышно даже Андрею пацанка. Следом на сцене появился новый персонаж: высокий белобрысый, коротко стриженный молодой мужик, лет двадцати пяти, в белой нательной рубашке и серых брюках заправленных в сапоги. Он шествовал, задрав вверх обе руки, и боязливо оглядываясь на Тимура, указывающего незнакомцу направление движения легкими тычками винтовочного ствола в болезненно вздрагивающую, ссутуленную спину. Торжественно проследовав через двор, процессия скрылась в хате. Сигнала оставить позицию не поступало, и для Карасева вновь потянулись томительные минуты ожидания. Наконец на крыльце появился Федосеев и замахал руками. Справедливо расценив телодвижения милиционера, как приглашение присоединится к обществу, Андрей выбрался из своего укрытия и в свою очередь, взмахом руки подав сигнал Богдану, взвалил на плечо пулемет и зашагал к хутору.

Внутри, жилище Лысюка, роскошью не поражало. Хотя, чистота, порядок, пестрые домотканые коврики, белые, кружевные салфетки и громоздкая швейная машинка с ножным приводом весьма красноречиво говорили о наличии в доме некоторого достатка и заботливых женских рук.

Три обладательницы этих самых рук в возрасте от тринадцати до пятидесяти лет включительно присутствовали здесь – же, сидя на лавке у стены оглашали воздух жалобными стенаниями. В этом женском хоре, нестройно голосащем на певучей украинской мове, понять что-либо было довольно проблематично. Лишь внимательно прислушавшись, Карасев все-таки смог разобрать некоторые слова старшей из хуторянок, умоляющей пана большого начальника пощадить «неразумну дытыну».

Сам «пан большой начальник», он же старшина Ковальчук устроился на табурете у дощатого стола и молча, сурово взирал на понуро уткнувшегося в пол седоусого, длинного и костистого мужика лет пятидесяти. Рядом с хуторянином, робко переминался с ноги на ногу задержанный в сарае незнакомец, весьма печального образа. Насколько стало понятно из дальнейшей беседы он и был тем самым «неразумным детиной» которого следовало пощадить.

- Ганна, уймись – рявкнул на подвывающую тетку Федосеев и повернулся к задержанным – как же так, Игнат? Товарищи твои Родину защищают, жизни свои кладут, а ты здесь у бабы под юбкой спрятался? Ты понимаешь, что тебе по закону военного времени за дезертирство полагается? Где твоя часть?

- Не знаю – бросив на сержанта угрюмый взгляд, пробасил дезертир – як нимцы бомбыты почалы, то усих побили, и командира и комиссара, усих. А я у лис утек, мене помираты ни як не можно. Яка ж то война, колы воны бомбами усих поубывали?

- Оружие в доме есть? – прервал суровое молчание старшина.

- Нимає нічого – закрутил головою седуусый.
- Где твоя винтовка боец?
- Потерял - Лысюк младший пожал плечами и опустил голову – як вид нимцив тикал.
- Бросил, значит. Тебе советская власть оружие доверила, а ты его бросил – кивнул головою Ковальчук и задумчиво как бы про себя добавил - А может, и не бросил. Может, это ты из нее сегодня мотоциклистов на дороге расстрелял? Твоих рук дело, гнида?
- Не-е-е – отчаянно замотал головою Игнат, сообразивший, что кроме дезертирства ему «шьют» дело гораздо серьезней – не я то.
- Свят, свят, свят – испуганно закрестилась почтенная мать семейства – та что же такое вы пан говорите, та як же можно таку напраслину... .
- Так то, верно хлопцы стреляли – до сих пор молча сидевшая на скамье молодуха, даже прекратила всхлипывать – ну, яки вечор заходили.
- Не понял – насторожился старшина – а ну, выкладывай кто такие?
- Булы у нас вечор яки-то хлопцы – бросив на невестку недовольный взгляд, неохотно поведал Лысюк – воны прийшлы, кобелей постреляли, поросю, горилку забрали и у лис пишлы...
- Ну, договаривай – повысил голос участковый, опытным ухом уловивший в словах крестьянина какую-то недосказанность.
- Воны Василя с собой у лис забрали, ружье наставили и казали, що пийдемо хлопче зараз з нами москалей, жидив и комиссаров бить – оттесняя на задний план супруга и сына, поспешно затараторила хозяйка, и осеклась, только сейчас сообразив, что сболтнула лишнее.

- Немцы! – начинающий давать некоторые результаты допрос внезапно прервал раздавшийся с улицы отчаянный крик Олексича и автоматные очереди.

Со звоном посыпалось оконное стекло, страшно закричали женщины. Стоявший ближе всех к выходу Галиулин, первым бросился на улицу. Словно наткнувшись на какое-то препятствие, он остановился, выронил винтовку и мягко сполз спиной по стене мазанки. Выскочившему следом Карасеву, достаточно было одного взгляда на широко раскрытые, остановившиеся глаза друга и тонкую струйку крови, медленно ползущую из уголка перекошенного рта. Кубарем скатившись с крыльца, он занял позицию за колодезным срубом и открыл огонь. Сгорбленная фигура, в пятнистом маскировочном балахоне, метнувшаяся было к воротам, поймав его короткую очередь, растянулась в пыли. Слева, из окна хаты, вторя ППД Олексича, затрещал автомат старшины, резко щелкал карабин милиционера. Еще один парашютист, не закончив перебежку, неуклюже ткнулся лицом в землю. Автоматная очередь, взбивая фонтанчики пыли прошла совсем рядом с плечом Андрея, от бревен колодезного сруба брызнула щепя. Практически над ухом хлопнул одиночный винтовочный выстрел. Высунувшийся было из-за плетня фриц, завалился обратно за ограду. Приготовленная к броску граната выпала из руки, грохнул взрыв. Из распахнутых ворот сарая выскочил задержанный дезертир, деловито передернул затвор трехлинейки, вскинул ее к плечу, снова выстрелил куда-то в невидимого для Андрея противника. Грохнул еще один взрыв, разбитое окно мазанки, словно жерло маленького вулкана, выбросила из себя сноп огня и пыли. Игнат обернулся к дому, и вздрогнув, рухнул навзничь, алые, неряшливые кляксы расплылись по его белой нательной рубахе.

Установив сошки ДП на верхнем венце сруба, Андрей поймал на мушку бегущего к лесу, петляющего как заяц солдата. Короткая очередь, приклад ручника привычно толкнул в плечо и гитлеровец, кувыркнувшись, застыл в траве, изогнувшись в причудливой позе.

Бой закончился также внезапно, как и начался. Наступившая тишина, нарушалась тревожным ревом перепуганной, чудом уцелевшей скотины в хлеву и едва слышным на этом фоне плачем из разрушенной хаты. Из-за угла, слегка пошатываясь и устало, опираясь на карабин, вышел Федосеев. Бросил взгляд на тело Игната, укоризненно покачал головой, поднявшись на крыльцо закрыл мертвые глаза Тимура. На пороге показался Лысюк – старший, бережно прижимал к себе плачущую девочку. Андрей, тяжело поднявшись, шагнул ему навстречу.

- Усих, жинку, Ксанку, усих– старик поднял на него глаза, лицо его страдальчески скривилось он бережно погладил дочь по голове – ее вот, командир ваш..., собой...

Взгляд его упал на сына, хуторянин вздрогнул, как от удара, руки бессильно повисли плетью.

Изувеченные осколками тела старшины и женщин выносили втроем, с подоспевшим на помощь Олексичем, из уже начинающей гореть хаты. Все это время Лысюк так и продолжал стоять скорбным изваянием над Игнатом, безучастно наблюдая за действиями бойцов и гибелью своего имущества.

В себя он пришел, только когда, собрав трофеи, принялись рыть могилу. Не произнес ни слова, принес из сарая пару заступов и так же молча присоединился к Карасеву, остервенело орудующему малой саперной лопаткой.

За этой скорбной работой их и застал поспешивший на звуки боя Малышенков с остальными бойцами взвода.

Вскоре тишину трижды разорвал нестройный залп, и взвод зашагал к ожидающим на дороге машинам, оставив за спиной догорающую хату, холмики свежих могил, и печально глядящих вслед длинного, худого старика и девочку.

На душе шагавшего в хвосте коротенькой взводной колонны Карасева было невыразимо тоскливо. Это была уже не первая потеря и, что страшнее всего, не

последняя, но здесь на краю залитого солнцем летнего луга он словно оставил часть себя.

Напрягала очевидная нелогичность произошедшего: главной целью немецких десантников, судя по обнаруженной у них карте и солидному количеству взрывчатки, были доты укрепрайона. Но Андрей никак не мог взять в толк, зачем в нарушение всех наставлений и инструкций, вопреки здравому смыслу, парашютисты поперлись на забытый богом хуторок? Почему, обнаружив группу вооруженных людей, они не обошли опасное место стороной, а ввязались в столь трагически закончившуюся стычку?

Хотя некоторые предположения были. Либо, немцы, случайно наткнувшись на примерно равную им по силам группу советских бойцов настолько оборзели, что решили атаковать, а это весьма маловероятно. Великой боевой ценности отряд, Ковальчука в глазах вражеских десантников представлять не мог, а значит, и риск открытого боестолкновения был совершенно не оправдан. Ну, никак это не похоже на тактику действий диверсионных групп.

Есть и другое предположение, и оно уже ближе к истине. Фрицы именно на этом хуторе должны были встретиться с некими вооруженными людьми и когда осознали свою ошибку, вынуждены были вступить в бой, потому что ничего другого им просто не оставалось.

Впрочем, загадка так и осталась неразгаданной, потому, что ранним утром 26 июня полки 124-й дивизии вырвавшись из вражеского кольца в районе Милятина, начали пробиваться на северо-восток в направлении местечек Корытница и Шельвув, на соединение с остальными частями 5-й армии.

Увы, соединение откладывалось на неопределенный срок. Фронт неудержимо катился на восток. Бронированные катки танковых клиньев немцев, пробивали, продавливали оборону отчаянно цепляющихся за каждый новый рубеж и огрызающихся контратаками, обескровленных в приграничных боях стрелковых и механизированных корпусов.

В первых числах июля передовые части мотомеханизированной группы вермахта, прорвав фронт, удерживаемый остатками 15 механизированного корпуса форсировала реку Горынь и вышла к Ровно, оставив позади более двухсот километров оккупированной советской земли. 124-я дивизия, сильно поредевшими стрелковыми полками пробивающая себе дорогу по немецким тылам, подобными темпами похвастаться не могла, преодолевая за сутки 10 – 12 километров.

На танковую колонну наткнулись на четвертый, а может даже и пятый (кто их считал), день изнурительного марша. Четыре окрашенные в защитный цвет боевых машины, сиротливо распахнув крышки люков, приткнулись у обочины неширокого лесного проселка.

Андрей вскарабкался по склону неглубокого овражка, выбрался на дорогу, поправил на плече ремень трофейного, МП, еще раз внимательно осмотрелся. Тишина. Только зеленая ящерица, отдыхавшая на нагретой солнцем броне, бесшумно сорвалась с места и исчезла в придорожной траве.

Он махнул рукой, из кустов вышли трое бойцов с карабинами наперевес, через некоторое время появился четвертый, замыкающий.

- Наши, тэ двадцать шесть, вроде целые – один из бойцов, коренастый, круглолицый крепыш Сёмушкин постучал прикладом по глухо отозвавшемуся металлу, ловко запрыгнул на моторный отсек, заглянул в распахнутый зев люка – чего это они?

- А ты почему знаешь, целые они или нет? – тут же вступил в дискуссию Андрейченко, приятель Семушкина и его постоянный оппонент. Оба бойца были призваны из одного небольшого уральского городка и отличались тем, что несмотря на дружбу, связывающую их со школьной скамьи, всегда и решительно по всем вопросам имели диаметрально противоположные мнения.

- Видишь ни дырок, ни следов огня нигде нет, значит, целые – тут же взялся отстаивать свою точку зрения Семушкин – наверное, горючка кончилась.

- А может двигатели сломались – упорно гнул свою линию не желающий сдаваться Андрейченко.

Карасев, пользуясь правами командира, бесцеремонно оборвал разгорающуюся дискуссию, и разогнал личный состав «по разным углам» вести наблюдение за дорогой. В принципе все пятеро были одногодками, и срок службы у всех был одинаковым. Но живущий в этом молодом теле старший оперуполномоченный Андрей Владимирович Карасев с высоты своих тридцати восьми лет смотрел на своих подчиненных как взрослый, зрелый человек на желторотых юнцов. И самое странное, что пацаны, очевидно на каком-то подсознательном уровне понимали и принимали такое положение вещей, разве, что по имени отчеству не величали.

Малышенков, тот и вовсе в последнее время стал выделять Андрея из общей массы бойцов, загрузив его обязанностями командира отделения. Наверное, поспособствовал этому и катастрофический дефицит младших командирских кадров. Лейтенант уже несколько раз намекал, что не избежать парню после прорыва к своим, пары сержантских треугольников в петлицы.

Отношения с Олексичем после гибели старшины, занявшим должность замкомвзвода постепенно переросли в самую настоящую дружбу. Карасев был, пожалуй, единственным с кем сержант, позволял себе вне строя держаться «на короткой ноге». Так, что назначение старшим флангового дозора для Андрея

неожиданностью не явилось, тем более как раз его отделение в полном составе этот самый дозор и составляло.

Стоящие на дороге танки совершенно не впечатлили, видал технику и побольше, и покруче, а эти мелкие какие-то уродцы. Кажущиеся непропорционально здоровыми, на короткой ходовой базе, высоко задранные башни с несолидными по калибру пушчонками. А на замыкающем, стоящем в хвосте колонны, и вовсе две небольшие башенки. В такое крохотное пространство вообще ничего достаточно мощного не запихнешь. Даже в сравнении с неоднократно виденными вживую и по телевизору КВ и «тридцатьчетверками», техника кажется несерьезной, не говоря уже о более поздних боевых машинах. Но самое обидное, даже таких вот «недотанков» в нужное время и в нужном месте не оказалось. А здесь, пожалуйста, вот они стоят, целехонькие. Что это? Чья-то глупость, ошибка? Стратегический просчет и некомпетентность командования? Или, все-таки, трагическая случайность, неудачно сложившиеся обстоятельства?

- Морозов, Игнатов стойте здесь и смотрите в оба, я гляну, может чего интересное найду – распорядился Андрей, и ухватившись за ствол орудия, вскарабкался на броню головной машины

Скользнул в открытый люк механика-водителя. Получилось не очень ловко, зацепился за что-то рукояткой МП и пребольно треснулся локтем. От души, смачно матюкнулся и принялся оглядываться, благо солнечного света падающего в открытые люки хватало. Зачем-то подергал рычаг, постучал пальцем по стеклу амперметра на левом приборном щитке. Лежащая на боку стрелка признаков жизни не подала. Аккумулятор скорее мертв, чем жив. Рядом с амперметром, шкала маслومانометра, на щитке справа спидометр и тахометр. Не обнаружив ничего похожего на датчик топлива, Андрей недоуменно пожал плечами и ту же ощутимо приложился затылком о броню. Блин больно-то как, были бы мозги, было бы сотрясение, а так вроде обошлось. Осторожно пробрался в башню, здесь тоже ничего интересного, единственное, что бросилось в глаза, отсутствие затвора на

казенной части орудия и пустые маски пулеметов, никаких документов или личных вещей могущих что-либо поведать о судьбе экипажа, ничегошеньки. Хотя косвенные факты, вроде снятого вооружения и полного отсутствия боекомплекта позволяют сделать некоторые выводы. Скорее всего, «мазута» расстреляла весь боекомплект, сожгла горючку и, поснимав пулеметы, куда-то благополучно свалила, бросив на произвол судьбы машины, превратившиеся в бесполезные, бронированные коробки.

- Командир, тревога – снаружи по броне загрохотал Морозов – вон Севка руками машет.

Действительно стоявший метрах в пятидесяти впереди, у поворота Семушкин еще некоторое время отчаянно - тревожно жестикулировал, а потом, убедившись, что его манипуляции замечены товарищами шустро нырнул в лес. Андрей с высоты танковой башни дал отмашку Андрейченко, а затем, спрыгнув вниз вместе с остальными бойцами, поспешил укрыться в густом кустарнике.

Сначала до пограничников донесся рев двигателей, затем из-за поворота показались автомашины. Первой катила открытая легковушка с запаской на капоте, за ней пылили три грузовика. Два внушительных размеров тягача с платформами и крытый брезентом фургон с эмблемой «Опеля» на капоте.

Поравнявшись с танковой колонной, легковушка тормознула, из нее выбрался немецкий офицер. Махнул рукой, давая знак остальным, остановится. Фыркнув моторами, машины встали. Из фургона высыпало десятка полтора солдат.

Наблюдая за противником, Карасев тихонько матерился про себя. Позиция для атаки крайне неудобная. Большая часть смолящих сигаретки и разминающих ноги фрицев скрыта с глаз пограничников башней головного танка, всех разом не накроешь, а ввязываться в перестрелку никак нельзя.

- Отставить – зашипел Андрей, видя, что пристроившийся рядом молчаливый здоровяк Игнатов, прищулив один глаз и закусив нижнюю губу, старательно ловит офицера в прицел «ручника» - без команды не стрелять.

Боец недовольно покосился в его сторону, но подчинился и шепотом передал приказ дальше.

Между тем, не подозревающей о нависшей над его головой опасности, фриц отдал какую-то команду, заставившую подчиненных закончить перекур и заняться делом. Загремел металл, большая часть солдат полезли обшаривать брошенную технику, остальные бросились к своим машинам. Взревев двигателем, один из тягачей вырулил на дорогу и стал задом сдавать к головному танку.

- Семушкин – Андрей повернулся к бойцам – дуй к лейтенанту, доложишь обстановку. Остальные продолжаем наблюдение.

- Командир, да мы этих олухов в два счета – горячо принялся убеждать Андрейченко – посмотри, у них половина даже оружие в грузовике поставляли. Это ж тыловики. Они и мявкнуть не успеют.

- Отставить я сказал – не отрываясь от разглядывания суесящихся фашистов, бросил Карасев - Андрейченко какова задача наряда?

- Наблюдать и в бой не ввязываться.

- Ну, вопросы еще есть?

- Нет - неохотно буркнул боец.

- Значит, продолжаем выполнять приказ.

Бойцы притихли, рядом было слышно только их недовольное пыхтение. Между тем немецкие трофейщики, дело свое знали туго. Довольно быстро они загрузили два танка на платформы тягачей, офицер запрыгнул в легковушку, и колонна

скрылась за поворотом. На дороге остался «Опель» и устроившие очередной перекур солдаты.

Раздавшийся за спиной легкий хруст ветки в полной тишине для Андрея прозвучал как винтовочный выстрел. Резко обернувшись он увидел перед собой физиономию изрядно запыхавшегося Семушкина.

- Лейтенант приказал немцев не трогать – переведя дыхание, сообщил он – там дальше по дороге МТС. Нам приказано выдвинуться, провести разведку и дожидаться основные силы в роще к западу от станции.

- Ну вот, я же говорил, никуда они от нас не денутся – удовлетворенно заметил Карасев – пошли мужики.

Километра два они шли по лесу, вдоль дороги, затем, продравшись через узенький просвет в колючей стене ежевичника, оказались на краю обширного кукурузного поля, на дальнем конце которого виднелись какие-то постройки.

Высокая кукуруза надежно скрывала бойцов от посторонних взглядов, но она же значительно ограничивала обзор. Идущий первым Андрей видел перед собой только сплошную стену стеблей с широкими, острыми листьями и несозревшими зелеными метелками и слышал ее шуршание и тихое сопение пробирающегося следом Морозова.

Треск мотоцикла, раздавшийся совсем рядом, заставил остановиться и застыть неподвижно, напряженно прислушиваясь, а потом шарахнуться вправо. Дорога оказалась неожиданно близко, Карасев чертыхнулся про себя, чудак, знал же, что при ходьбе человек забирает влево, так могли и на фрицев наскочить. К счастью мотоцикл пронесся на приличной скорости и немцы ничего просто не успели заметить.

Деревянные ворота, МТС, судя по всему, были вынесены лихим таранным ударом, о чем красноречиво свидетельствовали остатки левой створки, висящие на

погнутой петле. Вместо них, доступ на машинный двор перегораживала длинная березовая лесина. Как и стоящее рядом здание сторожки, новые хозяева, аккуратно с чисто немецкой педантичностью, разрисовали ее диагональными черными полосами. У шлагбаума неторопливо, внимательно созерцая что-то у себя под ногами, прогуливался часовой с карабином на плече. Еще один караульщик, поставив оружие на расстояние вытянутой руки, вроде как дремал, сидя на лавке и откинувшись спиной на полосатую стену караулки. Еще раз, внимательно оглядев дышащую миром и спокойствием почти идиллическую картинку, Андрей попятился назад. Похоже, это единственный пост, правда, подойти к нему незамеченным, не так-то просто. Кукурузное поле отделяет от сторожки почти сто метров совершенно открытого и прекрасно просматриваемого, а ночью, судя по наличию большого фонаря на столбе и тянувшихся от него проводов, еще и освещаемого пространства. Разве, что попробовать вдоль забора, он достаточно высок и тень от него должна надежно скрывать крадущегося человека. Махнув бойцам, призывая их следовать за собой, Карасев двинулся в обход территории МТСа к небольшой березовой роще.

Глава 12

Вместе с сумерками подошло подкрепление.

- Докладывай отделенный чего тут у тебя – Подошедший Малышенков взмахом руки остановил «подорвавшегося» было с места Карасева и устало присел на траву рядом.

- Наружный пост у них один, в воротах – начал Андрей – днем было двое караульных, сейчас усилили еще парочкой. Часовой у шлагбаума, остальные в сторожке. Весь день грохотали сильно и машины ревели, сейчас еще работают, но

вроде, потише стали. Основная масса фрицев два часа назад куда-то укатила на двух грузовиках. Судя по всему, осталась только охрана и ночная смена работяг. Не больше пятнадцати рыл.

- Данные точные?

- Семушкин весь вечер на березе просидел, по головам сосчитал. Там во дворе техники полно и их, и нашей, еще в боксах что-то стоит.

- Ясно – лейтенант поднялся – берешь своих, выдвигаетесь вдоль забора, твоя задача караулка. Как думаешь действовать?

- Думаю особо мудрить, смысла нет, часового в ножи и гранату в окошко. Ремонтников немного с ними управимся быстро.

- Шумно будет – нахмурился взводный – здесь, рядом деревня, наверняка немцы там ночуют.

- Так ведь технику рвать будем, все равно шум поднимем – заметил устроившийся рядом Олексич – в километре отсюда место хорошее есть. Я второе отделение и всех пулеметчиков возьму, если фрицы сюда кинутся, встретим как надо.

- Ну, на том и порешим. Значит, после твоей гранаты мы начинаем – кивнул Малышенков – действуйте мужики.

- Отделение становись – Карасев подошел к отдыхающим пограничникам – Игнатов временно поступаешь в распоряжение замкомвзвода.

Хмурый пулеметчик вышел из строя и закинув на плечо оружие, двинулся следом за сержантом.

- Слушай боевой приказ – Андрей окинул взглядом замершую перед ним троицу – выдвигаемся к сторожке, по-тихому снимаем часового, отдыхающую смену уничтожаем гранатами. Задача ясна?

- Ясно – негромко откликнулись бойцы.

- Тогда пять минут оправиться, подогнать снаряжение и выдвигаемся.

Распустив бойцов, Карасев занялся собственным снаряжением, проверил оружие, подогнал ремни. Попрыгал на месте, прислушиваясь, вроде ничего нигде не брякает. Еще раз окинул взглядом занимающихся тем же, подобравшихся и посерьезневших пацанов.

- Готовы?

Ответом послужили только молчаливые кивки.

- Ну, пошли хлопцы.

Одной короткой перебежкой пересек небольшое пространство отделяющее опушку рощи от ограды МТС. Прижался спиной к шершавым доскам, прислушался. Рев дизельного двигателя и металлический стук из-за забора надежно маскировали негромкие шаги бегущих следом бойцов. Прохаживающийся у шлагбаума с винтовкой наперевес немец благоразумно старается не покидать пределов очерченного светом фонаря круга, за которым царила непроглядная тьма. Притаившегося в тени забора пограничника отделяют от часового метра три ярко освещенной площадки, но фашист, словно почувствовав на себе чужой взгляд, повернулся именно в его сторону и пристально уставился, тщетно силясь разглядеть что-либо в кромешной темноте.

- И долго ты стоять так будешь? Ну, хоть ближе подойди что ли – у Карасева заканчивалась терпение, и он начинал потихоньку «закипать» - уставился, как баран на новые ворота. Повезло еще, что часть тыловая, расслабились немцы, привыкли в своих «европах» к спокойной жизни, караульщик, вон вместо того, чтобы в тени стоять на освещенное место вылез. Один хрен из света в темноту много не заметишь, чего стоять спрашивается, людей задерживать?

Как будто услышав адресованный ему мысленный посыл, солдат, наконец, развернулся, и словно в насмешку, шагнул в противоположную сторону, разрывая расстояние между собой и затаившимся врагом еще на метр. Медлить было нельзя, и Андрей метнулся вперед. И надо же было такому случиться, именно в этот момент паранойя разыгралась у фрица с новой силой и он резко обернулся. Счет шел уже на доли секунды, понимая, что не успевает, Карасев наотмашь ударил зажатой в руке длинным трофейным штыком. Часовой издал вместо тревожного крика какой-то невнятный булькающий звук, и выронив оружие, повалился на спину, зажимая руками перерезанное горло.

Брякнул упавший на твердую, утоптанную землю карабин, с шумом свалилось умирающее тело.

-Алярм! Алярм! Русишен зольдатн!— высокий, голый по пояс, перемазанный машинным маслом немец, стоявший возле серой бронированной танковой туши во дворе, расширившимися от ужаса глазами смотрел на расправу над часовым и орал, орал как резанный.

Со стуком распахнулась легкая, дощатая дверь, в ярко освещенном дверном проеме показалась фигура в фельдграу. Рядом треснул винтовочный выстрел, и фриц, сложившись пополам, рухнул с крыльца. Почти одновременно зазвенело разбитое стекло. Сообразив, что сейчас произойдет, Карасев прыгнул в сторону, закрывая голову руками. Два гранатных разрыва слились в сплошной грохот. Хлипкое строение несчастной сторожки, кажется, даже подпрыгнуло на месте. Над головой что-то шумно разрезало воздух и с глухим деревянным стуком шлепнулось неподалеку. Крикливый фриц наконец заткнулся и стремительно нырнул под прикрытие танковой брони. Вовремя. Во двор МТС ворвались трое бойцов карасевского отделения. Бегущий первым Андрейченко вскинул карабин к плечу, выстрелил в кого-то невидимого, передернул затвор, снова выстрелил. Стараясь не отставать от подчиненных, Андрей подхватил свой МП и рванул следом. Слева метнулась какая-то серая тень, он полоснул в ту сторону короткой

очередью. Пуля толкнула бегущего немца в спину, он изогнулся и упал лицом вниз. Хлестко и часто били карабины пограничников отстреливающих бестолково мечущихся, безоружных врагов.

Что-то свистнуло, и звонко цокнуло по капоту стоящего рядом тягача. Карасев поспешно нырнул за колесо и закрутил головой, пытаясь определить, откуда стреляют. Ага, вон из-за гусеницы советского КВ с пробитым в районе двигательного отсека бортом, темной машиной возвышавшегося в дальнем углу двора, высунулся винтовочный ствол. Очевидно, кто-то из фрицев все-таки умудрился добраться до оружия. Ну, точно вон мелькнул кусок серого мундира и тут - же спрятался обратно. Хитрый сволочь, просто так его отсюда не взять, эх гранатку бы. Немец между тем выстрелил снова, один из бегущих по двору пограничников споткнулся и упал.

- Твою мать ..., вот гаденыш – Андрей злобно матюкнулся наблюдая как боец, волоча по-видимому простреленную ногу, пытается отползти в укрытие – чем же тебя сука достать.

Он осторожно выглянул из своего укрытия, пытаясь найти позицию повыгодней. Тут же в пыль рядом с лицом звучно щелкнул кусок свинца, ушлый вражина заметил шевеление и не замедлил отреагировать.

- Так дружок, да у тебя два патрона осталось – Карасев злорадно ухмыльнулся –а где же мои ребята то. Где их черти носят.

Словно в ответ из-за ближнего угла, заставленного техникой бокса, колобком выкатился Семушкин. Завидев нового противника, немец выстрелил, к счастью промазал, юркий уралец успел проскочить пару метров простреливаемого пространства и нырнуть в укрытие.

Андрей осторожно выглянул, ствол немецкого карабина исчез. Или перезаряжается или позицию меняет, в любом случае времени терять нельзя.

Дернул затвор автомата и, поднявшись в полный рост, бросился вперед. Холодная, мерзкая струйка побежала по спине, в ушах тяжелым молотом бухал адреналин, с минуты на минуту он ожидал выстрела, удара, но шаг, другой и вот уже окрашенный местами обгоревшей защитной краской борт КВ. Нога на каток вторая на гусеницу и он на броне. Фриц дико заорал, отскакивая от танка и вскидывая карабин, но не успел. Короткая очередь наискосок перечеркнула серую ткань мундира и отбрасывая назад к забору уже мертвое тело.

- Готов? – окликнул снизу голос Семушкина.

- Готов – не оборачиваясь, глядя на распростертое перед ним тело врага, хрипло отозвался Карасев.

На освещенном фонарями дворе машинно-тракторной станции между тем уже часто замелькали защитные гимнастерки пограничников.

- Давай родной, давай, поторопи своих орлов – Малышенков немного суетливо подгонял молодого сержанта с черными саперными петлицами на новенькой гимнастерке, с которой резко контрастировали выцветшие добела, грязные пилотка и шаровары.

- Тащ лейтенант – оправдывался сапер – взрывчатки на все не хватит, техники слишком много.

- Значит, выбирайте только исправную – отрезал взводный и заорал – Федосеев! Федосеев!

- Здесь! – из бокса выскочил запыхавшийся бывший участковый. Милицейскую гимнастерку, он давно сменил на защитную, и только галифе оставались синими.

- Твое отделение в помощь саперам – бросил взводный – Карасев! Организуй сбор трофеев и боевое охранение.

- Есть – Андрей спрыгнул с моторного отсека КВ и обернулся к топчущемуся рядом Семушкину – найди ..., не отставать лучше Морозова, займите позицию у ворот. А Андрейченко сюда направь.

- Понял, командир – боец кивнул и исчез за кабиной грузовика.

Карасев подошел к убитому немцу, поднял карабин. Дернул затвор, блеснув металлом на землю, шлепнулся патрон, последний. Да, похоже, повезло. Закинул оружие на плечо и отправился выполнять приказ.

Трофейного оружия оказалось немного, с десятков карабинов с двумя сотнями патронов и четыре гранаты «колотушки», вот, пожалуй, и все. С техникой повезло гораздо больше. Помимо уже знакомых парочки тягачей, четверки «двадцатьшестых» и обгоревшего КВ, во дворе, в боксах стояло еще три танка: советский БТ с нелепо торчащим к небу из покоруженной маски орудием, и два немецких. Именно они заинтересовали пока еще не сталкивавшегося с гитлеровскими «панцерами» Карасева больше всего. Стоявшая во дворе машина была совсем не похожа на показанные в знаменитых Озеровских эпопеях угловатые «коробки», в которых без труда угадывались заgrimированные Т- 44. Вообще ничего общего. Вытянутая в длину, смещенная к корме башня с короткой, толстой пушкой, высокой командирской башенкой, и люком для экипажа расположенным довольно непривычно, не сверху как у наших, а сбоку, слева. Честно говоря, что это за «зверь» и как воевать с ним Андрей представлял себе с трудом. Нет, конечно, во время срочной службы его учили, что танки следует поражать в борт, корму или гусеницы. Один раз, на полигоне, довелось стрельнуть из РПГ по разбитой, ржавой «полстапятке», вот, пожалуй, и весь опыт борьбы с «вражеской» бронетехникой. Не приведи Бог столкнуться с таким лицом к лицу, гранатометов то здесь еще не придумали. Хотя, судя по солидной, заваренной заплатой дыре в борту, и на этого монстра нашлась управа. Второй «немец» стоял в боксе, судя по снятой гусенице и отсутствующему переднему правому катку, имел проблемы с «ходовкой». От первого он на неискушенный взгляд совершенно не

разбравшегося в «древней» технике Карасева отличался лишь меньшими размерами башни и более длинной, но меньшей по калибру пушкой.

- Слышь, земляк, куревом не богат? – из открытого люка выбрался саперный сержант.

- Не курю.

- Плохо – сапер уселся на броню, свесив ноги – что, раньше не встречался?

- С кем? – не понял Андрей.

- С кем, с кем, с танками немецкими.

- Нет, не довелось как-то.

- Повезло – сержант выудил из кармана шаровар тощий кисет, вытряс из него на клочок бумаги остатки табачной крошки и пыли, свернул маленькую «козью ножку», прикурил и с видимым удовольствием затянулся едким дымом – мы под них на третий день попали. Штук десять вот таких, откуда ни возьмись, на нашу колонну выскочили. От батальона, почитай, что ничего и не осталось, всю технику пожгли, народу уйму положили, а живых потом полдня по лесу собирали.

- Да, несладко видно пришлось – представив себе картину разгрома, Карасев зябко повел плечами.

- Страшное дело – кивнул собеседник – полуторку, как картонку... . А самое хреновое знаешь что? Они колонну нашу раздавили и дальше пошли, как будто даже и не заметили. Вроде как между делом... . Как муху прихлопнули. Прет он на тебя, а ты и сделать ничего не можешь.

- Закончили? – в бокс заглянул Малышенков.

- Закончили тащ лейтенант – спрыгивая на землю, откликнулся сапер.

- Уходим.

Поодиночке и группками, бойцы выскакивали за ворота и исчезали в душной, непроглядной темноте июльской ночи, подгоняемые разгорающейся со стороны дороги трескотней ружейной и пулеметной пальбы, время от времени сопровождающихся кажущимися такими безобидными хлопками пушечных выстрелов.

Все? – коротко бросил взводный, выбежавшим из ворот командирам отделений.

- Саперы только остались – кивнул Федосеев.

- Давайте ребята, уводите бойцов – лейтенант обернулся – отправь посыльного к Олексичу, пусть тоже отходят. Встречаемся в роще, в двух километрах южнее Немовичей. Запомнил.

- Запомнил – Карасев развернулся и припустил бегом, догоняя уходящих товарищей.

- Морозов!

- Здесь! – боец вынырнул из темноты.

- Значит так – Андрей смотрел на усталую, довольную физиономию стоящего перед ним подчиненного, и словно наяву увидел перед собой скуластое лицо Тимура, тонкие черты Ильи, рыжую шевелюру Наливайко, таких же девятнадцатилетних мальчишек. Слова приказа, словно застряли где-то в горле – лейтенанту доложишь, я убыл к Олексичу, в отделении остаешься старшим вместо меня. Все, исполнять приказание.

Пограничник словно растворился в ночи, а Карасев легкой трусцой двинулся вдоль дороги. За его спиной на бывшем МТСном дворе сначала что-то ярко полыхнуло, а затем один за другим загрохотали гулкие взрывы, перекрывающие отдаленные звуки перестрелки, заставившие невольно пригибать голову. Некоторое время, опасаясь заблудиться, двигался, стараясь держаться рядом с

сереющей в темноте лентой проселка, но вскоре свернул и вломился в колючую стену кустарника. Звуки суматошной пальбы со стороны дороги становились громче с каждым шагом. Сбивая листву и ветки, знакомо посвистывали шальные пули, что-то прошелестело над головой и на небольшой поляне, примерно в сотне метров от упавшего ничком в траву Андрея вырос небольшой фонтан земли, огня и дыма.

«Своего» снаряда, он не услышал. Просто что-то яркое взорвалось в голове, и кто-то словно «выключил свет», все. Ни грохота, ни боли, ничего. Нет, боль пришла, потом, когда Карасев, наконец, смог открыть глаза и увидеть склонившиеся над ним лица пацанов из второго отделения.

- Живой? – в поле зрения «нарисовалась» озабоченная физиономия Олексича.

- Не знаю – Андрей, со стоном, сел сжимая руками грозящую расколоться на мелкие кусочки черепушку – чем это меня?

- Похоже, в рубашке родился – невесело хмыкнул Богдан – снаряд совсем рядом рванул. От осколков деревом закрыло, а вот ком земли точно по башке пришелся. Долбанный броневик всю малину нам обгадил. Без него мы бы фрицев уже давно кончили. Ты, вообще какого черта сюда поперся?

- Лейтенант... - Карасев попытался подняться и вновь со стоном опустился на траву – лейтенант сказал отходить.

- Это я и без тебя уже понял – махнул рукой сержант – так хлопцы, берем его и тикаем. Давайте, давайте, поживее.

Погранцы не заставили себя долго упрашивать, подхватив «болезную» тушку Андрея и нахлобучив ему на наспех перемотанную бинтом голову, найденную рядом, измятую фуражку, поволокли ее прочь от дороги, на которой без умолку трещали выстрелы и что - то ярко пылало, так, что зарево ярко отражалось в густой черноте ночного неба.

Минут через пятнадцать дикой «скачки» по корягам и буеракам, он уже вполне мог двигаться самостоятельно и хотя последствия легкой контузии в виде непроходящей боли в затылке, легкого головокружения и тошнотного состояния никуда не делись, Карасев старался не отставать от товарищей.

Глава 13

Рассвет застал их в трех-четырех километрах от места боя на дне глубокого, поросшего орешником оврага. Утреннюю тишину нарушали лишь птичий пересвист и стоны раненого. Рядом, вповалку похрапывали утомленные ночным боем и пробежкой бойцы.

- Чего Андрюха, не спится? – Олексич тяжело поднялся, подошел, сел рядом.

- Да какой там сон – махнул рукой Карасев – на том свете отоспимся.

- Я вот тоже думаю – Богдан стянул с головы фуражку, хлопнул ей об голенище сапога, сбивая пыль - надо у местных дорогу на Немовичи узнать. А то ночью сиганули в лес, хрен его знает, где мы сейчас находимся. Как бы от своих не отстать.

- Да, ситуевина – протянул Андрей – кто пойдет?

- Вместе и пойдем, чего делится, и так семь человек осталось. Трех ребят потерял, да еще вон Адашкин, не знаю, донесем или нет.

Наличие в немецкой колонне спешащей на помощь уничтожаемому МТСу трофейного советского броневедомости оснащенного сорока пяти миллиметровой пушкой оказался для засевших у дороги бойцов второго отделения полной и весьма неприятной неожиданностью. Используя фактор внезапности, удалось уничтожить мотоцикл, поджечь один из грузовиков и истребить с десятков оккупантов. Однако вскоре численное превосходство противника и артиллерийская поддержка дали о себе знать. Чаша весов постепенно стала клониться не в пользу пограничников и

едва дождавшись загремевших со стороны мастерских взрывов, Олексич, посчитав свою задачу выполненной, дал приказ отходить. К счастью, отступающие бойцы наткнулись на оглушенного близким снарядным разрывом Карасева.

- Подъем мужики – нахлобучив фуражку на голову, сержант поднялся на ноги – идти надо.

Отдыхавшие бойцы зашевелились, поднимаясь, поправляя снаряжение и проверяя оружие. Так и не пришедшего в сознание, раненого командира второго отделения осторожно загрузили на импровизированные носилки, сооруженные из пары крепких жердин и плащ-палатки, и вскоре небольшой отряд покинул место дневки. Узкая тропинка, пропетляв по дну оврага и легко взбежав на один из его склонов, вывела к обширному, наполовину скошенному лугу, через который неширокой серой лентой протянулась проселочная дорога.

- Ну что командир, куда дальше? – Андрей до рези в глазах всматривался в темную полоску на другой стороне почти двухкилометрового поля – похоже там какой-то населенный пункт.

- Похоже на то – кивнул Олексич и зло сплюнул – на своей земле, и в прятки играем. Дожили.

- Погодим до ночи, или рискнем?

- Ты вот, что Андрюха – Богдан сдвинул фуражку на затылок и смерил Карасева испытующим взглядом – как самочувствие?

- Норма – Андрей усмехнулся – жить можно, если не долго. Понял я тебя командир, схожу, посмотрю.

- Тьфу, типун тебе на язык. Игнатова с собой возьми. Остороженько глянете, что к чему, и сразу назад.

В принципе, в поставленной задаче ничего особо сложного не было. В наличие в лежащим перед ним поселении хоть какого-нибудь вражеского гарнизона, он сильно сомневался. Слишком уж ненаезжен ведущий к нему проселок.

При ближайшем рассмотрении село оказалось и не селом вовсе, а довольно большим хутором, буквально утопающем в пышной зелени яблонь и черешен, увешанных созревающими плодами. У плетеной ограды крайней хаты мирно пощипывала траву коза, рядом сидела маленькая, сторбленная, древняя старушонка, несмотря на жаркий день обряженная в серый шерстяной платок и овчинную безрукавку поверх длинной холщовой рубахи. Появление пограничников и коза, и ее хозяйка восприняли совершенно безразлично.

- День добрый мамаша – вежливо и на всякий случай довольно громко поздоровался Андрей.

- Добрый, добрый – скрипучим, словно звук несмазанных ржавых дверных петель голосом отозвалась старуха– вы кто сынку таки будете?

- Свои бабуля, свои, советские мы.

- Тю, советские – женщина покачала головой – и деж воны зараз те советские. Уси втеклы, тильки мы их и бачили.

- Мда, тяжелый случай – Андрей попытался зайти с другой стороны – мамаш немцы на хуторе есть?

- Ни, нимае нимцив - темное, сморщенное словно печеное яблоко лицо селянки выразило искреннее недоумение – з виткеля тут нимцы? Воны ще у осьмнадцатом роце уйшлы. Так кто ж вы таки хлопцы будыте?

- Не в себе бабка – негромко заметил Игнатов.

- Да, ничего нам здесь не светит. Однако, похоже, фрицев действительно здесь нет – согласился Андрей – ладно, будь здорова мать, пойдем мы.

- Спаси Христос, хлопчики, спаси Христос – закивала головой старуха, провожая бойцов безмятежным взглядом блекло голубых глаз.

Карасев подошел к углу хаты, осторожно выглянул. У колодца, поставив на землю полные ведра, о чем-то оживленно судачили меж собой две моложавые, что называется кровь с молоком хуторянки. Чуть в стороне резвилась стайка ребятни. Нет даже намека на присутствие противника. Мир и спокойствие, вроде и никакой войны. Живут себе селяне размеренным, привычным жизненным укладом. С одного из дворов выкатилась телега, запряженная неказистой, рыжей кобылкой. Возница - паренек лет четырнадцати в полотняной рубаше, закатанных до колен штанах и черной, выдавшей виды кепке ловко запрыгнул в повозку, развалился в ней, свесив босые, грязные ноги и щелкнул вожжами. Лошаденка тряхнула головой, и телега неспешно покатила по пыльной улочке.

Сельцо продолжало жить своей мирной беззаботной жизнью. От веселой стайки малышни отделился мальчишка лет десяти и опрометью, взбивая пыль босыми пятками, побежал к хате, за которой прятались пограничники. На ходу развязывая тесемку полотняных штанов, свернул за угол, да так и остановился, столкнувшись нос к носу с вооруженными незнакомцами.

- Тихо, не бойся – поспешил успокоить паренька боец.

- А я и не боюсь – пацан шмыгнул, утерев нос рукавом, второй рукой продолжая удерживать сваливающиеся штаны – ты дядьку красноармеец?

- Вроде того.

- Понятно – мальчишка, вспомнив зачем он сюда пришел, справил нужду и завязывая порты, как бы промежду прочим деловито бросил через плечо – вы, у село не ходите.

- Немцы? – вскинулся Андрей.

- Ни, нимцив нема – возразил пацан – тильки дядьку Пылып с мужиками вже троих ваших словил и у сарайке держит. Вин говорит, советы кончились. А теперь як нимцы придут, вин им москалей - комиссаров выдаст и за то нам усим от новой власти почет и уважение будет.

- Вон значит как. Ну а вы чего?

- А мы чего, мы ничего. Мамка говорит що дядку Пылып гад и перед нимцами выслуживается, щоб воны ему грошей дали. Тильки неможно так. У нас батька у Красной Армии. Як жеж можно?

- Как звать то тебя?

- Иваном кличут – важно пояснил малец.

- Так где Иван ты говоришь сарайка та?

- Та вон, яка сама велька хата, то Пылыпова. А во дворе сарайка.

- Так как же он их поймал то? Красноармейцы это же не зайцы. У них и оружие есть. Они что не сопротивлялись? Сколько у него мужиков то?

- Тю – пацан, как-то по-взрослому, ухмыльнулся - та зайцев труднее споймать було. А мужиков – два сына, да кум. Пылыпов кум – Остап пьяный на все село трепал, що воны их горилкой напоили и повязали чуть теплых. Ладно пийшов я, а вы смотрите, не ходите у село.

- Хорошо – кивнул Карасев – а ты про нас не проболтаешься?

- Ни – парнишка возмущенно замахал руками – чи я зовсим дурный, чи шо?

Некоторое время Андрей наблюдал, как мальчик, старательно не оглядываясь, неспешно направляется к играющим у колодца сверстникам. С одной стороны в добрых намерениях своего недавнего собеседника он не сомневался, но с другой стороны, ребенок есть ребенок, нельзя быть уверенным ни в чем. В любом случае

надо действовать, в конце концов, по приближении основного отряда пограничников бандиты могут попросту ликвидировать захваченных военных и спрятать улики. Значит нельзя дать им такую возможность.

- Ну что – Андрей повернулся к напарнику – пойдём, потолкуем с этим Филиппом что ли.

- Можно - Игнатов нехорошо усмехнулся, огладив ствол пулемета – расскажем кулачью, куда советская власть делась.

Выбравшись из своего укрытия, они не торопясь двинулись к самому большому подворью, стоявшему в центре селенья. На громкий стук в добротные дощатые ворота, под грозный собачий лай вышел сам хозяин – крепкий широкоплечий, седоватый мужик лет пятидесяти. Некоторое время он стоял, молча, цепким внимательным взглядом изучая незваных гостей

- День добрый уважаемый – вежливо поздоровался Карасев, натянув на физиономию самую простецкую улыбку – водички не найдется?

- Так вон жеж колодец, пей, не хочу, или – мужик ухмыльнулся – так пить охота, что аж переночевать негде?

- Ага - жизнерадостно заржал Андрей – а еще пожрать бы не мешало.

- Ну, вы хлопцы хваты – Филипп шире открыл калитку – ну заходите, колы так, добрым людям всегда рады.

Парни шагнули внутрь, а селянин прежде чем закрыть за ними ворота, как он думал незаметно, окинул улицу подозрительным взглядом.

Огромный черный пес, рванувшийся было к гостям с самыми недружелюбными намерениями, получил добрый пинок хозяйского сапога, и недовольно ворча, уполз в конуру. Здоровенный детина, орудующий деревянными вилами у сеновала, окинул вошедших делано-безразличным взглядом и спокойно продолжил работу.

- Ну, ступайте до хаты – добродушно проворчал радушный хозяин – а я жинке кажу, нехай на стол соберет. Та пукалки свои вон хоть у дверей поставьте что ли не боитесь, никто их не тронет.

Словно по мановению волшебной палочки на широком столе, стоящем посреди просторной горницы появились миски со снедью, сноровисто расставленные хозяйкой – маленькой, хрупкой, старающейся быть незаметной женщиной. У изрядно оголодавших за время блуждания по вражеским тылам бойцов даже желудки радостно заурчали от предвкушения роскошной трапезы, а Филипп, многозначительно подмигнув, извлек откуда-то и водрузил на середину стола двухлитровую бутыл, запотевшую, наполненную прозрачной как слеза жидкостью.

- Ну що хлопцы, за здоровьице – он наполнил самогоном до краев два граненых стакана.

- А ты чего отец – Андрей поднял свой стакан, вопросительно посмотрел на селянина – с нами не примешь? По маленькой?

- Ни, у мене зараз еще дел невоворот – махнул рукой селянин – а вы пейте, пейте. У мене горилка дюже гарна.

- Д а я вот для начала спросить хочу – Карасев с трудом сглотнув голодную слюну поставил на стол прохладный стакан и придвинувшись вплотную к сидящему рядом хозяину дружески обнял его за плечи – ты отец, нам отдохнуть в сарайке постелешь?

- Можно и в сарайке – мужик, почуяв неладное, попытался освободиться от «дружеских» объятий, левая рука его скользнула в карман пиджака – а ты чего это хлопче?

- Спокойно дядя – подсевший с другой стороны Игнатов перехватил и выкручивая, сжал его кисть, другой рукой извлекая из кармана селянина блеснувший вороненой сталью «наган».

Филипп попытался вырваться, но в бок ему уперся ствол его собственного револьвера.

- Не дергайся – предупредил его Андрей – сиди спокойно, будешь жить. Пока.

- Вот оно значит, яка она, благодарность – мужик прекратил попытки высвободиться и повысил голос в надежде, что его услышать подельники во дворе – нашим салом нам же по сусалам, значит?

- Про благодарность мы с тобой потом потолкуем – утешил его Карасев. Воспользовавшись тем, что его товарищ плотно удерживает бандита под контролем, он встал, снял с гвоздя на стене свой автомат, и передернув затвор, пристроился слева от входа – ну зови что ли своих подкулачников. Потолкуем и с ними тоже.

- Сволота вы краснопузая – покачал головой хозяин – ну кончите вы меня, так вам же все одно крышка. Вам же все одно, отсюда живыми не выйти.

- А ты без лирики. Делай, чего говорят – Игнатов не настроенный на дискуссию пребольно ткнул его в ребра стволом револьвера и взвел курок.

- Ну не так-то легко нас здесь достать – Андрей окинул дом хозяйским взглядом – опять же, неужто тебе добра честно нажитого не жалко? ...

Договорить он не успел. Входная дверь широко распахнулась, и на пороге нарисовался уже знакомый детина. На сей раз вместо сельхозинструмента в руках он держал мосинский карабин.

-- Чаво... – он удивленно застыл, уставившись на своего главаря сидящего в обнимку с пограничником.

- Бац – приклад карасевского МП с глухим стуком соприкоснулся с черепашкой бандита, отчего тот мешком рухнул на пол.

- А-а-а – кто-то дико заорал за дверью и следом оглушительно грохнул обрез.

Андрей ответил короткой очередью, которой, впрочем, оказалось достаточно, о чем ясно свидетельствовал шум падающего тела и отсутствие дальнейшего движения в сениях.

- Живой? – Карасев метнулся к товарищу.

- Живой – бледный Игнатов сидел на полу, морщась и держась за простреленное плечо. Вот Филиппу повезло меньше. Грудь главаря была буквально разворочена выпущенным с близкого расстояния картечным зарядом. Некоторое время он еще тяжело хрипло дышал, бессмысленно глядя в потолок невидящими глазами, а потом пару раз дернулся и затих.

- Потерпи чуток. Я сейчас – памятуя о наличие еще одного противника, Андрей бросился к выходу.

Стараясь, не подставится под пулю, выглянул в сени. Никого. Переступив через труп застреленного им бандита, пинком открыл дверь, и кубарем выкатился наружу. Освещенный солнцем просторный двор был пуст. Только без умолку выла, забившаяся в конуру, испуганная выстрелами собака. Добротные ворота распахнуты настежь. Андрей метнулся на улицу. Тоже никого. Заслышавшие выстрелы селяне попрятались кто куда, а уцелевшего бандюка и след простыл. Поняв, что искать его дело бесперспективное Карасев вернулся к раненому товарищу.

Игнатов, матерясь, разодрал зубами упаковку ИПП. Андрей как мог, его перевязал. Оглушенный ударом приклада здоровяк начал потихоньку приходить в себя, и бойцы, скрутив ему руки за спиной, вытащили пленника во двор. Тот даже

не пытался сопротивляться, только что-то нечленораздельно мычал, и ошалело тряс окровавленной башкой.

У распахнутых ворот между тем стали собираться люди. В основном женщины и дети. Немногочисленные мужчины под взглядами пограничников, старательно отворачивались и прятали глаза. Две сердобольные соседки, воровато оглядываясь, увели куда-то причитающую и рвущуюся к мужу и сыну маленькую хозяйку. Впрочем, Андрею было не до нее, разглядев в толпе любопытную физиономию Ваньки, он подозвал паренька к себе, объяснил, как найти Олексича и остальных бойцов и отправил за помощью.

Глава 14

К величайшему изумлению пограничников, сарай в котором должны были находиться захваченные красноармейцы, оказался пуст. Кроме сельхозинвентаря, пустых бочек и разного хлама в нем не было ничего, и никого. Пленный бандит на все вопросы лишь пялился на парней полными неприкрытой ненависти глазами и тупо молчал, делая вид, что не понимает о чем идет речь. Заняться им вплотную Андрей никак не мог, поскольку вынужден был сдерживать толпу, собравшуюся у ворот.

Сержант с основной группой пограничников примчался минут через двадцать, и тотчас свойственной ему решительностью развил бурную деятельность. Сначала разогнал толпу зевак, с которыми до того в одиночку тщетно боролся Карасев, а затем приступил к дознанию. Выслушав доклад Андрея, он обернулся к сидящему на земле у стены под охраной бойцов задержанному бандиту.

- Встать!

Селянин, затравленно озираясь по сторонам, медленно поднялся на ноги.

- Пошли – голос Олексича не предвещал ничего хорошего.

Едва переставляющего ватные, непослушные ноги здоровяка завели в злополучный сарай и поставили у стены. Здесь Богдан жестом приказал бойцам отойти, сам отступил на пару шагов назад, передернул затвор своего ППД.

- Именем Союза Советских Социалистических республик... – начал он, неотрывно глядя в бегающие глаза разом побледневшего селянина – за бандитизм, нападения и убийство бойцов Красной армии... По закону военного времени...

- Ни, почиайте – на задержанного было страшно смотреть. По бледному лицу катились крупные капли пота, ненависть в широко раскрытых глазах сменилась каким-то животным ужасом. Он рухнул на колени и заговорил быстро, боясь что его перебьют, не дадут договорить - я никого не убивав. Воны живые. Воны тута, почиайте. Я покажу. Зараз покажу.

- Показывай тварь! - рявкнул сержант.

- Я сейчас, сейчас, тильки не стреляй – бандит на коленях, то и дело оглядываясь, пополз в угол сарая. Остановившись у кучи хлама принялся старательно расшвыривать ее ногами приговаривая – воны здесь, туточки воны, туточки.

- А ну в сторону – Андрей отшвырнул селянина так, словно он был тряпичной куклой и принялся разбирать завал.

Минут пять работы, и он смог очистить сколоченную из крепких толстых досок крышку люка. Из черного зева погреб пахло сыростью и плесенью.

- Эй, есть кто живые? Вылазь.

Первым по хлипкой приставной лестнице поднялся крепкий, бритый наголо мужик лет тридцати с небольшим. Выцветшая, потертая хлопчатобумажная гимнастерка с чистыми петлицами рядового красноармейца казалось, вот-вот

разойдется по швам на его плечистой фигуре. Следом выбрался наверх молодой, паренек одетый лишь в солдатские шаровары и бывшую некогда белой, а сейчас перепачканную землей и кровью нательную рубаху. Последним на свет божий выбрался, высокий, худощавый и нескладный, чернявый командир с алой комиссарской звездой на полуоторванном левом рукаве изодранной гимнастерки с тремя эмалированными кубиками в петлицах. Первым делом он выудил из кармана далеко не первой свежести носовой платок и близоруко щурясь, принялся протирать треснувшие стекла разбитых очков.

- Кто такие? – Богдан окинул подозрительным взглядом стоящих перед ним босоногих пленников. Из какой части?

- Командир батальона 62-й стрелковой дивизии, капитан Маркин – неожиданно шагнул вперед крепыш в красноармейской гимнастерке – сержант, немедленно вызови своего командира.

- Документы подтверждающие личность, имеются?- холодно поинтересовался Олексич.

- Ты охренел, сержант – повысил голос бритый – ты, что не видел, где мы находились.

- Молчать! – рявкнул сержант - вы все пока задержаны до выяснения личности и обстоятельств попадания в этот подвал.

- Да какие там обстоятельства – Маркин заметно «сбавил обороты» - повязали сонных, оружие отобрали и документы.

- Бреше вин – завопил из своего угла, арестованный бандит – ни яких документив у его нибуло. Вин горилку трескав и того молодого заставлял, а когда мы зашли перший руки у гору задрал, и оружие свое сам отдал. Один жидок тильки к пистолетику и дернулся...

- Разберемся - буркнул сержант и уже громче добавил – в особом отделе разберутся. Карасев возьми пару бойцов обыщи хату.

Минут двадцать кропотливого и вдумчивого «шмона» и в руках у Андрея оказался небольшой, но весьма увесистый сверток, найденный на дне здоровенного, окованного медью, старомодного сундука. Помимо пары ТТ с запасными обоймами в кусок домотканого полотна была завернута командирская книжка. С фотографии на Карасева смотрел уже знакомый чернявый политрук, разве, что без синяков и ссадин. Документ был выдан на имя Бориса Михайловича Фридмана, корреспондента дивизионной газеты «Вперед».

- Ну, нашли чего? – в раскрытое окно заглянул Богдан.

- Вот, документы и личное оружие - Андрей протянул сержанту командирскую книжку и пистолеты. Похоже, Маркин не врет, или врет, но местами.

- Какими местами? – недопонял сержант – а, ты вон о чем. Правду он местами говорит. Мне боец уже все рассказал. Этот гад, когда батальон в окружение попал, бойцов своих бросил и в бега пустился. Встретил окруженца, заставил отдать гимнастерку, а свою комсоставовскую вместе с документами в лесу прикопал. И оружие бандюкам сам отдал, струсил падла.

- А этот – Карасев кивком головы указал на документы военкора.

- А этот вроде нормальным мужиком оказался – пожал плечами Олексич – его на другой день повязали. Горилку пить отказался, пытался сопротивляться, в общем, пришлось кулачью с ним повозиться. Короче, политруку оружие и документы возвращаем, остальных под стражу, нагоним своих, пусть особый отдел разбирается.

Пока суд да дело, день уже стал клониться к закату. Досыта накормить вынужденно постившихся уже много дней пограничников и набить вещмешки трофейным продовольствием, упускать такую возможность было просто

преступно, и Олексич принял решение заночевать на захваченной бандитской базе. Всех арестантов, за исключением реабилитированного Фридмана загнали в сарай, и выставив часового завалились на боковую.

Раннее утро принесло с собой две новости и обе оказались плохими. Раненый командир второго отделения этой ночи так и не пережил.

Как оказалось в планы Маркина не входила встреча с военным трибуналом и он предпочел сбежать, предварительно сговорившись с арестованным бандитом и сманив с собой третьего арестанта. Беглецы попросту разобрали крытую соломой крышу. Времени отряжать погоню не было и сержант после недолгого прощания с погибшим товарищем и похорон, скрепя сердце махнул на них рукой, объявив построение своего небольшого воинства. Оглядев куцую шеренгу пограничников, сержант задержал удивленный взгляд на маячившей на левом фланге долговязой нескладной фигуре военкора.

- Товарищ политрук, может вы как старший по званию примете командование?
- Да какой из меня командир – улыбнувшись, махнул рукой Фридман – я и в армии всего три недели. Командуйте сержант, у вас это лучше получится.

Олексич лишь кивнул головой, прозвучала команда, небольшой отряд покинул село, название которого Андрей так и не узнал и ускоренным маршем двинул по дороге. За своей спиной он оставил еще одну могилу с зеленой пограничной фуражкой на холмике свежесыпанной земли.

Своих, они нагнали только к вечеру следующего дня. А двадцать четвертого июля в течении месяца прошедшая с боями по занятой врагом территории почти триста пятьдесят километров обескровленная, насчитывающая чуть более полутора тысяч человек при трех орудиях, 124-я стрелковая дивизия и присоединившиеся к ним остатки 34-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса прорвались через линию фронта в районе Белокоровичей.

Часть 3 Последний рубеж.

Глава 15

- Если грянет бой кровавый
- На врага вперед, вперед пойдём!
- Защитим Страну Советов
- Победим или умрём! – выводил звонкий голос правофлангового бойца, штатного взводного запевалы
- Эй, комроты, даёшь пулемёты!
- Даёшь батареи, чтобы было веселей!
- Эй, комроты, даёшь пулемёты!
- Даёшь батареи, чтоб было веселей! – дружно рявкали без малого три десятка молодых крепких глоток.

В хоровом исполнении «Школы красных командиров» Андрей не участвовал, шагая слева от взводной колонны. Все-таки должностное положение кроме массы весьма хлопотных обязанностей, давало некоторые преимущества. Целый замкомвзвод, это вам не просто - так. Да и пожалуй в сравнении с этими вчерашними школьниками, такими же зелеными как их новенькая, еще толком не обмятая униформа, он в свои неполные двадцать один, с боями прошедший от самой границы до древнего, казачьего городишки с мудреным названием Калач на Дону, за год заслуживший сержантские треугольники в петлицы и ленточку за ранение над карманом выцветшей добела, но идеально подогнанной по крепкой, плечистой фигуре гимнастерки, выглядел выдавшим жизнь ветераном.

- Взвод! Смирн-а-а! Равнение на лево! – гаркнул он, когда колонна поравнялась с группой командиров стоящих на крыльце крытой соломой мазанки.

Бойцы, прижав локтями свертки с бельем и «мыльно-рыльным», нещадно пыля, бодро промаршировали перед носом начальства. Хорошо прошли, почти. Опытное ухо уловило «дробь» в дружном топоте солдатских сапог. Так и есть, снова Васильев. Вот дал же бог несчастье ходячее. Карасев досадливо крякнул, исподтишка погрозил кулаком круглолицему, чернявому бойцу, неловко подпрыгивающему в безуспешных попытках «подобрать» ногу. Еще месяц назад при первом взгляде на построенных перед ним новобранцев Андрей обратил внимание на этого азиатского вида паренька - недотепу. И где только лейтенант его выкопал. Ничего более несоответствующего воинской службе, нежели этот сын гордого тунгусского народа нельзя было себе и представить. А военная выправка и вышеозначенный индивидуум и вовсе были понятиями в принципе не совместимыми. Хотя, было у потомственного охотника Епифана Васильева одно достоинство, напрочь перечеркивающее и слабое знание русского языка, и своеобразное понимание воинской дисциплины и прочие весьма многочисленные недостатки. Стрелял он отменно. Лучший стрелок во взводе, да что там во взводе, во всей роте равных ему в обращении с трехлинейкой не было, что впрочем, не спасало бойца от многочисленных нарядов, щедро сыплющихся со всех сторон на его бедовую голову.

- Взвод стой – скомандовал Андрей – слева по одному в распоряжение бегом марш.

Некоторое время наблюдал как бойцы, топоча сапогами по разохшимся, скрипучим доскам крыльца по одному исчезают в прохладном нутре отданного под казарму, старенького здания школы. Внутрь не пошел, предоставив командирам отделений дальше самим «развлекать» личный состав, снял фуражку, вытер пот с коротко стриженной головы и бросив укоризненный взгляд на бездонно-безоблачное июльское небо. Солнце жарит невыносимо, как тогда в сорок первом. Да, прошлый год вообще выдался горячим, во всех отношениях. Тогда в конце июля, Карасев казалось, полностью исчерпал лимит везенья, во время прорыва под

Белокоровичами его все-таки нашла немецкая пуля. Спасибо парням, не бросили, вытащили. Волокли на себе под шквальным пулеметным и минометным огнем.

Потом был госпиталь в Киеве, успешная операция и опять ему повезло. Успели выскочить. Приказ об отходе войск Юго-Западного фронта на левый берег Днепра пришел слишком поздно. Их госпитальная колонна едва успела проскочить буквально перед носом смыкающих тиски окружения немецких танков. А затем капкан захлопнулся. В «котле» оказались четыре советские армии. Впрочем, о масштабах катастрофы, трясущийся на ухабах разбитых непрекращающимися немецкими бомбежками дорог в санитарном автобусе Карасев не думал. Не до того было. Пулю доктора извлекли, но рана воспалилась и все это время он провел между бредом и явью, то не надолго приходя в себя, то вновь проваливаясь в черную пропасть беспомощности. Да он знал, что так будет, но был бессилен изменить судьбу окружавших его людей, хотя это бессилие давило неподъемным грузом. Закрутившиеся бурным водоворотом события увлекли его за собой и тащили без остановки, не давая времени, чтобы остановиться, найти какое либо более или менее приемлемое решение. Только в сентябре, уже в Сталинграде, немного оклемавшись и встав на ноги, Андрей решил действовать. Выклянчив у дежурной медсестры лист бумаги, очевидно выданный из ученической тетради и химический карандаш, он нашел укромный уголок и уселся писать письмо. Твердой рукой вывел «Москва. Кремль. Товарищу Сталину И.В...», и впал в прострацию. Он просто не знал, о чем писать дальше. Что такое ценное он Андрей Николаевич Карасев 1922 года рождения может сообщить нынешнему Советскому руководству, чтобы хоть как-то изменить дальнейший ход исторических событий, да и что он вообще знает об этих событиях? А самое главное, как доказать? Не говоря уж о том, что письмо просто не дойдет до адресата. В общем, ничего у него тогда не получилось.

Из госпиталя он вышел с петлицами младшего сержанта. Приказ о присвоении этого звания пришел еще в августе. Лейтенант Малышенков сдержал свое

обещание. А вот представление к медали «За отвагу» так и пропало в «котле» окружения вместе со штабом 124-й стрелковой дивизии.

Выписавшись из госпиталя, свежееиспеченный младший командир получил назначение в 272 -й полк формируемой в городе 10 -й Сталинградской дивизии НКВД.

А потом для него началась совсем другая война. Дивизия обеспечивала охрану переправ и железнодорожных узлов в тылах откатывающегося на восток под вражеским натиском Юго-Западного фронта. Батальон, в который попал Андрей, дислоцировался в Калаче - на - Дону и помимо всего прочего обеспечивал охрану калачевского транспортного узла и переправы, гоняясь за мнимыми и настоящими диверсантами и шпионами.

Контрнаступление войск южного и Юго-западного фронтов, зимой – весной сорок второго года, лично для Карасева явилось полной неожиданностью. К своему глубочайшему изумлению и стыду, он выпускник советской средней школы, причем закончивший ее не с самыми плохими отметками в аттестате, ровным счетом ничего не знал о Барвенково - Лозовской наступательной операции. Увы, немцы знали о ее подготовке гораздо больше, и были к ней готовы. Ценой огромного напряжения сил Красной Армии удалось прорвать вражескую оборону, но намеченная цель полного разгрома группы армий «Юг» так и не была достигнута. Голос Левитана из тарелки репродуктора торжественно объявлял о захваченных трофеях и освобожденных населенных пунктах, но к концу марта – началу апреля наступающие стрелковые и кавалерийские дивизии 6-й и 38-й армий окончательно завязли у немецких опорных пунктов в упорных боях, то продвигаясь вперед, то вновь откатываясь.

А потом, после недолгого затишья, в мае грянуло наше наступление под Харьковом. И снова победные репортажи, перечисление освобожденных населенных пунктов. Командование Юго-западного фронта с завидным упорством продолжало

лезть в приготовленную врагом ловушку, закончившуюся новым котлом. Харьковская катастрофа напрочь перечеркнула даже те, незначительные успехи достигнутые ценой огромных усилий в ходе зимней компании 41-42 года.

Дальше было только хуже. Покончив с зажатými в кольцо окружения дивизиями, немцы стремительно двинули вперед. В конце июня сорок второго года, мощными ударами танковых клиньев проламывая отчаянную оборону советских войск, шестая армия генерала Паулюса устремилась к Дону. Разбросанные по блокпостам заградотряды дивизии прилагали недюжинные усилия, чтобы выловить из массы беженцев и вернуть в строй, развернуть лицом к врагу бредущих на восток поодиночке, группами, а то и целыми подразделениями, бойцов и командиров.

Идти в казарму не хотелось, Андрей присел на лавочку в пустующей курилке и подставил лицо легкому ветерку, задувающему с недалекого Дона.

- Сидишь, отдыхаешь? – раздался над плечом знакомый голос ротного старшины – а с бойцами кто заниматься будет?

- Да ладно тебе – отмахнулся Андрей – отделенные пусть сами покомандуют, нахрена мы их держим таких красивых? Сядь лучше, отдохни, никуда дела от тебя не денутся.

- И то верно – старшина присел на скамью рядом с Карасевым, достал папироску – всех дел не переделаешь.

Ротный старшина Семен Головань, среднего роста, плотный, черноусый, потомственный забайкальский казак, по здешним меркам практически «старик», лет на пять старше самого Андрея, прибыл на фронт вместе с основной массой личного состава полка из Сибири. В боях с фашистами он пока еще не участвовал, но зато успел в свое время повоевать с японцами на Халхин-Голе. Причем, судя потому - что на широкой груди его висела медалью «За отвагу», повоевать

неплохо. Карасева он сразу выделил, как родственную душу, с кем можно посидеть, потолковать «за жизнь». Впрочем, как раз это было неудивительно, поскольку во всей их роте понюхавших порошу ветеранов оказалось всего четверо, причем двое из них командир роты и командир второго взвода в близкий круг общения старшины по вполне понятным причинам входить не могли.

Некоторое время Головань молча сидел рядом, пыхая сизым папиросным дымом потом заметил: «Однако паря, артисты сегодня приезжают, концерт давать будут».

- Да ну? – оживился Карасев – а откуда артисты?

- Вот тебе и «да ну» - передразнил старшина - кто их паря знает, вроде из Сталинграда. А может и из самой Москвы.

- Здорово. Интересно будет посмотреть.

- Посмотришь, куда ты денешься – старшина снова ненадолго замолчал, провожая взглядом прищуренных глаз проплывающую на большой высоте «раму» - летает сволочь.

-Летает, чего ему сделается – криво усмехнулся Андрей – наши летуны спят, а он летает.

- Товарищ сержант, товарищ сержант – из казармы молнией метнулся злополучный «сын таяжных просторов» - тебя товарищ лейтенант зовет.

- Не тебя, а вас – поправил бойца Головань.

- Нет – отрицательно закрутил круглой, чернявой головой Васильев– нас, не зовет, товарищ сержант зовет.

- Кхм – Карасев поперхнулся, некоторое время недоуменно смотрел на тунгуса, а потом зашелся в диком, гомерическом хохоте.

- Тьфу – раздосадовано сплюнул старшина – Васильев, учишь тебя бестолочь учишь... Иди с глаз моих. А ты чего ржешь?

Некоторое время незнакомый с солдатским фольклором конца двадцатого века Головань с раздражением и непониманием смотрел на покатывающего со смеху товарища, а потом и до него дошел весь комизм ситуации.

- Ладно, пойду – немного отдышавшись, Андрей поднялся со скамьи.

- Ты это – закончив смеяться и утирая выступившие на глазах слезы – ты паря вечером после отбоя заходи. Именины у меня сегодня.

- Поздравляю – кивнул Карасев – буду обязательно.

Командира, лейтенанта Золотухина, Андрей нашел в бывшей учительской, отданной под ротную канцелярию. Там он получил от взводного ЦУ по поводу завтрашнего выезда и сегодняшнего концерта и отправился строить бойцов на ужин.

Для проведения концерта выбрали обширный колхозный сад на самой окраине городка. Его буйная зелень, словно покрывалом, закрыла от любопытных глаз немецкой разведки и две поставленные рядом полуторки, кузова которых образовали импровизированную сцену, и сидящих и стоящих вокруг них бойцов. Впрочем, зенитное прикрытие тоже присутствовало, три установки счетверенных «максимов» с расчетами старательно оберегали от угрозы воздушного нападения и артистов концертной бригады и их зрителей.

Карасев примостился прямо на траве рядом с неторопливо смолящим папироску старшиной, с интересом наблюдая за разыгрывающемся здесь действием. Уже год он в этом времени и вот первая возможность «приобщиться к культуре», отдохнуть душой. Тем более посмотреть было на что. Первым на сцену поднялся конференсье невысокий лысоватый мужичок в сером пиджачном костюме. Его немудрящие шуточки аудитория встретила несколько сдержанно, но в целом одобрительно. Зато

выскочившая следом веселая стайка крепеньких девчонок в защитных юбках и гимнастерках, своей залихватской пляской, сопровождавшейся задорным повизгиванием, собрала щедрую порцию аплодисментов и восторженных воплей благодарных зрителей в большинстве своем уже давно лишенных женского общества. Высокий худощавый парень спел - «Два Максима». Эту песню Андрей как-то давно слышал по телевизору в исполнении Гурченко, здесь она прозвучала в легкой джазовой аранжировке, и звучала надо сказать довольно, неплохо. А вот Голованю не понравилось, уж больно, по его мнению, легкомысленная, несерьезная песня, мол, не бывает на войне так легко и весело.

Зато, когда молодая, стройная, очень красивая брюнетка с огромными зелеными глазищами, в шикарном концертном платье исполнила «В землянке», бойцы слушали в глубокой тишине, словно боясь спугнуть очарование низкого, грудного, словно бархатного голоса. Карасев даже готов был поклясться, что в уголке глаза сурового забайкальца предательски блеснула влага. Когда стихли последние аккорды песни, над импровизированной концертной площадкой повисла тишина, взорвавшаяся вдруг шквалом аплодисментов.

Потом опять была лихая кадрили от веселых девиц, сатирическая сценка, в которой актеры вдоволь поиздевались над Гитлером и его ближайшим окружением, «Куплеты Антоши Рыбкина» в исполнении того же высокого парня. Завершала концерт - стройная красавица, своим чудным голосом певшая «Синий платочек» и повторившая на бис «Землянку».

Расходились уже в стремительно накатывающих сумерках, под «Прощание славянки». Грозные, торжественные звуки лучшего русского военного марша исподволь заставляли шагающих в строю бойцов шире разворачивать плечи, тверже печатать шаг.

Время было уже позднее, когда Андрей «отбив» вверенный ему личный состав, наконец, освободился от дел и негромко постучал в бывший кабинет школьного

завхоза, отданный в полное и безраздельное владение ротному старшине. Здесь среди старых глобусов, свернутых в трубочку географических карт и прочих учебных пособий был уже накрыт немудреный, но роскошный по нынешним, скудным временам, стол. На расстеленной на парте газетке, красовались: краюха черного хлеба, десяток картофелин «в мундире», стрелки зеленого лука, миска с малосольными огурцами и восхитительно розовые, тонкие, почти прозрачные ломтики сала. Венчала все это кулинарное великолепие солдатская, из толстого зеленоватого стекла, фляга.

Кроме самого виновника торжества в старшинской присутствовал лишь сержант Иванищев, среднего роста, стройный, красавец брюнет - «замок» из второго взвода, также приглашенный на праздник. Вошедшему Карасеву, как опоздавшему, тут же сунули в руку жестяную кружку, на треть наполненную прозрачной жидкостью.

- Ну, за твое здоровье Семен Феоктистыч – Андрей шумно выдохнул и залпом опрокинул в себя содержимое. Клубок жидкого огня прокатился по пищеводу, ухнул в желудок, разливаясь приятным теплом по телу. В голове слегка зашумело. Занюхал спирт рукавом, подцепил перышко лука (не жрать сюда пришел), уселся у стола, принялся неспешно, с достоинством закусывать.

- Умеешь – уважительно крикнул именинник и мотнул головой, обращаясь к Иванищеву – учись паря. Бывалого вояку, его по всему видать.

- За нас, паря - старшина «набулькал» себе порцию пойла, выпил и смачно захрустел огурчиком, продолжая очевидно прерванный с приходом Карасева разговор – ... вот я и говорю, паря. Готовились мы к войне к этой проклятой, готовились, а что вышло? Говорили ведь малой кровью, на чужой территории, а сами вон аж до Дона добежали. Вот ты Андрюха воробей стреляный, от самой границы воюешь, скажи, почему оно так получается?

- Почему? – Андрей прожевал кусочек сала, задумчиво потер подбородок – воевать фрицы умеют пока - что лучше нас, вот почему. А мы учимся.

- То-то, что учимся – буркнул Головань, наливая спирт и протягивая посудину Иванищеву – сколько еще кровушки прольется, пока выучимся. И ведь не неумехи же какие. Вона самураям сопатку как раскровянили, и финнам опять же. А с фрицами вишь ты, не выходит.

- Выйдет Феоктистыч, выйдет – заверил приятеля Карасев – это я тебе как доктор говорю. Вот помяни мое слово, в следующем году на запад пойдем, и побегут они от нас, как миленькие побегут.

- Хорошо бы коли так-то. Дожить бы – мечтательно протянул забайкалец, затем встал, подняв вновь наполненную кружку – давайте мужики помянем товарищей наших....

Выпили, как положено, не чокаясь, некоторое время сидели в полной тишине.

- В газетах все про внезапность толкуют – закусив продолжил разговор на очевидно давно волнующую его тему старшина - мол подло на нас Гитлер напал, в спину ударил. Да и политрук нам про то вчера на политинформации распинался.

- Так и есть – горячо встрял в беседу Иванищев - конечно внезапное нападение свою роль сыграло, да еще и численное превосходство. Да на немцев же вся Европа работает, оттого у них и оружия и техники разной много.

- То-то и оно, что застали нас со спущенными штанами – хмыкнул Головань – Я вот человек беспартийный, можно сказать политически неподкованный, так вы комсомольцы объясните мне, а где разведка наша была? Почему не доложили товарищу Сталину? Почему пролетариат ихний, немецкий не предупредил, где классовая солидарность трудящихся? Нам про нее перед войной все уши прожужжали. Сейчас вот про эту самую солидарность все больше помалкивают, значит, нет ее. С кашей съели? Ну ладно первый удар внезапным был, потому и потери большие понесли и назад откатились. А нынче под Харьковом как же так получилось то? Вроде бы и одолевать фашиста начали, на запад пошли, ан нет,

опять отступаем. Нет, я, конечно, не сомневаюсь, хребет то мы им все едино поломаем, но только когда это будет? Сколько еще кровушки пролить надо?

Андрей лишь пожал плечами. Старшина задавал вопросы, над которыми еще спустя много лет будут ломать головы, и профессиональные историки, и различные доморощенные исследователи. Притих и Иванищев, только сосредоточенно хрустел малосольным огурцом.

В общем, до своего спального места Андрей добрался уже далеко за полночь изрядно навеселе и упав на койку провалился в забытие.

16 Глава

Зной. Над степью висит сплошное марево и плотное облако пыли. Две набитые бойцами полуторки, идя «против течения», с трудом протискиваются в сплошном потоке устало бредущих беженцев. Иногда словно лодки в сплошном людском потоке проплывают повозки и автомашины. Изредка, раздвигая толпы штатских к обочинам, проходят серые от пыли и усталости колонны красноармейцев. И над всем этим с бездонной синевы небес безжалостно жарит равнодушное к людским бедам и страданиям июльское солнце.

- Воздух! – полный панического ужаса крик несется откуда-то издалека, заставляя густую людскую массу вздрогнуть, заволноваться и рассыпаться в разные стороны.

Андрей видит, как выбравшийся на подножку головной машины взводный машет рукой и что-то кричит. Сидящие в кузовах бойцы не дожидаясь остановки грузовиков, начинают соскакивать на землю и бросаются к обочине. Дождаться отдельного приглашения не стоит, почти одновременно с водителем, Карасев

открывает дверцу кабины, рывкнув подгоняя нескольких замешкавшихся с выгрузкой подчиненных выпрыгивает на дорогу и бежит в сторону.

В небе гудя моторами, пролетает девятка «Юнкерсов» сопровождаемая несколькими истребителями. Замыкающая пара «Мессеров», отделяется и проходит низко над дорогой, расстреливая из пушек и пулеметов мечущуюся толпу. Рев проносащихся над головой самолетов, грохот стрельбы и многоголосые крик испуганных людей заставляют плотнее прижаться к земле, глубже зарыться в высушенную солнцем, жухлую, степную траву.

Бомбардировщики между тем, не обращая внимания на творящуюся внизу суету, продолжают величаво плыть дальше. У них своя цель. Вот уже, который день фашисты как заведенные, долбят Калачевскую переправу, у которой столпилась масса отступающих советских войск и огромное количество беженцев.

Картина в небе резко меняется, когда на плотный строй вражеских самолетов откуда-то сверху сваливается четверка остроносых «Яков». Концевой «Юнкерс» внезапно начинает густо дымить и выпав из строя с натужным гудением пытается уползти в сторону. Оставив в покое беззащитных беженцев и горстку бойцов, немецкие истребители, набирая высоту, уходят вверх и ввязываются в кипящую в небе жаркую схватку. Карусель воздушного боя постепенно смещается на юг к Калачу, там начинают хлопать защищающие переправу зенитки и грохотать разрывы бомб, а люди вновь начинают собираться на дорогу.

- По машинам! – мальчишеский голос Золотухина очевидно от пережитого страха и волнения «дает петуха».

- По машинам! – отплевавшись и прокашлявшись от забившей рот и ноздри пыли, продублировал команду Андрей.

Бойцы спешно грузятся в полуторки, и машины, пользуясь тем, что дорога более-менее свободна, сигнали и старательно объезжая лежащие в пыли тела убитых и раненых, продолжают свой путь.

Не останавливаясь, колонна проскочила хутор Малолюбинский догоравший после недавней бомбежки и вновь попала в «пробку». Напрасно гудят сигналы и выбравшийся на подножку, охрипший от безуспешных попыток их перекричать лейтенант, угрозами и увещеваниями пытается заставить толпу расступится. Все бесполезно. Отупевшие от усталости люди просто не обращают на все это никакого внимания, обтекая грузовики как досадное препятствие.

Естественно, что при такой скорости передвижения на центральную площадь Большенабатовского «газоны» вкатили уже далеко за полдень.

Громяхая деревянными кузовами и кабинами, ревя моторами оба «пепелаца», распугав небольшую стайку роющихся в пыли кур и нежащегося на завалинке огромного серого котяру, остановились на майдане. Молодцевато выпрыгнув из кабины, лейтенант поправил фуражку и зашагал к одной из мазанок.

- Взвод к машинам – гаркнул Андрей, в свою очередь, спрыгивая с подножки второй «полуторки». Пока бойцы спешивались, заполняя шумной толпой, небольшое пространство сельской площади, он огляделся. Улочки были тихи и безлюдны, только возле хаты, к которой направлялся взводный, стояла и бестолково пялилась на приезжих девчонка на вид лет семнадцати - восемнадцати. Невысокого росточка, хрупкая, смешно-неуклюжая, похожая на какой-то диковинный гриб в казавшемся огромным ШС, мешковато сидящей на ней форменной юбке, гимнастерке с черными петлицами, украшенными перекрещенными пушечными стволами, и растоптанных явно не по размеру сапогах. На худеньком плече девицы болталась, едва не волочась прикладом по земле, винтовка с примкнутым штыком.

- Часовой, вызови начальника караула – потребовал Золотухин

Никакой реакции. Девчонка продолжала стоять, уставившись на него круглыми как у совенка глазами.

- Товарищ боец! – начавший терять терпение лейтенант повысил голос – Вы меня не слышите? Вызовите своего командира.

- Ой! – жалобно пискнула караульщица, до которой, похоже, наконец, дошло, что хочет от нее грозное начальство. Покраснев и не сводя с возмущенного Золотухина, испуганного взгляда, она не оборачиваясь, постучала в окошко мазанки и крикнула – Маша! Маш!

На зов откликнулась, моментально появившаяся на крыльце высокая, крепко сбитая девушка постарше. Завидев незнакомого командира, она проворно сбежала по ступенькам, поправила пилотку на коротко стриженных русых волосах и лихо козырнув, представилась – сержант Вострикова.

- Лейтенант Золотухин - взводный небрежно бросил руку к козырьку фуражки и недовольно пробурчал – ну и дисциплинка у вас, товарищ сержант. Это что еще за «Маш, Маш», она, что у вас, устава не знает?

- Разрешите ваши документы – строго потребовала сержант. Затем, бегло изучив протянутые ей бумаги и бросив испепеляющий взгляд на сжавшуюся в комочек подчиненную, добавила – извините товарищ лейтенант, она у нас недавно в армии.

- Ты чего лейтенант девчат моих пугаешь? – следом за девицей-сержантом их хаты вышел высокий, худощавый командир – командир батареи, старший лейтенант Андреев.

- Лейтенант Золотухин – козырнул в ответ взводный.

- Будем знакомы, Сергей – зенитчик открыто, дружески улыбнулся и протянул руку.

- Коля, э-э-э то есть Николай – лейтенант пожал протянутую ладонь – прибыли для обеспечения охраны переправы.

- Давно ждем – кивнул Андреев - Ладно, Коля-Николай, определишь своих бойцов, милости прошу на огонек, расскажу тебе о делах наших скорбных. Только скажи своим орлам, чтобы личный состав мой не обижали. У меня ведь одни девки на батарее, одна другой краше.

Лейтенант заморачиваться не стал. Наскоро поставив задачу и взвалив ее на Карасевские плечи, он направился к зенитчикам выяснять обстановку. Проводив взглядом мокрую от пота спину начальства, Андрей в свою очередь, занялся «нарезкой» задач для личного состава. На пристани у реки раздавался drobный перестук топоров, там саперный взвод заканчивал сборку парома. Для охраны и поддержания порядка непосредственно на самой переправе Карасев выделил первое отделение. Еще одно, усиленное станковым пулеметом, заняло позиции на въезде в станицу с севера. Третье оставил в резерве в качестве маневренной группы, с тем, чтобы в случае необходимости прикрыть наиболее угрожаемое направление.

Пришедший через час, когда уже начинало смеркаться слегка навеселе Золотухин расстановку сил и средств одобрил и наконец, счел нужным, довести до своего заместителя оперативную обстановку.

Так получалось, что пересекавшая Большенабатовский с севера на юг, идущая вдоль правого берега Дона дорога, оставалась единственным, еще не перерезанным врагом путем для отступающих к Калачу советских частей и беженцев. В пяти километрах к западу от них на высоте 205.6 закрепился, зарылся в землю усиленный батареей сорокопятак, стрелковый батальон, который вот уже сутки сдерживает натиск немецких танков и мотопехоты. Обойти позиции батальона фрицам не дают два глубоких оврага, вот они и вынуждены атаковать позицию стрелков в лоб, вверх по склону холма.

- Вот такие пироги, сержант – лейтенант уселся на завалинку, откинулся спиной на стену мазанки и глядя прямо перед собой принялся задумчиво дербанить зубами соломинку.

- Сколько нам здесь держаться тащ лейтенант?

- Еще пару дней, завтра, послезавтра должен подойти тылы 13- й дивизии. Задача стрелков не допустить немцев к Дону до их эвакуации на левый берег, а наша, обеспечить переправу.

Ночь, озаряемая далеким заревом горящей степи, постепенно вступала в свои права. На западе и севере гулко гремела канонада. Подул прохладный, легкий, пахнувший рекой и свежесть, невыразимо приятный после тяжелой дневной жары ветерок. Текущий через станицу поток беженцев с наступлением темноты почти иссяк. Взводный отправился на ночлег к зенитному старлею, а Карасев направил стопы к брошенной эвакуировавшимся хозяевами хате, занятой под расположение третьего - резервного отделения. Махнул рукой, дернувшемуся было остановить, но вовремя узнавшего командира, часовому, широко распахнув дощатую дверь и пригнувшись, чтобы не задеть головой низкую притолоку шагнул внутрь. После легкой свежести задувающего с Дона ветерка мощное «амбре» набитого людьми небольшого помещения, буквально сшибало с ног.

В воздухе стоял густой храп и не менее густой «аромат» новой кожаной амуниции, оружейной смазки, грязных портянок, гуталина, табака и подгоревшей каши. В единственной комнате, добрая половина которой была занята огромной, беленой русской печью тускло светила заправленная смешанным с машинным маслом бензином, керосиновая лампа. Не бог весь, какая роскошь, но по нынешним временам настоящее богатство. У слабого пляшущего под порывом задувающего из открытой двери воздуха, дающего больше копоты, чем света огонька за столом пристроился русоголовый боец, который сосредоточенно

щурясь, бормоча себе под нос, что-то писал обломком карандаша на листке бумаги. Услышав скрип открываемой двери, он поднял глаза, подскочил.

- Сиди – Андрей кивнул на лежащий на столе тетрадный лист – письмо?

- Маме – улыбнулся паренек, разом сделавшись похожим на мальчишку - старшеклассника, по какой-то нелепой ошибке наряженному в солдатскую гимнастерку - давно уже написать хотел, да все как-то...

- Дело хорошее – Карасев хлопнул бойца по плечу, почувствовав укол совести, ведь за все время так и не написал ни одного письма родителям того парня в теле которого он сейчас пребывал по странной прихоти судьбы. Направился к печи, у которой, дымя папиросками и о чем-то негромко между собой переговариваясь, примостились еще двое «лунатиков». Багровые отблески огня причудливо играли на смуглых от пыли и загара физиономиях, создавая какую-то совсем уж сюрреалистическую картинку.

- Товарищ сержант, ужинать будете – один из курильщиков, командир отделения ефрейтор Матафонов, невысокий, разбитной малый, кочергой выудил из зева печи солдатский котелок – вот, специально оставили.

- Давай, чего там у вас – Андрей у которого с самого утра маковой росинки во рту не было, капризничать и скромничать не стал, а выудив из за голенища сапога завернутую в тряпицу ложку принялся хлебать горячий, жидкий, приправленный консервированным мясом кулеш – м-м-м прохиндеи вы где крупу достали?

- Да здесь, через два дома у тетки сменил - сидящий рядом с ефрейтором долговязый, лопоухий боец Кирилюк сделав последнюю затяжку с сожалением глянул на дотлевший до бумажного мундштука «бычок», бросил его в печку и прищурившись уставился на огонь – зараза, торговалась как будто не две пригоршни сечки, а честь девичью продавала. Целый кусок мыла пришлось отдать.

- Глянулся ты ей видно – ухмыльнулся Матафонов – отпускать не хотела. А чего, надо было и остаться, по хозяйству бы помог, да мало ли что еще, женщина то одинокая.

- Да иди ты – вяло отмахнулся Кирилюк – ты ту одинокую видал? У батьки моего кобыла краше была.

- Ну, кому и кобыла невеста – пошевелив кочергой рдеющие угольки, философски заметил ефрейтор – тащ сержант, а правда, что у зенитчиков одни девчонки служат? Вот бы в гости сходить.

- Увижу кого в расположении зенитчиц, ноги повыдергиваю – свирепо пообещал Карасев – делом заниматься надо, а у вас баловство на уме.

- Да мы же это, с честными намерениями – сделав самую, что ни на есть серьезную физиономию, заверил отделенный.

- Знаю я ваши намерения – буркнул Андрей - смотри у меня. Часового не забудь проверить.

Для пущей убедительности пригрозив кулаком ушлomu ефрейтору, он поднялся, расстелил свернутую в скатку шинель на свободной лавке и с удовольствием вытянулся на ней во весь рост. Некоторое время лежал, бездумно глядя в потолок, слушал приглушенное невнятное бормотание полуночников у печи, заглушаемое храпом и сопением спящих бойцов и вскоре отключился, словно провалился в глубокую пропасть.

Во сне к нему опять пришла Кристина, такая, какой он видел ее во время, их первой встречи. В легком, летнем платье она стояла под гнущимися под тяжестью крупных, зрелых плодов, ветками сливы, с улыбкой смотрела на него своими огромными серыми глазищами, и что-то говорила, словно журчал звонкий ручеек или звенели серебряные колокольчики. Слов он не слышал, но от звуков ее ласкового, нежного голоса, почему-то сладко щемило сердце. С этой девушкой

Андрей был знаком всего один день, больше он никогда ее не видел, но почему-то именно ее милое лицо иногда вставало перед его мысленным взором. Тогда, летом сорок первого, пробиваясь к своим по захваченной врагом Украине, он не видел снов, в редкие минуты отдыха просто проваливаясь в тяжелое забытие. Только в Сталинградском госпитале он впервые за все время своего нахождения в прошлом вместо сплошного черного беспамятства он снова стал видеть сны. Иногда как черно-белое кино, наполненные стрельбой и взрывами, яростным мельтешением рукопашной схватки. А иногда цветные и яркие, лица родных и друзей, родной город, оставшиеся в недалеком прошлом, вернее сказать в далеком будущем, или вот как сейчас, когда к нему приходила самая красивая девушка на свете.

Наверное, со стороны было смешно смотреть на раскинувшегося, на серой солдатской шинели, блаженно улыбающегося во сне детину, в защитной, выцветшей и застиранной гимнастерке. Однако желающих посмеяться не нашлось. Счастливый сон Карасева не потревожили ни суeta меняющихся часовых, ни отдаленный, ставший привычным за последние несколько дней гул отдаленной канонады.

Глава 17

Проснулся словно от резкого толчка. В хате все еще царила темнота и тишина, только с улицы были слышны приглушенные голоса. Андрей поднялся, натянул сапоги, подцепив за ремень, лежащий рядом ППШ, и позевывая, потащился к выходу.

Ночь только, только начинала уступать свои права нарождающемуся новому дню. На востоке над Доном уже алела узкая полоска зари. У крыльца рядом с часовым стоял Матафонов а мимо них, громыхая на ухабах, катились повозки и серыми тенями, белея в утренних сумерках бинтами поддерживая друг друга проходили группки бойцов.

- Что случилось? – от соседней хаты, поеживаясь от утренней прохлады, подошел Золотухин – кто такие? Откуда?

- Раненые, товарищ лейтенант – пояснил Матафонов – видать из того батальона, что на высоте оборону держит.

- Понятно – взводный застегнул верхний крючок гимнастерки, поправил ремень и шагнул вперед – кто старший? Старший есть?

- Есть старший, чего разорался – от группки отступающих отделилась одна из серых теней и подойдя ближе материализовалась в кряжистую, плечистую фигуру мужика лет тридцати пяти – сорока. Из под грязного, окровавленного бинта, на бледном, осунувшемся, заросшем черной щетиной лице лихорадочно блестел один глаз – извини лейтенант. Не признал в потемках. Старший лейтенант Колыванов, сопровождаю раненых в тыл.

- Как там? – неожиданно севшим голосом – только и спросил Золотухин.

- Как? – старлей криво усмехнулся – хреново, лейтенант. Очень хреново. Считай, что больше нет батальона. К полудню немец здесь будет.

- Что-о-о? – на взводного словно что-то накатило – отставить панику. Еще слово и я прикажу вас арестовать, как труса и паникера.

- Меня? Как труса? – эту фразу Колыванов буквально прохрипел срывающимся от ярости голосом. Внезапно рванувшись к Золотухину он как клещами вцепился в его гимнастерку сверля ненавидящим взглядом единственного глаза – да ты молокосос... окопались тут за нашими спинами, крысы тыловые, а там, весь батальон, весь....

Не ожидавшие такого поворота событий Карасев и Матафонов не сразу бросились отдирать от опешившего взводного вконец рассвирепевшего пехотинца. Не без труда смутьяна удалось скрутить, и неизвестно чем бы все эта история

закончилась, прежде всего, для пехотного старлея, если бы в этот момент на площадь не вкатила выдавшая виды полупторка с десятком бойцов в кузове. Грузовик еще не успел остановиться, когда с подножки соскочил и опрометью метнулся к командиру Васильев в составе своего второго отделения, оставленный у северного въезда в станицу.

- Товарищ лейтенант, вот ...

- Боец свободен, спасибо, что проводил – из-за спины тунгуса, отстраняя его в сторону, вышел сухощавый, среднего роста командир с тремя шпалами в петлицах. Козырнул в ответ на приветствия опешившего, но все еще кипевшего праведным гневом Золотухина, вытянувшихся бойцов и хмурого старлея – подполковник интендатской службы Лоскутов.

- Товарищ подполковник – взводный наконец пришел в себя – прошу предъявить ваши документы.

- Лейтенант Золотухин - придиричливо изучив протянутую ему командирскую книжку, лейтенант вернул ее интенданту и отдал честь.

- Что у вас здесь происходит, лейтенант? Вам, товарищи командиры, что фашистов мало? Друг друга решили поубивать?

- Товарищ подполковник - голос взводного зазвенел от негодования - мною задержано подозрительное лицо, которое вело пораженческие разговоры, и сеяло панику среди бойцов...

Слушая сбивчивый доклад взводного, полковник все больше и больше мрачнел.

- Значит так Золотухин – безапелляционным тоном заявил он – для обеспечения порядка на переправе тебе и отделения хватит. Остальные пойдут со мной.

- Товарищ подполковник, но у меня приказ...

- Лейтенант, во второй половине дня в Большенабатовский подойдет медсанбат 13-й гвардейской дивизии, там раненые, сотни раненых. Ты понимаешь, что будет, если немцы прорвутся к переправе?

- Так, точно товарищ подполковник, понимаю – голос взводного звучал глухо – но...

- Никаких но, твоих бойцов поведет вон, сержант. Это заместитель твой? - Лоскутов кивком головы указал на стоящего поодаль Карасева – он у тебя вроде парень обстрелянный. Давно воюешь сержант?

- С первого дня товарищ подполковник - вытянулся Андрей – от самой границы.

- Вот видишь – одобрительно кивнул головой интендант – замкомвзвод то у тебя боевой. Мне там, на высотке сейчас каждый штык на вес золота будет. А ты старшой, уводи раненых к переправе.

- Товарищ подполковник – вспыхнул Золотухин – я командую взводом, и своих бойцов не брошу. Я с вами.

- А, черт с тобой – отмахнулся Лоскутов – поднимай людей.

Не зря пользуясь любой свободной минутой, Карасев натаскивал бойцов своего взвода. Конечно до результатов выдаваемых самим Андреем и его сослуживцами на марш-бросках в бурной армейской молодости в позднем СССР, нынешним недокормленным, пацанам было далеко. Однако интенданта и десяток, приехавших с ним нестроевиков, немолодых уже мужичков они оставили далеко позади. Только Золотухин изо всех сил старавшийся держать марку, пыхтел где-то в хвосте колонны. Естественно в проводимых своим замкомвзвода по личной инициативе, ежедневных пробежках и тренировках, вместе с бойцами, лейтенант участия не принимал, и теперь это сказывалось на результате. Взводный держался только на собственном уязвленном самолюбии, отстать от своих подчиненных он просто не мог. Впрочем, все плохое тоже имеет обыкновение когда-нибудь кончаться, вот и

сумасшедший рывок вверх по поросшему сухой выжженной солнцем травой склону высоты, тоже завершился. В утренних сумерках два с половиной десятка хрипло дышащих, отплевывающихся бойцов, негромко бряцая оружием и снаряжением, прыгали в окопы, рассасываясь в разные стороны, растворяясь в полутьме полуразрушенных артобстрелами и бомбардировками ходов сообщения, занимая позиции.

Вопреки самым грустным предположениям, окопы эти небыли пусты. То там, то здесь, в разбитых, неглубоких стрелковых ячейках пусть изредка, но еще мелькали серыми тенями защитные гимнастерки, поблескивали стальные каски бойцов. И пусть их, оставалось совсем немного, батальон был жив, и сдавать, разбитую снарядами и бомбами высоту без боя, никто не собирался.

- Стой. Кто идет? - на шорох осыпающейся под Карасевским сапогом земли откуда-то из под ног, внезапно вырос незнакомый боец с винтовкой наперевес.

- Свои, земляк, свои – успокоил его Андрей, спрыгивая в траншею – принимайте подкрепление.

- Подкрепление это хорошо – рядом темным неясным силуэтом возник еще один красноармеец – неужто вспомнило про нас нацальство, пора бы, третьи сутки уже. А может, и пожрать чего принесли?

- Чего нет, того нет – развел руками Андрей.

- Плохо. Тогда хоть закурить дай.

- Да не курю я.

- Слышь, Мирон – разговорчивый красноармеец сокрушенно вздохнул и повернулся к товарищу – вот подкрепление прислали. Ни пожрать, ни покурить. Ницего у их нет. Об чем только нацальство наше думает.

Разочарованно сплюнув и махнув рукой, он отправился в свой закуток досыпать.

- Где тут разместиться можно? – сконфуженный таким приемом Карасев был готов сгореть от стыда от осознания своей полной никчемности.

- А хоть где – боец с винтовкой закинул оружие на плечо и откинулся спиной на стенку окопа – слева в ячейке наши лежат, пятеро. Мы их туда оттащили, чтобы под ногами не мешались. А в правой, там раньше бронебойщики сидели. Только сейчас их нету никого. Первого номера еще с ночи в тыл эвакуировали, а напарника его наповал в голову осколком. Так и остался. А дальше уж и не знаю, есть ли кто живой, аль нету. Хотя вроде с вечера еще шевелился кто-то.

Недолго думая, Андрей все-таки остановил свой выбор на правой ячейке, тесное соседство сразу с пятью покойниками его совершенно не прельщало. Развернувшись спиной к утерявшему к новоприбывшему всякий интерес Мирону, он зашагал по извилистому ходу сообщения в нужную сторону. Позиция бронебойщиков действительно была пуста, только за обратным скатом траншеи лежало уже окоченевшее тело красноармейца, с каким-то бесформенным черным месивом вместо головы, да противотанковое ружье лежало на бруствере, беспомощно уставившись в светлеющее небо длинным стволом. Под ногами загремела пустая консервная банка, блеснула россыпь стреляных гильз.

Полоска зари на востоке становилась все шире, предрассветная полутьма отступала под лучами пробуждающегося солнца. Вскоре, Карасев, аккуратно высунувшись над бруствером окопа, уже разглядывал открывающуюся перед ним картину. Сразу перед его позицией, метрах в пятидесяти неподвижно застыла все еще дымящаяся, серая махина немецкого танка. Возле него валялись три тела в черных танкистских комбинезонах. Еще несколько таких неподвижных стальных коробок: три танка и два бронетранспортера, стояли на пологом, изрытом воронками склоне холма. Между ними там и сям неаккуратными серыми и черными холмиками были разбросаны трупы немецких пехотинцев и танкистов.

- Не меньше сотни – прикинул про себя Андрей – а может и больше, поди сосчитай. Оборонявшие высотку стрелки, и артиллеристы свои жизни продавали явно недешево.

Закончив обзирать окрестности, он уселся на дно окопа и принялся инспектировать собственные ресурсы. Старую солдатскую мудрость, гласящую, что патронов много не бывает, за год войны, Карасев успел в полной мере прочувствовать на собственном опыте, а посему помимо штатного, полного запасного диска к ППШ в его вещмешке хранилось еще сотни полторы патронов. Из холодного оружия в наличии имелся широкий штык от немецкой винтовки и малая саперная лопатка. Карманная артиллерия в виде пары ребристых «лимонок», вот и все. Нельзя сказать, чтобы этого было совсем мало, но хотелось бы конечно большего. Вооружившись лопаткой, выдолбил в стенке окопа нишу, уложил в нее запасной диск к автомату и гранаты, и только разобравшись с собственным арсеналом, приступил к изучению оставшегося от бронебойщиков оружия. Карабин погибшего хозяина ячейки после беглого изучения был признан к дальнейшему использованию непригодным, казенная часть его была буквально сплющена сильным ударом. Вот ПТР привлек больше внимания. Внешних повреждений на нем Андрей не обнаружил, а потому принялся за его детальное изучение.

Легендарное ПТРД - 41 своими размерами и весом производило солидное впечатление. Почти двухметровый ствол, оборудованный складными сошками и рукояткой для переноски, прикрепленной к казеннику, заканчивался квадратным набалдашником дульного тормоза. Ружье было снабжено довольно удобной пистолетной рукояткой и амортизированным пружинами плечевым упором. Приложив приклад к плечу, Андрей попробовал сквозь прорезь прицела поймать мушку и навел ее на неподвижную тушу подбитого танка. Немного поэкспериментировал с перекидным целиком, на котором имелось почему-то всего две установки до шестисот и дальше шестисот метров. В общем, игрушка

понравилась, смотрелось оружие мощно и вселяло изрядную долю уверенности. Как должны выглядеть боеприпасы к такому оружию Карасев хоть и весьма приблизительно, но все же представить себе мог, однако обшарив весь окоп ничего похожего так и не обнаружил.

Четыре длинных, тускло поблескивающих латунными гильзами патрона нашлись в подсумке на поясе убитого бронебойщика. Немного повозившись с механизмом заряжания, и освоив его, Андрей пришел к выводу, что метров с пятидесяти, пожалуй, сможет попасть из этой штуковины в танк или БТР, при условии, что тот не будет ехать слишком быстро.

- А вот ты где сержант – из-за поворота хода сообщения появилась целая процессия, возглавлял ее уже знакомый интендантский подполковник, следом шел незнакомый старлей со стрелковыми эмблемами в петлицах и Золотухин – ну как освоил?

- Не знаю, товарищ подполковник - Андрей пожал плечами – вроде сложного то ничего нет. Стрельнуть бы пару раз, потренироваться, да нечем.

- На немцах потренируешься. Вот старший лейтенант подберет тебе второго номера – Лоскутов одобряюще похлопал Карасева по плечу и зашагал дальше.

Чужие командиры скрылись за поворотом траншеи, только взводный задержался. Уселся рядом на дно окопа.

- Ты это, Андрюха – после затянувшегося молчания, он наконец решился – просьба у меня к тебе будет. В случае чего ... , ну если со мной чего В общем, вот адресок – лейтенант немного покопался в тощей планшетке и протянул исписанный ровным, угловатым почерком клочок бумаги.

Карасев так и не нашелся, что ответить, только молча кивнул, взял бумагу и аккуратно свернув упрятал в нагрудный карман гимнастерки. Состояние лейтенанта, которому вот-вот предстояло принять свой первый, а может и

последний настоящий бой, было ему, в общем понятно. Ему и самому было как-то не по себе, хотя уж для него-то предстоящий бой первым никак не был. Муторно как-то было на душе.

Минут десять, сидели молча, Золотухин ожесточенно смолил неумело свернутую «козью ножку», его заместитель, просто глядя остановившимся взглядом прямо перед собой.

- Ладно – лейтенант встал, вбил каблуком сапога окурок в землю, уходя, обернулся, бросил через плечо – удачи тебе.

- Удачи командир – эхом отозвался Андрей в удаляющуюся спину.

Взводный скрылся за поворотом траншеи, а Карасев, решив укоротить медленно текущие в неизвестность минуты ожидания, взялся за работу. Отстегнув с пояса лопатку, принялся скрести сухой каменистый грунт, углубляя и расширяя ячейку, затем поправил осыпавшийся бруствер. От дела отвлек шорох осыпающейся земли. В траншею прыгнул красноармеец, щуплый, невысокий мужик лет сорока, подтянул к себе позвякивающий стеклом деревянный ящик.

- Держи сержант угощение – ухмыльнувшись, боец протянул обычную полулитровую, воняющую керосином стеклянную бутылку, наполненную вязкой, маслянистой жидкостью – немца потчевать будешь.

- Давай дядя – улыбнулся в ответ на немудрящую солдатскую шутку Андрей, принимая из заскорузлых, мозолистых клешней бутылку с КС – встречу, как дорогих гостей.

- Совсем рассвело – красноармеец бросил взгляд на распростершуюся над головой бездонную синеву неба – скоро полезут. Вот позавтракают и полезут. Ордунг у них, это порядок значит, по часам воюют, сволочи. Ладно, бывай паря. Может еще и свидимся.

Глава 18

На западе в светлеющее небо взмыла красная ракета. Боец бросив тревожный взгляд, подхватил ящик со своим хрупким и огнеопасным оружием, и пригнувшись двинулся прочь по ходу сообщения.

Пронзительный свист разрезал воздух и один за другим высотку покрыли огненные фонтаны минных разрывов. Одна из мин разорвалась совсем рядом обрушив и без того разваленную траншею и слегка припорошив землей сидящего на дне стрелковой ячейки Карасева. Впрочем, обстрел длился недолго, сделав несколько залпов, немецкие минометчики успокоились, очевидно, сочли свою часть работы выполненной. Складывалось впечатление, что и мины они бросали больше для порядка, не будучи уверенными в том, что на советских позициях вообще остался кто-либо готовый оказать сопротивление.

Не успела еще улечься пыль последних разрывов, когда, Андрей, выглянув из-за бруствера, проверил сектор обстрела, полил водой из фляги землю перед стволом теперь уже своего ПТРа. Рядом в траншеях копошились, деловито щелкали затворами винтовок, готовясь к бою соседи. Двое недавних Карасевских собеседников – Мирон и его «цокающий» напарник вытянули на позицию тяжелый «максим» и теперь возились возле него, вставляя в приемник патронную ленту. Не было в их дружных, сноровистых движениях никакой лишней суеты или позерства, мужики всего лишь делали свою работу. Словно где-нибудь на колхозном поле или в заводском цеху они готовились к новому, трудному рабочему дню. Здесь на выжженном солнцем, изорванном воронками, нашпигованном свинцом и сталью куске донской степи готовилось драться и умирать легендарное поколение. Поколение, строившее Магнитку и Днепрогэс, по сути, за каких-то полтора десятка лет, надрывом жил, тяжким трудом вытянувшее - вытолкавшее свою страну,

лежавшую в руинах после хаоса революций, мировой и гражданской войн, на одну ступень с самыми развитыми индустриальными державами мира. Эти люди, строя заводы и электростанции, каналы и железные дороги, осваивая таежные просторы Сибири и Дальнего Востока, своими руками, сами того еще не зная, заложили фундамент будущей Победы и теперь без помпы и парадности вот так вот просто готовились отдать для нее свои жизни.

Притихшая было степь, наполнилась ревом моторов и лязгом железа. Не меньше полудюжины танков, поднимая столбы пыли, делая короткие остановки перед каждым выстрелом, двигались на позиции батальона. Следом неуклюже переваливаясь, взрывая на воронках и ухабах катили коробочки бронетранспортеров, сопровождаемые цепями пехотинцев в мышином фельдграу.

Вот отвечая на выстрелы танковых пушек, рывкнула единственная уцелевшая батальонная семидесятишести миллиметровка, частыми хлопками вторили ей сорокопятки приданной противотанковой батареи. Густо задымил получивший в борт бронебойным снарядом правифланговый Т-3. Следом, вздрогнув от мощного удара, как вкопанная остановилась шедшая в центре «двойка». Остальные танки перенесли огонь на засеченные позиции артиллеристов, и их огонь стал ослабевать.

Приложив к плечу приклад своего длинного ружья, Андрей через мушку прицела смотрел на приближающуюся тушу танка с черным крестом на лобовой броне. Рядом уже вовсю разгоралась винтовочно - пулеметная трескотня, а для Карасева весь мир словно перестал существовать, остался только этот ненавистный, неумолимо наползающий крест. Затаив дыхание он плавно потянул спуск. Неожиданно мягкая для оружия такой мощности отдача толкнула в плечо. На скосе брони сверкнула искорка рикошета. «Четверка», вздрогнув, остановилась, грозно повела башней, выискивая наглеца. Из куцега, толстого пушечного ствола вырвался короткий сноп пламени. Снаряд взорвался где то в стороне.

Андрей коротко чертыхнулся, с досадой вспомнив так и оставшееся невыполненным обещание подполковника прислать второго номера, дрожащей рукой нащупал в нише окопа второй патрон, торопливо запихал его в ствол, снова выстрелил. Словно в насмешку фриц вновь остался цел и невредим. Экипаж «панцера» вел суматошную пальбу из обоих пулеметов пока безрезультатно силясь нащупать своего противника. Маневрируя и стремясь уйти из-под обстрела немец, постарался укрыться за подбитым сотоварищем. Карасев вновь зарядил ПТР, усилием воли заставил себя успокоиться и стал терпеливо ждать. Третий выстрел был более удачен. Как только танк, набирая скорость, выскочил из-за своего укрытия, тяжелая бронебойная пуля разбила трак на левой гусенице, заставив машину вовремя не сбросившую ход, крутануться на месте и подставить корму под снаряд противотанковой пушки.

Сунувшийся было из жирно чадающего танка экипаж, быстро расстреляли пулеметчики, а Андрей, зарядив свое грозное оружие последним оставшимся патроном, принялся выискивать новую цель.

Земля перед бруствером вздыбилась фонтанчиками звучно шлепающих в пыль пуль. Сообразив, что пристрелка идет именно по его грешную душу, Карасев поспешил нырнуть вниз и скрючился в три погибели, на дне неглубокой ячейки слыша резкий посвист следующей очереди уже над головой.

В этот момент земля дрогнула от близкого разрыва и словно огромная метла небрежно смахнула земляную насыпь, обрушив львиную долю земли и камней на скрюченную спину Андрея. Когда, отплевываясь и протирая запорошенные глаза, он поднялся на ноги, то обнаружил, что принявший на себя всю разрушительную энергию разорвавшегося фугаса бруствер стрелковой ячейки просто отсутствует как таковой. Прямо перед его позицией красовалась свежая, еще дымящаяся воронка, на противоположном краю которой валялся искореженный кусок металла, в котором весьма сложно было опознать остатки ПТРа. К счастью штатный ППШ

все это время стоял у ног, и теперь откопанный и почищенный он вполне был пригоден к применению.

В бессильной ярости сжав кулаки, Андрей видел, как ревущая, громыхающая и копящая стальная туша очередного «панцера» наползла на ячейку пулеметчиков, деловито поелозила, размазывая по гусеницам грязную, кровавую кашу, и неумолимо покатила дальше. До скрежета стиснув зубы, он ухватил из ниши бутылку с КС и уже не пригибаясь, метнулся влево по траншее. Фонтанчики пыли выросли рядом с головой, заставив вновь нырнуть на дно окопа. Прямо на него, щедро поливая пространство перед собой пулеметными очередями, надвигался БТР. Когда лязгающая гусеницами, хлопающая распахнутыми дверями десантного отделения, воняющая бензиновым выхлопом, коробка проползла практически над головой, обрушив стенки траншеи, Карасев поднялся на колени и широко размахнувшись, метнул зажигательную смесь в открытое нутро бронетранспортера. Злорадно оскалился в ответ на истошные вопли боли и ужаса доносящиеся из охваченной пламенем медленно едущей машины, и отвернувшись, вскинув к плечу автомат принялся отстреливать перебегающие и припадающие к земле, грязно - зеленые фигуры фашистов. Тяжелый «папаша» зло задержался в руках, плюя короткими, скуными очередями в наступающих врагов. Вот один из них в чужом, серо-зеленом мундире с закатанными рукавами не успел закончить перебежку, словно наткнулся на невидимую стену, остановился, выронил карабин и завалился лицом вниз. Другой, поймав свинцовый «гостинец», крутанулся волчком и ничком рухнул на негостеприимную донскую землю. В пылу боя Андрею казалось, что каждый упавший гитлеровец повержен именно им. Он что-то злобно - азартно кричал, радуясь каждому сваленному врагу как маленькой победе, и не слышал сам себя из-за грохота выстрелов и гранатных разрывов. Остатки батальона, пропустив через себя немецкие танки, поднялись и встретили бегущие за ними цепи пехотинцев плотным, дружным огнем.

Вскоре оставшаяся без прикрытия брони немецкая пехота залегла, огрызаясь винтовочной и пулеметной пальбой, а потом и вовсе откатилась назад. Над полем боя на некоторое время воцарилось затишье, нарушаемое лишь хлопками артиллерийской перестрелки в тылу, где пара прорвавшихся «троек» выскочила на позиции зенитной батареи.

Впрочем, противник быстро опомнился, и плотный минометный обстрел обрушился на многострадальную высотку. На позициях батальона снова выросло множество огненных фонтанов. Тяжелый гул десятков мощных ударов сотрясал земную твердь. С громким шорохом осыпались подброшенные взрывами к некогда бездонно - синему, а теперь закопченному дымом горячей техники, прикрывшемуся серой завесой пыли небу комья земли, и окровавленные куски того, что еще буквально несколько минут назад живыми людьми. Резкий свист разлетающихся в разные стороны осколков уже привычно резал слух, терзая страхом, казалось бы, уже порядком зачерстневшую, душу.

Спрятавшийся на дно траншеи, Карасев, чтобы хоть чем-то отвлечь себя от ежеминутного ожидания смерти, вынул из автомата диск, воткнул запасной, а с опустевшего, снял крышку, и подрагивающими от избытка адреналина и нервного напряжения пальцами принялся набивать его патронами, доставая из вещмешка и разрывая зубами, бумажные пачки. Занятый монотонной работой он уже давно потерял всякое ощущение реальности происходящего и не обращал внимания на близкие разрывы, лишь стараясь прикрыть от пыли и грязи механизм подачи.

Вдруг очень захотелось пить. Сплюнув скрипящий на зубах песок, Андрей отстегнул от ремня флягу, припал к горлышку пересохшими губами. Глоток, другой и теплая, совершенно не утолившая жажду вода, закончилась. Поболтал над ухом опустевшей посудинкой, досадливо поморщился и отложил ее в сторону. Где-то над головой еще несколько раз сильно грохнуло, и на него разом обрушилась тишина. Время словно замедлило свой бег, и все дальнейшее виделось как в замедленном, немом кино. Бесшумно опадали, подброшенные взрывами, комья

земли и беспомощно скреб гусеницами завалившийся в траншею подбитый бронетранспортер. На несколько мгновений Карасеву даже показалось, что он единственный кто выжил на перепаханной железом высотке, но постепенно как сквозь вату стали возвращаться звуки. Монотонно урчал работающий на холостых оборотах двигатель, бряцал металл оружия, где-то громко на одной протяжной воющей ноте стонал раненый.

Одиночество стало каким-то совсем невыносимым, хотелось даже завывать от внезапно охватившей тоски, но он лишь стиснул зубы, и устало закрыл глаза.

- Сержант – кто-то слегка потормошил его за плечо – слышь, сержант, ты живой что ли?

- А? – Андрей открыл глаза и увидел склонившуюся над ним чумазую, заросшую черной щетиной физиономию «чужого» красноармейца - Живой я. Чего тебе?

- Тащ сержант – боец выпрямился, поправляя сползающую с плеча винтовку – там комбат командиров собирает. Всех кто живые остались.

- Где собирает?

- А, там – посыльный неопределенно махнул рукой куда-то влево, и не пускаясь в дальнейшие объяснения, проворно выбрался из траншеи и исчез из поля зрения.

Карасев поднялся, подхватив автомат, взвалил на спину «сидор» с нехитрыми солдатскими пожитками, и расстав по карманам так и неиспользованные в бою лимонки, пригибаясь, направился в указанном направлении.

Раздавленную ячейку пулеметчиков обошел стороной. Он просто не мог себя заставить наступить на окровавленную, перемешанную с обрывками истерзанной человеческой плоти и искореженным металлом оружия, землю. Сделав небольшой крюк, прыгнул обратно в разваленную, глубиной едва ли до пояса, траншею. Метров через пять наткнулся на неподвижно стоящего, уткнувшись лицом в

бруствер траншеи бойца в защитной, гимнастерке. Новенький, зеленый ШС слетел с головы, и легкий ветерок шевелил его волосы. Что-то знакомое показалось Андрею в этих русых непослушных вихрах. Подойдя, он положил руку на плечо, и словно ожидавшее этого прикосновения безжизненное тело шумно рухнуло на дно окопа. Это был боец его взвода, тот самый похожий на школьника паренек. Карасев провел ладонью по его лицу, закрывая неподвижные мертвые глаза, вытащил из кармана пачку заляпанных бурыми пятнами подсохшей крови писем и фотографий.

Дальше ход сообщения был более или менее целым, а потому достаточно глубоким. На обратном скате его, свесив в окоп культи оторванных ног, лежал еще один труп, висящая лохмотьями униформа и песок под ним были бурыми от крови, и белые осколки кости торчали из страшных ран.

За поворотом Андрей едва не наступил на сидящего в обнимку с винтовкой, прямо на земле, сложив ноги «по-татарски» незнакомого красноармейца. Монотонно покачиваясь и что-то негромко напевая себе под нос, он смотрел прямо перед собой отрешенным пустым взглядом. Рядом ничком лежал еще один боец, судя по всему уже мертвый. Ничего не сказав, Карасев аккуратно перешагнул через покойника и двинулся дальше, провожаемый безразличным взглядом живого. Еще несколько выживших нашлись в следующей стрелковой ячейке. Невысокая, плотная женщина неопределенного возраста с красными не то от пыли, не то от слез огромными, печальными глазами на худом, изможденном лице, пыталась перевязать, судорожно дергающегося, крепкого, молодого парня. Удерживать уже не кричащего, а лишь тоскливо воющего от боли раненого ей помогал пожилой мужичок - нестроевик в кое-как нахлобученной на седую, коротко стриженную голову пилотке. Занятые своим делом они не обратили на подошедшего сержанта совершенно никакого внимания.

Так, то выбираясь из разбитых и заваленных окопов, то спрыгивая обратно, петляя по уцелевшим ходам сообщения, переступая через застывшие в разных,

порой самых причудливых позах трупы он пробирался минут десять. Наконец траншея в очередной раз повернула и двое бойцов, которые негромко переговариваясь и смоля одну на двоих свернутую из газетной бумаги «козью ножку», снаряжали патронами диски ручного пулемета, указали ему на ход сообщения, ведущий к батальонному НП.

Глава 19

Наблюдательный пункт командира батальона находился на самой вершине холма и занимал собой довольно просторный, накрытый обрывками маскировочной сети окоп. В дальнем углу его стояла раскуроченная осколками большая, зеленая коробка радиостанции, а рядом с ней на патронном ящике сидел уже знакомый пехотный старлей. Рядом с ним расположились еще трое: невысокий, чернявый крепыш кавказской наружности с лейтенантскими кубарями в петлицах и старший сержант на голове которого было намотано столько грязного с проступающими красными пятнами крови бинта, что побитая, выдавшая виды каска налезала на него с трудом. Третьим к вящей радости Андрея оказался Матафонов. Неунывающий ефрейтор выглядел слегка потрепанным и уставшим, но вполне живым и здоровым.

- А сержант, живой – завидев Карасева старший лейтенант, жестом пригласил его присоединится к компании – это хорошо. Иди, потолкуем, как дальше жить будем.

- Это ты танк подбил? – лейтенант кавказец улыбнулся, продемонстрировав белозубую улыбку из-под черных как смоль усов, и сам же ответил на свой вопрос – ты, я видел. Молодец слушай.

- Ну вот, что – окинув взглядом собравшихся начал комбат – я так понимаю командиров больше не осталось. Тогда сделаем так: лейтенант Ибрагимов принимаешь первую роту.

- Хорошо – кивнул головой чернявый.

- Петренко на тебе третья.

- Есть – поднялся старший сержант.

Ну а ты сержант, кстати, как твоя фамилия?

- Карасев товарищ старший лейтенант.

- Сержант Карасев принимает вторую роту. Там людей меньше всего, поэтому заберешь к себе всех своих, которые уцелели и артиллеристов, которые без матчасти остались.

- А чего это ты комбат моими батареями распоряжаешься? – прихрамывая с трудом наступая на перевязанную ногу и опираясь как на посох, на карабин, в окоп спустился артиллерийский лейтенант – хоть бы меня спросил для приличия.

- А, бог войны пожаловал – обрадовался старлей – ну, докладывай чего там у тебя?

- Плохо комбат – покачал головой артиллерист – осталось четыре орудия и дюжина снарядов на ствол. Твой взвод ПТО уничтожен полностью, матчасть вдребезги а бойцов, там трое человек уцелело, я к себе забираю, мои расчеты пополнить. Из минометчиков можно набрать прислугу к уцелевшему миномету и мин к нему штук двадцать еще есть. Так что свободных артиллеристов в пехоту не отдам, нету их просто, свободных.

- Понятно – нахмурился командир батальона – значит так, товарищи командиры, если нам удастся продержаться до вечера, можно будет считать, что батальон свою задачу выполнил. По темноте попробуем оторваться от немцев и отойти к

переправе, ну а пока задача одна, держаться. Все поняли? Давайте к бойцам, неровен час опять полезут. Да, комбат, ты задержишься ненадолго.

Выбравшись из штабного окопа, Андрей некоторое время шел, молча, придавленный навалившимся грузом ответственности, переваривая свой внезапный карьерный взлет. Затем, словно опомнившись, обернулся к шагающему следом Матафонову.

- Дима, наших много осталось?

- Нет, командир. Целые только я, Кирилук, Поповских и Ежов. Еще раненых пятеро. Пехотный комбат приказал их к переправе увозить. Вот – ефрейтор протянул планшетку взводного – все, что от лейтенанта осталось. Прямое попадание мины. Самого в клочья, а она вот целехонькая, только ремень как ножом срезало.

Карасев взял планшетку, рукавом стер серую пыль с новенькой, даже не поцарапанной коричневой кожи. Внутри кроме топокарты лежало несколько листов чистой бумаги, цветные карандаши, тоненькая пачка писем и три фотографии. На одной из них был изображен Золотухин. Лихо заломленная фуражка, эмалевые кубари в петлицах новенькой гимнастерки, нарочито серьезное лицо, строго сдвинутые брови, эдакий суровый вояка, только бесшабашные мальчишеские глаза ломали старательно культивируемый образ. С другого снимка, в объектив фотоаппарата смотрело целое семейство, немолодая, но все еще красивая и статная женщина, высокий пышноусый мужчина в костюме и двое пареньков подростков лет четырнадцати-пятнадцати. В том, что слева без труда угадывался сам лейтенант, только лет на семь моложе. На третьем снимке мило улыбалась красавица блондинка. Ее лицо показалось знакомым. Кажется какая-то актриса довоенного советского кино. Вот только фамилию никак не мог вспомнить не то Светлова, не то Серова.

Андрей отправил Матафонова, разыскать и привести уцелевших бойцов своего взвода, аккуратно сложил письма и фотографии обратно в командирскую сумку и в нерешительности застыл. Где именно находится его новое подразделение, он просто забыл уточнить. Возвращаться обратно на НП и переспрашивать, значит выставить себя в самом идиотском виде перед новым начальством. Хорош ротный, получил назначение и даже не удосужился уточнить куда именно. Плюнув с досады, развернулся и зашагал туда, где в прошлый раз видел пулеметчиков, уж они-то наверняка знают.

- Эй, сержант – раздался за спиной знакомый голос с акцентом.

Карасев обернулся перед ним стоял Ибрагимов.

- Трофеем обзавелся? – кавказец указал на планшетку, которую Андрей держал в руках.

- Это взводного. Убили его.

- Понятно. Извини, плохо подумал – сдержано кивнул головой командир первой роты и протянул руку – Исмаил.

- Андрей – он ответил на неожиданно крепкое рукопожатие.

- Ты к своей роте? Пойдем. Нам по пути. Это на правом фланге.

Казавшиеся пустыми окопы постепенно стали оживать, заполняться бойцами. И хотя тела погибших никто и не думал убирать, и то и дело, попадаясь на глаза, они слишком живо напоминали о еще недавно орудовавшей здесь смерти, те которым на сей раз удалось избежать встречи с ней привычно и буднично продолжали делать свое дело. Одни деловито возился с оружием. Другие углубляли и расширяли разрушенные траншеи, Третьи и вовсе неторопливо перекусывали, мусоля твердый как деревяшка, кусок солдатского сухаря или споро орудуя ложками, опустошая одну на двоих, а то и троих консервную банку. Наиболее

шустрые, уже успели сползть за бруствер и пошарить в ранцах убитых фашистов. И теперь, счастливчики, разжившиеся трофейными полевыми рационами, устраивали себе и своим приятелям настоящий пир, ловя на себе завистливые взгляды менее удачливых. На разбитых позициях противотанкистов расположился импровизированный лазарет. Несколько бойцов, в основном нестроевиков или легкораненых под руководством женщины санинструктора прилаживали импровизированные носилки и волокуши к уцелевшим артиллерийским лошадям и грузили на них своих более «тяжелых» товарищей. Таких оказалось не меньше трех десятков. Кто-то метался в бреду, оглашая воздух криками, возможно, еще продолжая сражаться. Другие лишь тихо стонали или вовсе сидели или лежали молча, глядя перед собой отрешенным взглядом. Те, кто, несмотря на раны, еще мог держать в руках оружие, чувствовал в себе силы драться оставались на оставшейся неприступной высоте, а остальным предстояло отправиться в Большенабатовский и переправившись через Дон эвакуироваться в тыл.

- Зиночка - окликнул медика Ибрагимов – уходишь от нас да?

- Журавлев приказал раненых в тыл доставить – женщина обернулась, убрала тыльной стороной руки спадающую на глаза челку – мы только туда и сразу обратно вернемся.

- Сержант, подойди – раненый возле которого суежилась сейчас санинструктор, оказался подполковник Лоскутов. Туго перемотанное бинтом худое тело тяжело, неровно вздрагивало при каждом судорожном вздохе.

– Счастливчик ты как я посмотрю - интендант скривился в жутком подобии улыбки, закашлялся и на белом полотне стягивающей грудь повязки ярче проступили алые пятна – далеко пойдешь. Если сегодняшний день переживешь, конечно. А я вот отвоевался.

- Товарищ полковник вам нельзя разговаривать – бросилась к раненому медичка. Теперь она показалась Карасеву намного моложе. Скорее всего, ей не было и

тридцати, возможно и вовсе была его одногодком. Окопная грязь и усталость старили ее лицо лет на двадцать.

Лоскутов лишь устало махнул рукой и опустился на импровизированную волокушу.

Так и не сообразив, что ответить Андрей потихоньку отошел в сторону, разыскивая среди эвакуируемых своих бойцов. Он лишь успел сказать им несколько ободряющих слов, и отойдя встал рядом с Ибрагимовым, провожая взглядом небольшой караван.

- Плохо – бросив взгляд на безоблачную высоту неба, негромко, так, чтобы слышал только лейтенант, заметил Карасев – если самолеты налетят, дойти до переправы они просто не успеют. Перестреляют как цыплят в голой степи.

- Если не уйдут и высотку не удержим, все равно погибнут – также негромко заметил Исмаил – А если даже и удержим, с ними оторваться нам труднее будет. Так хоть немножко шанс есть.

Некоторое время командиры смотрели, как тонкая цепочка людей и груженных носилками животных уходит за гребень холма, затем, пожелав друг другу удачи, разошлись по своим подразделениям.

Как и говорил Ибрагимов, вторая рота занимала окопы на правом фланге позиции. Андрей, конечно, ожидал, что численность бойцов вверенного ему подразделения будет, мягко говоря, далека от штатной, но действительность превзошла самые худшие его ожидания, ввергнув в уныние свежееиспеченного ротного. Нет, он конечно предполагал что все будет плохо, но чтобы все было настолько плохо... . Оборону на рубеже протяженностью никак не меньше восьмисот метров держало тридцать шесть красноармейцев, да и из тех почти треть щеголяла свежими, и не очень, бинтами. Из средств усиления имелся лишь один чудом уцелевший расчет бронебойщиков и пара ручных пулеметов. На фоне

всего этого «богатства», приведенные Матафоновым, трое НКВДшников Карасевского взвода и пара «дядек» постарше очевидно из тех, что накануне прибыли в Большенабатовку вместе с подполковником Лоскутовым, оказались солидным подкреплением. Все, больше рассчитывать было не на что.

Хотя, как выяснилось позже, Андрей недооценил заботливость своего нового начальства. Он уже успел, обойдя траншеи, перезнакомится с вверенным личным составом, и начать располагаться в узком окопчике ротного НП, как прибежавший посыльный передал приказ немедленно явиться «пред светлы очи» старшего лейтенанта. Недовольно чертыхнувшись и помянув недобрым словом командирское непостоянство, вынуждающее его натаптывать лишние километры, Карасев взвалил контроль за личным составом и обстановкой на неширокие плечи Матафонова, а сам направился обратно на батальонный КП, где его искать он теперь знал совершенно точно. Благо противник пока вел себя довольно тихо, толи зализывал раны, толи готовил новые пакости.

В уже знакомом штабном окопе собралась все та же компания, пришлось лишь немного подождать старшего сержанта Петренко, его рота занимала оборону на левом фланге позиции, и путь оттуда был довольно не близок. Наконец, дождавшись, когда все соберутся, комбат без долгих предисловий поведал подчиненным об изменениях в складывающейся оперативной обстановке. Как выяснилось бойцы, обшаривавшие окрестности в поисках трофеев в одной из воронок обнаружили живого немца. «Язык», оказавшийся пехотным унтером, был слегка контужен и потрепан, но вполне пригоден для допроса. Сведения, полученные с его помощью, оказались крайне неутешительными. Обескровленному, потерявшему почти две трети личного состава стрелковому батальону старшего лейтенанта Журавлева противостояла мобильная группа немцев в составе двух танковых рот и моторизованного батальона, усиленных ротой самоходок. Пока удавалось сдерживать натиск авангарда противника, и даже серьезно потрепать его, практически уничтожив танковую и сильно обескровив

мотопехотную роты, но как раз сейчас под высоткой должны были разворачиваться его основные силы.

- Так что, братцы мои – подытожил, в конце концов, старлей – вот такие пироги с котятами. Сил у нас осталось немного, а самое тяжелое еще только впереди. Думаю, до вечера фрицы предпримут еще, как минимум одну попытку атаковать. А посему, слушайте боевой приказ: позицию привести в порядок, зарыться поглубже, и держаться. Насчет, зарыться поглубже, пушкарей особо касается. На твоих орлов лейтенант вся надежда. Приказ ясен?

- Куда уж ясней – морщась и поглаживая перемотанную ногу, ответил за всех артиллерист – умеешь ты командир настроение поднять.

- Стараюсь – хмыкнул Журавлев – а ты комбат, пару орудий оставишь в центре позиции и выделишь по одному на фланги в распоряжение ротных.

- Уже распорядился.

- Кстати, у тебя со снарядами действительно все так плохо или есть заначка?

- Ну, есть еще маленько – исподлобья покосился на батальонного прижимистый «бог войны» - бойцы у разбитых орудий насобирали.

- Жмот – резюмировал командир батальона – ну, вот и ладушки раз вопросов больше нет... . Товарищи командиры зарубите на носу и бойцам своим внушите - держаться до последнего. Назад ходу нет. Кто побежит, лично пристрелю. Все, давайте по местам.

Глава 20

На ротном НП Карасев к своему удивлению обнаружил по - хозяйски располагающийся расчет сорокапятки. Батарейцы бойко орудовали лопатами, переоборудуя под свои нужды неширокий командирский окоп.

- Товарищ сержант, вы уж извините, мы без спроса – примиряющее улыбнувшись, пробасил командир расчета - крупный, широкоплечий малый, из-под расстегнутой на груди гимнастерки которого, выглядывала полосатая «морская душа» - тельняшка – просто, здесь самая удобная позиция. Склон весь как на ладони. А вещички ваши вот, в целости и сохранности.

- Ладно, черт с вами – махнул рукой Андрей – располагайтесь. Надо значит надо. Я тут рядышком с вами где-нибудь пристроюсь, так, что пусть барахлишко полежит пока.

Артиллерист согласно кивнул и направился к своим товарищам, а Карасев, решил еще раз обойти позицию.

Впрочем, далеко он уйти не успел.

- Воздух! – указывая пальцем на с приближающиеся со стороны неторопливо катящегося к закату солнца, темные черточки, заорал один из копавших. Бойцы, побросав лопаты, кинулись закатывать в почти готовый окоп орудие. А черточки, меж тем, росли буквально на глазах, превращаясь в знакомые с детства самолеты с характерным изломом крыльев и черешками не убираемых шасси. Пока они разворачивались над высоткой, Андрей скатился в ближайший окоп ...

Развернувшись над высоткой, шесть похожих на каких-то диковинных, стремительных, хищных птиц, машин, выстроились в некоторое подобие хоровода и с диким завыванием, одна за другой пикировали на отчетливо видную сверху изломанную линию траншей. Раз за разом обрушивали они на вжавшихся в землю людей свой смертоносный груз. Разгрузившись над позициями батальона, очередная «штука» выходя из пикирования, освобождала место для следующей и уходя на восток утюжила пушками и пулеметами невидимую для обороняющихся цель у них в тылу.

Еще не смолк гул завершивших свое черное дело самолетов, а над позициями уже раздались голоса. С недалекой позиции артиллеристов кто-то яростно и немудрено матерился, периодически захлебываясь кашлем. Чуть дальше кто-то сипло кричал на одной ноте. В другой стороне перекликались, потом оттуда неожиданно прозвучал смех. Андрей невольно улыбнулся и, отряхиваясь, сплевывая хрустящий на зубах песок, выглянул из окопа. В оседающих клубах пыли разглядел копошащихся батарейцев. Его тоже увидели:

- Живой, командир?

- Живой, живой...

После пережитого ада знакомый голос давешнего артиллериста-богатыря обрадовал.

- Танки-и!

Пелена пыли, словно ждавшая этого крика, опала, сразу стала видна степь перед высоткой. И далекие еще коробочки машин.

- Два, четыре, семь - бормотал, считая, высунувшийся из-за орудийного щитка заряжающий сорокопята. Примерно на четырнадцать он, очевидно, сбился со счета и затих, напряженно всматриваясь в наполняющуюся ревом двигателей и лязгом железа степь.

- Рота, к бою! – неожиданно хриплым голосом крикнул, наконец сбросивший минутное оцепенение Карасев приподнявшись над бруствером.

- К бою – словно эхом пронеслось по цепи красноармейцев.

Рядом лязгнул запираемый затвор. Рослый наводчик, прильнув к прицелу, быстро крутил маховик, по выцветшей добела гимнастерке на его широкой спине проступало темное пятно пота. Тонкий ствол пушчонки хищно зашевелился, выбирая первую цель.

Памятуя о своих новых обязанностях, Андрей подхватил автомат и не спеша двинулся по траншее, подбадривая готовящихся к бою подчиненных.

На их загорелых, обветренных лицах он ясно читал всю гамму обуревавших его самого чувств. От невозмутимого спокойствия, до неприкрытого волнения, от яркой, сжигающей ненависти до прошибающего холодным, мерзким потом, страха. Вот один из них кряжистый тридцатилетний мужик, тщательно примяв каблуками старых разбитых сапог землю под ногами, старательно одернул гимнастерку, застегнул верхний крючок ворота, огладил мозолистой слегка подрагивающей ладонью рыжее цевье «мосинки». В соседней ячейки худой, ясноглазый паренек скрывая за суетливыми, неловкими движения охватившую его тревогу переставил с места на место трофейный маузеровский карабин.

- Чего это они? А, командир? – лицо бойца выражало удивление и растерянность.

Андрей смотрел и не верил своим глазам, до фрицев оставалось километра полтора, когда цепь атакующих внезапно остановилась. Постояв немного, словно в нерешительности, грозные боевые машины стали пятиться назад. Немцы уходили. Уходили, не сделав ни единого выстрела.

Карасев чертыхнулся, с одной стороны он чувствовал себя смертником, которому внезапно объявили об амнистии, с другой, хуже нет, когда вроде очевидные действия и планы противника вдруг становятся для тебя загадкой.

Между тем грохот и лязг стихли окончательно и над изувеченной взрывами, изрытой воронками и траншеями степью повисла тишина, изредка нарушаемая лишь бряцанием оружия и негромкими голосами, удивленных бойцов.

- Ну, что у тебя тут сержант? – в ячейку прыгнул Журавлев.

- Ушли, товарищ комбат – растеряно пожал плечами Андрей.

- Это я и без тебя знаю – усмехнулся старлей – вот это-то и хреново, что ушли. Значит, не интересуем мы их больше. Вот, что Карасев. Снимаемся и отходим к Большенабатовке. Твоя рота в арьергарде пойдет.

- Понял.

- Ну, раз понял, действуй.

Недолгие сборы и вот уже вереница красноармейцев и четыре конские упряжки с орудиями оставляют так и оставшуюся неприступной для врага позицию. Прошло часа два после того, как колонна отступающего батальона скрылась из виду, алый солнечный диск укатился вслед за ней. Небо посерело, в воздухе слегка потянуло прохладой. Решив, что ждать больше нечего Карасев дал команду, и редкая цепочка его бойцов покидает окопы. Спустившись с холма, построил людей, провел короткую переключку, и рота неторопливо зашагала на восток к пока не видной отсюда светлой полоске Дона.

Слышен топот сапог, бряцание оружия, тихие разговоры, а кое-где даже смех, это неунывающий Матафонов своими хохмочками веселит идущих рядом товарищей. В очередной раз чудом обманувшие смерть люди, несмотря на усталость, охотно отзываются на немудрящие шутки ефрейтора.

Примерно через пару километров разговоры и смех вдруг обрываются. Легкие порывы ветерка носят клочья окровавленных бинтов. Люди, лошади лежат вперемешку, там, где их настигли пули и снаряды немецких летчиков.

Рота проходит скрипя сжатыми до боли зубами. Люди стараются не смотреть друг другу в глаза, словно это они виноваты в гибели своих товарищей.

Внизу, у подножья все еще густо дымит подбитый немецкий танк, из открытого люка башни свисает неподвижное тело в черном комбинезоне. Чуть поодаль второй Т-3, башня его сорвана, валяется метрах в десяти. Позиция остановивших их зенитной батареи страшно изувечена снарядами, пушки разбиты, вокруг

валяются тела девчонок-зенитчиц. На месте наводчика единственного уцелевшего орудия старший лейтенант Андреев, уткнулся лбом в прицел, можно подумать, что спит, только гимнастерка на боку почему-то бурого цвета. У его ног, неподвижно сидит «сержант Маша». Ее широко открытые глаза неотрывно смотрят в сереющее небо, в уголке рта тонкая струйка запекшейся крови, каска свалилась с головы, коротко стриженные - русые локоны касаются пыльных сапог комбата.

Люди шагают почти в полной тишине, только бряцает оружие, негромко топчут сапоги и вполголоса матерится идущий рядом Матафонов.

На околице Большенабатовского оставленный Журавлевым боец, сообщил, что противник захватил Калачевскую переправу, и бои идут в самом городе. Уже в темноте быстро накатывающейся летней ночи, рота спустилась к пристани, загрузилась на паром. Под легкий плеск волны неуклюжая конструкция неторопливо, со скрипом поползла по поблескивающей темной сталью речной глади, оставляя за спиной отсвечивающий зарницами дальних пожарищ теперь уже чужой правый берег Дона.

Глава 21

Снег чистым покрывалом укутывает обгоревшие, закопченные останки мертвого города. Белые хлопья мельтешат в пустых окнах разрушенных домов, не тают на лицах людей. Мертвецов очень много, они лежат на разбитых снарядами и бомбами улицах, еще больше их под развалинами разрушенных зданий. Свои и чужие, военные и гражданские, мужчины, женщины, дети, с самого начала городских боев их никто не убирает. Некому убирать, вот и лежат они полуразложившиеся, зачоченевшие или совсем свежие уставившись открытыми глазами в хмурое, серое небо, с которого, кружась, крупными снежинками, валит снег.

Карасев поежился, кутаясь в порядком засаленный, местами прожженный ватник, подбросил в небольшой костерок гнутую ножку венского стула, протянул к

огню озябшие ладони. Где-то, совсем рядом короткой очередью прогрохотал МГ. Пули раскрошили остатки штукатурки на стене напротив окна, припорошив известью закоченевший труп немецкого солдата в зимнем, грязно-белом балахоне.

- Надоел – лежащий у костерка Матафонов не вставая поднял ППШ, положил ствол на подоконник и не целясь выстрелил в ответ – давно бы уже засек, да разобрался с ними.

Возившийся с трофейной маузеровской «снайперкой» Васильев которому собственно и была адресована последняя реплика поднял голову, флегматично пожал плечами.

- Я и засек. А стрелять командир не велел.

- Он тебе, что мешает что ли? – буркнул Андрей – от него шума больше чем вреда. Опять же этот под присмотром, а снимешь, его другой появится, да еще и позицию поменяет.

- Так-то оно так – зевнул Матафонов, и на некоторое время замолчал, задумчиво глядя на огонь. Впрочем, долго молчать неугомонный младший сержант не мог просто физически. Помешав винтовочным шомполом угольки, он поинтересовался – командир, а вот ты, после войны, чем заниматься думаешь?

- Поживем, увидим – пожал плечами Андрей.

- Глупые ты Матафонов вопросы задаешь. Ты доживи еще сначала – сидящий рядом с командиром Зырянов, закончив штопать крупными мужскими стежками оставленную немецким штыком в недавней рукопашной прореху на ватнике, откусил нитку, зябко повел широченными, затянутыми в тельняшку плечами – я вот, к примеру, так далеко и не загадываю вовсе. Сегодня живой, да и ладно.

Бывший артиллерийский наводчик, потеряв на улице в стычке с вражеской самоходкой орудие и весь расчет, так и прижился в Карасевской роте, сменив оптику сорокопята на прицельную планку станкового «максима».

- А что, и доживу. Кишка у их вонючего Гитлера тонка меня на тот свет спровадить – вскинулся сержант - Я так думаю, фрицы, они уже совсем выдохлись. Сколько уже в Сталинграде топчутся, а дальше никак. И на Кавказе их остановили, Новороссийск то держится. А летом как перли. Так что помани мое слово, еще немного и погоним мы их, до самого Берлина гнать будем. Ну, с тобой Зыряныч и так все ясно. Ты - то оттуда, сразу в свой Севастополь и опять: «по морям, по волнам». А я вот учиться пойду, на геолога.

- Тоже, однако, учиться пойду – оторвавшись от «облизывания» любимой игрушки, широко улыбнулся Васильев – учителем, однако, буду. Детишек учить надо.

- Хорошее дело – кивнул Матафонов, и совсем не в тему мечтательно протянул – эх, пожрать бы сейчас. Жалко Кирилюка на тот берег вчера увезли, уж он бы точно достал.

- Не трави душу – погладив себя по тощему животу, уныло пробасил Зырянов – и без тебя тошно. Брюхо уже к позвоночнику присохло.

- Мужики, ротный здесь? - в комнату сунулся невысокий огненно-рыжий парень в серой, издававшей виды шинели.

- Пригнись дурик – рявкнули сразу несколько голосов.

Боец испуганно присел, придерживая рукой сваливающуюся с головы шапку. Вовремя, засевший в доме напротив немецкий пулеметчик заметил шевеление. Снова загрохотала очередь, над головами засвистели пули, кроша и дырявя и без того изуродованные стены.

- Здесь я. Чего надо – недовольно откликнулся Карасев
- Тащ лейтенант, вас комбат зовет. Срочно. Там начальство какое-то приехало, ругается шибко.
- Иду я, иду – Андрей нахлобучил каску поверх ушанки, застегнул ремешок под подбородком, взял автомат, на четвереньках в позе гордого льва прополз под окном. Выбравшись из комнаты, окинул взглядом своих бойцов – младший сержант Матафонов за старшего, и сбросьте уже, наконец, этого фрица к остальным.

Следом за вестовым, перескакивая через разбитые ступени лестничных маршей, спустился на первый этаж.

- Здесь осторожней товарищ младший лейтенант – предупредил боец – снайпер работает. В полный рост нельзя. Я его отвлеку, а вы сразу в траншею сигайте.

Парень взял, очевидно, заранее заготовленную палку, нацепил на нее пробитый пулей ШС и осторожно приподнял нехитрую приманку над подоконником. Выстрела Андрей не услышал, но пуля взбила фонтанчик пыли чуть левее, там, где по прикидкам стрелка должен был находиться красноармеец.

Улучшив момент Карасев «рыбкой» нырнул в окно и очутился в глубоком ходе сообщения. Отполз чуть подальше, освобождая место для проводника. Рыжий, не заставил себя долго ждать, прыгнул следом.

- Не боишься? Смотри, доиграешься.
- А я не в первый раз его обманываю – улыбнулся вестовой – он все время левее стреляет, а я левша.
- Вот запомнит он тебя и подловит.

В ответ на мрачные прогнозы паренек лишь беззаботно пожал плечами и пригибаясь двинулся вперед по траншее, Карасев последовал за ним к стоящему в

глубине двора скелету пятиэтажки, в подвале которой и располагался батальонный КП.

Обстановка в штабе батальона была накалена до предела. Весь и без того немногочисленный штабной люд куда-то попрятался, оставив комбата отдуваться в гордом одиночестве. Хотя нет, в углу стараясь особо не отсвечивать, вытянувшись в струнку, застыл комполка. Неведомое начальство, оказавшееся невысоким, круглым, как колобок типом в кожаном реглане на овчине и с меховым воротником и шапке с кожаным верхом, металось по тесному, слабо освещенному сооруженной из снарядной гильзы коптилкой помещению, вокруг застывшего навтыжку Журавлева.

- Может, объяснишь мне, капитан? - потрясая кулаками и брызгая слюной орал благим матом толстяк – почему ты оставил противнику важный опорный пункт? Ключ к обороне на всем участке. Кто разрешил отступить? Как это прикажешь понимать, а? Да я тебя под трибунал...

Комбат, старательно изображая из себя неподвижную и бессловесную статую, только молча играл желваками, сверху вниз поглядывая на вконец взбешенного «кожаного», да время от времени косился на командира полка.

До Карасева, наконец, стало доходить о чем собственно идет речь. Полуразрушенная трехэтажка, не то с магазином, не то с каким-то ателье на первом этаже, цоколем выходила на площадь, образуя некоторое подобие бастиона, прекрасно прикрывающего все подходы к этой самой площади.

Здание немцы захватили еще позавчера, и никакой вины Журавлева и его подчиненных в этом не было. Оборону там держали бойцы другого батальона. Небольшой гарнизон дрался до последнего, никто из защитников живым оттуда не вышел. Самое интересное, что комполка прекрасно все это знает. Знает, но молчит, зараза. Очевидно, решил, что встречать, себе дороже. Видно как на его худой,

осунувшейся физиономии выступили бисеринки пота, кривятся и подрагивают губы. Боится.

Особая «прелесть» ситуации заключалась в том, что тыльная сторона злополучного дома находилась как раз напротив позиции Карасевской второй роты, и именно оттуда их периодически обстреливал немецкий пулеметчик. От нехорошего предчувствия у Андрея противно заныло «под ложечкой».

Между тем, распекавший комбата начальник соизволил обратить внимание на новое действующее лицо.

- Кто такой?

- Командир второй роты, младший лейтенант Карасев.

- Значит так – смерив хмурым взглядом вытянувшегося по стойке «смирно» Андрея слегка утихомирился толстяк – сегодня, крайний срок завтра, опорный пункт вернуть. Иначе расстреляю к чертовой матери. Ты меня понял, комбат?

Объявив приговор «кожаный» резко развернулся и вышел, оставив подчиненных на пару размышлять над своей нелегкой долей.

Некоторое время Журавлев молча, задумчиво дымил самокруткой, наконец, повернулся к продолжавшему стоять у двери Карасеву.

- В общем, ты все понял, ротный. Да ты присядь.

- Товарищ капитан – Андрей осторожно опустился на сетчатую железную кровать, единственный предмет мебели на батальонном КП – Это, что же, в полный рост на пулеметы? Да у меня в роте двадцать шесть бойцов, включая меня и санинструктора. Мы даже дойти не успеем, все там и останемся. И кому от этого легче будет?

- И что ты предлагаешь младшой? – зло ощерился командир батальона – наплевать на приказ? А потом самим к стенке встать, чтобы расстрельной команде удобней

целиться было? Я тебе даже людей не могу дать, нету у меня людей. Так что товарищ младший лейтенант, как хочешь, хоть в лепешку расшибись, а приказ выполни.

- Разрешите выполнять - поднялся Андрей.

- Иди – не оборачиваясь, бросил Журавлев – да, подожди. Там под кроватью ящик гранат. Все забирай. Это все, что могу.

Обратно «домой» Карасев возвращался в гордом одиночестве и крайне отвратительном настроении, зато с целым ящиком трофейных «колотушек» на плече. Простреливаемый вражеским снайпером участок обогнул по хорошей дуге, через позиции первой роты. Немного задержался на КП командовавшего ею старшего лейтенанта Ибрагимова. Гостеприимный горец встретил приятеля со всем возможным при его нынешнем положении радушием, угостил пустым кипятком и запеченной в углях сладкой, подмороженной картофелиной. Сочувственно поцокав языком выслушал жалобы на злодейку - судьбу, и бестолковость начальства, но ничего путного присоветовать не смог. Пообещал огневую поддержку всеми оставшимися стволами в случае необходимости и все. В очередной раз Карасеву приходилось рассчитывать только на собственные силы.

В общем, в родное расположение он вернулся злой как черт и уставший как собака.

В крохотную, не простреливаемую прихожую одной из квартир второго этажа собрались, командиры взводов, из которых едва ли можно было теперь набрать полноценные отделения, старшие пулеметных расчетов и снайпер.

Карасев окинул взглядом небритые, перепачканные грязью и копотью физиономии товарищей. Шестеро, те - кто пережил бой на высоте за Доном, уцелел огненном аду Сталинграда. Из взвода бойцов 10-й дивизии НКВД в июле месяце прибывшего для охраны переправы в Большенабатовке, помимо него самого в

строю осталось двое: получивший звание младшего сержанта Матафонов и назначенный штатным снайпером - Васильев.

Сама Сталинградская дивизия НКВД, оказавшаяся единственной организованной силой, в конце лета 42-го года вставшей на пути рвущихся к Волге фашистов практически перестала существовать. Ее полки, погибая, выполнили свой долг, страшной ценой, затормозив стремительное движение 6-й армии и дав советскому командованию возможность сосредоточить силы необходимые для обороны города. Остатки ее бойцов и командиров растворились среди защищающих город стрелковых частей. Вот так и Андрей с горсткой его товарищей уцелевших в июле на перепаханном свинцом и сталью клочке Донской степи влились в отступающий батальон старшего лейтенанта Журавлева. Временно. Но, как гласит солдатская мудрость: «человек предполагает, а командир располагает». Нет у нас ничего более постоянного, чем временное.

Водоворот событий, закрутивший сержанта Карасева в июле 42-го, так и нес, не давая остановиться. А потом, помотал, пожевал, да и выплюнул его на Сталинградские улицы уже младшим лейтенантом. Как ни странно, несмотря на творящуюся вокруг катавасию командование не забыло заслуг Журавлева и его бойцов. Сам комбат получил капитана, Ибрагимов – старшего лейтенанта, ну а Андрею, по кубарю в каждую петлицу, вместо треугольников. Не дело, мол, сержантам ротами командовать.

Пришло представление и на командира третьей роты Петренко, вот только не дождался он повышения, сложил голову в одном из боев на подступах к Волге. Батальон же вошел в состав 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот так неожиданно-негаданно и в гвардию попали.

С тех пор в роте личный состав менялся быстрее, чем командир успевал с ним познакомиться. Вроде прислали пополнение, смотришь, на следующий день из десятков, единицы остаются. Три дня назад прислали шестьдесят человек, два

полнокровных взвода, с командирами. Младшие лейтенанты, молодые пацаны, только после училища, друг на друга похожие как близнецы братья. А теперь, нет тех лейтенантов, и бойцов из того пополнения едва ли трое выжило. Так, что по здешним меркам двадцать шесть человек в роте, это совсем неплохо. У соседей в 118-м полку, 37-й гвардейской стрелковой дивизии, за один только день 11 ноября и вовсе из двухсот штыков, в строю шестеро осталось.

- Вот так-то, братцы, хочешь, не хочешь, приказ выполнять надо – подытожил Карасев, закончив с доведением новой вводной до личного состава.

Некоторое время, бойцы лишь молча переглядывались. Наступившую тишину нарушил худощавый, седоусый Вешин – командир второго взвода.

- Вот оно значит, как смертушку принимать будем.

- Погоди Василич помирать – перебил товарища Матафонов – командир, чего делать то будем?

- Приказ выполнять – коротко бросил Андрей, и досадуя на излишнюю резкость, пояснил – а вот как выполнять, над этим думать будем. Много думать. Геройски погибнуть дело не хитрое. Он невесело усмехнулся: «Тихо. Чапай, думать будет». Легко сказать, а вот как на самом деле выкрутится из создавшейся ситуации. И приказ выполнить, и бойцов не положить. Некоторое время занятый своими мыслями невидяще смотрел на лохматящуюся остатками обоев стену перед собой. Взгляд рассеяно скользнул по ящику с гранатами под ногами, немецкую каску в углу. Скользнул, зацепился. А что, это идея. Рискованно, конечно, но все-таки, это шанс.

- Дима.

- Да командир – встрепенулся, задремавший было сержант.

- Там, на первом этаже фрицы дохлые валяются. Подбери четыре - пять комплектов оружия, снаряги, балахоны и каски. Только поцелее и чтобы крови поменьше. Еще нужны: пять - шесть человек бойцов посмышленней и поопытней.

- Понял.

- Действуй. Пулеметчикам и снайперу засечь огневые точки на верхних этажах и быть готовыми по команде их подавить. В общем, действуйте а, я к соседям, надо кое-что согласовать.

Глава 22

Затянутое серой непроглядной хмарью небо чуть посветлело. Подавив зевок Андрей, чиркнул колесиком зажигалки, прищурившись, посмотрел на часы. Рановато еще, минут двадцать подремать можно.

«Агрегат», сооруженный неведомым умельцем из винтовочной гильзы еще месяц назад выцыганил у старшины в соседнем батальоне в обмен на причитающееся ему табачное довольствие, а часы хорошие, швейцарские, это фрицы «подогнали». Оберлейтенанту, возглавлявшему очередную их попытку выбить Карасевскую роту с занимаемой позиции, они вряд ли больше понадобятся. Валяется где-то на первом этаже вместе с дюжиной своих подчиненных. А ведь в тот – крайний раз у немцев почти получилось. В дом ворвались, до рукопашной дело дошло. Но ничего, выдержали.

Тусклый, пляшущий огонек вновь слабо осветил циферблат. Черт, бензин заканчивается, надо думать, где доставать.

Вооружившись биноклем, «подарком» все того же «щедрого» оберга, Андрей подполз к окну. В занятом немцами доме царит полнейшая тишина. Только в

крайнем справа окне третьего этажа на секунду мелькнул и исчез огонек сигареты. Часовой видимо. Вообще-то Васильев со своей неразлучной «трубкой» давно отучили фрицев от подобной неосмотрительности, но этот видимо новенький, а может просто забылся, страх потерял.

Вдалеке приглушенно простучала пулеметная очередь, грохнуло несколько взрывов и снова все затихло, только над вражескими позициями взмыла в небо осветительная ракета, немного повисев, словно неохотно сползла вниз.

- Пора бы уже – Карасев озабоченно бросил взгляд на часы.

Словно услышав его, совсем рядом хлестнула трехлинейка, басовито заговорил «максим».

- Ага, зашевелились, давайте голуби, давайте, занимайте места согласно купленным билетам – довольно пробормотал Андрей, разглядывая в бинокль суetyающиеся в окнах напротив силуэты гитлеровцев – так, зрители собрались, пора начинать представление. А вот и третий звонок.

Звонко хлопнул гранатный разрыв. Под звуки разгорающейся перестрелки из-за угла соседнего дома, от позиций Ибрагимовской роты метнулось несколько сгорбленных человеческих фигур. Четверо в немецких касках и маскировочных балахонах волокли под руки пятого, одетого в ватник и ушанку.

- Начали! – Карасев дал длинную очередь в окно высоко над головами бегущих.

В грохоте поднятой бойцами пальбы, утонул треск одиночного винтовочного выстрела. Занявший свою место немецкий пулеметчик как-то странно дернулся и уронил голову на приклад своего МГ. Прежде, чем второй номер успел что-либо сообразить, вторая пуля ударила и его, точно над переносицей.

Елифан Васильев еще раз внимательно обозрел в оптический прицел дело рук своих, и удовлетворенно кивнув, подхватил винтовку, меняя позицию, перебежал к

другому окну, немного повозился, устраиваясь поудобнее и принялся выискивать новую цель.

Между тем, «спектакль» продолжался. Между штурмовой группой, действующей под видом тянущих «языка» разведчиков, и захваченным гитлеровцами зданием, осталось метров десять - пятнадцать. Бойцы как по команде стремительно рассыпались по намеченным заранее для каждого из них укрытиям, в проломы и окна первого этажа полетели гранаты. Одновременно с этим снайпер и расчеты станкового и ручного пулеметов открыли огонь по окнам второго и третьего этажей, стремясь подавить намеченные ранее огневые точки. Медлить дальше нельзя, еще не успела улечься пыль от гранатных разрывов, как пятерка «артистов» уже скрылась внутри захваченной немцами трехэтажки.

- За мной! – сился перекричать грохот боя, заорал Карасев, и, выскочив из окна на припорошенную снегом кучу битого кирпича, спотыкаясь и поскальзываясь на «гуляющих» под ногами обломках рванул вперед. Спиной он чувствовал хриплое дыхание и тяжелый топот бегущих следом бойцов. Они бежали, молча, без выстрелов и криков стараясь как можно быстрее преодолеть отделяющие их от врага расстояние. По ним стреляли. Огонь гитлеровцев, ошеломленных коварством противника, поначалу бывший каким-то суматошным и бестолковым, несмотря на все усилия пулеметчиков и Васильева становился все более дружным и организованным. Краем глаза увидел, как один из бойцов упал, убит, ранен или просто споткнулся, кто знает, главное добежать, вывести остальных из-под огня, ворваться внутрь, довести дело до рукопашной, а уж там посмотрим кто кого. Похоже, фрицы начали приходить в себя. Но окончательно опомнится им так и не дали. Еще один рывок и вот он – черный зев пролома. Перепрыгнул через лежащий поперек него труп, отскочил в сторону. Вовремя над ухом, что-то пронзительно свистнуло. Короткая очередь в ответ и судорожно задержавшееся под ударами пуль тело в чужой, серо-зеленой шинели медленно сползает по стене. Под ноги покатился хрипящий клубок. Человек в белом балахоне, сидящий верхом на чем-то

живом и брыкающемся, методично поднимает и опускает руки, с зажатой в них стальной, немецкой каской. Судя по отборному мату, вперемешку со свирепым рычанием, и куску черной ткани на правом рукаве, кто-то из своих, «штурмовиков».

Живых фашистов на первом этаже осталось немного, но они отчаянно сопротивлялись. Один из ворвавшихся было следом бойцов, в пылу атаки оттолкнув командира, сунулся в комнату. Внезапно, голова его взорвалась темным фонтаном, горячие, липкие брызги полетели Карасеву в лицо. Падение вперед, еще одна очередь снизу вверх. Тяжелая туша с грохотом падает рядом. Немец еще жив, согнувшись, сжимая руками простреленный живот, он жалобно кричит на одной высокой ноте. Серая тень бросилась справа. Холодно блеснула сталь. Уходя от направленного ему прямо в грудь штыка, Андрей едва успел откатиться в сторону прямо на судорожно вздрагивающее под ним тело умирающего. Что есть силы, ударив каблуком в коленную чашечку, он сбил нападающего на пол. Извернувшись, навалился сверху, надавил на горло врага горячим стволом автомата. Противник хрипел, вырывался, жизнь неохотно покидала тело молодого, здорового мужика. В какой-то момент он вдруг, безвольно обмяк и затих, уставившись на Карасева остановившимся, безжизненным взглядом широко открытых глаз.

Выстрелы, крики, грохот гранатных разрывов слились в один сплошной гул. Адреналин бушует в крови, заставляя подскочить и бежать дальше. Не выдержав натиска уцелевшие гитлеровцы, отстреливаясь, пытаются отступить по лестнице вверх, но один за другим ложатся скошенные дружным огнем прячущихся за развалинами стен красноармейцев. Образовавшаяся на узкой площадке груда мертвецов, не дает бойцам сходу преодолеть лестничный пролет, а летящие со второго этажа гранаты вынуждают их отступить и вновь искать укрытия. Терять темп нельзя, зажатая между засевшими на верхних этажах здания фашистами и

наверняка уже спешащим к ним подкреплением, рота, будет уничтожена. Надо решаться.

Андрей дождался, когда рванет последняя граната, и осколки со свистом покрошат кирпичную кладку над головой, толкнул локтем пристроившегося рядом Вешина, кивком головы указал наверх. Взводный понятиливо кивнул, перекрестился, метнулся к лестнице, дал короткую очередь. Под прикрытием его огня Карасев кинулся вперед. Каким-то чудом, в три прыжка очутился на верхних ступенях. Уже почти на площадке между первым и вторым этажом, зацепился ногой за мертвеца, и неуклюже завалился вбок. Падение, в очередной раз спасло ему жизнь. Пули просвистели совсем рядом, одна бешено рванула рукав ватника, обожгла левое предплечье. Из такого неудобного положения он выстрелил в ответ. Ноги стрелявшего в него автоматчика брызнули красным и неловко подломились, отчего тот с грохотом и криком покатился по ступеням вниз. Его перекошенное гримасой боли лицо с открытым в крике ртом оказалось всего в каких-то двух-трех метрах перед глазами Карасева, и тот ни секунды не сомневаясь, нажал спусковой крючок, добивая поверженного врага, а потом перенес огонь на площадку второго этажа, заставляя теперь уже находящихся там немцев искать укрытие. Под прикрытием его огня, Вешин в свою очередь бросился вперед. На середине лестничного пролета, он вдруг дернулся, остановился и рухнул лицом вниз. Однако, следом, перескочив неподвижное тело товарища, паля короткими очередями от живота из трофейного МП, уже мчался Матафонов, за ним, стреляя, спотыкаясь, матерясь, неслись другие бойцы. Штурмующие рассыпались по комнатам, превращая бой в локальные рукопашные схватки. В ход пошли гранаты, приклады, ножи, саперные лопатки, каски, кулаки, даже зубы. Ни для атакующих красноармейцев, ни для обороняющихся гитлеровцев, пути назад уже не было. Противники дрались уже не за эту злополучную развалину, а для того, чтобы выжить, а выжить можно было только одним путем, уничтожив врага.

Ворвавшись в длинный, полутемный коридор бывшей коммуналки Андрей прижался спиной к стене и притих, напряженно прислушиваясь и приглядываясь. Укрывшегося за углом на кухне фашиста выдало лишь легкое облачко пара. Нырнув в ближайший дверной проем, Карасев оказался в просторной комнате. От ее прежних хозяев не осталось даже следа. Холодный ветер с Волги врывается через серый квадрат пустого оконного проема, кружил вихрь снежной крошки на загаженном грудями мусора и экскрементами, разбитом полу. Все, что могло гореть и давать тепло или создавать хотя бы его иллюзорную видимость: бумага, мебель, обои, половицы, местами даже выковыранные из-под штукатурки тонкие рейки дранки, все было использовано в качестве топлива для солдатских костров. Остались лишь голые, обшарпанные, разбитые пулями и осколками стены. Окинув взглядом царящий в помещении разгром, Карасев перевел дух и парой глубоких вдохов-выдохов, успокоил колотящийся после бешеного рывка по простреливаемой лестнице, готовый вырваться из груди «мотор», снова прислушался. Тишина. Фриц на кухне «прикинулся ветошью», и не подает признаков жизни. Затаился гад, а может и кончился, кто его знает? Проверять, в очередной раз подставляясь под пулю, совсем не хочется. Вся проблема очень просто бы разрешилась, останься хотя бы одна граната. Однако нет ее, гранаты, все что было, отдали первой штурмовой пятерке.

Возвращая к действительности, совсем рядом, за противоположной стеной скупо грохнула короткая очередь, раздался шум борьбы, сдавленное, неразборчивое хрипение. Штурм еще не закончен. Бойцы продолжают драться, а их командир спрятался, забился как мышь в нору и не знает, как справиться с одним-единственным противником.

- Ахтунг, гранатен! – завопил Андрей. Ухватив с пола кусок кирпича, швырнул его в проем кухонной двери, и метнулся следом.

Гитлеровец, оказавшийся стреляным воробьем, на примитивную уловку не повелся. Выбитый из рук сильным ударом ППШа полетел в угол, следом покатился

Карасев. Откатился и замер буквально на доли секунды, ожидая выстрела, удара, обжигающей боли. Ничего не последовало, и вскочив на ноги он едва успел перехватить руку врага с занесенным для удара прикладом. Короткая возня и вот уже карабин немца брякнулся об кучу битого кирпича под ногами, и два непримиримых врага, словно боксеры на ринге, сошлись «на кулачки».

Здесь при приблизительно равной весовой категории противников преимущество в технике явно было у Карасева, Вот только левый рукав гимнастерки ощутимо намок от крови. Хотя, рука достаточно сносно слушается своего хозяина. Болит, конечно. Нет, скорее даже не болит, а печет, но, впрочем, вполне терпимо. Могло быть и хуже.

Андрей, поднырнув под руку, легко ушел от размашистого правого крюка и коротко «зарядил» снизу в челюсть. Фриц удивленно хрюкнул, закатил глаза и рухнул на пол.

Где-то совсем недалеко один за другим хлопнули два одиночных выстрела, раздался чей-то вопль и бой утих окончательно. Быстро скрутив находящемуся в глубоком нокауте пленнику руки и ноги, его собственными ремнями, Карасев выглянул на лестничную клетку. Похоже, схватка закончилась полной победой красноармейцев. В воздухе висел густой смрад сгоревшего пороха, крови, человеческих испражнений. Громко перекликаясь, бродили по комнатам, приходящие в себя после яростной рукопашной, уцелевшие бойцы. Кричали и стонали раненые. За спиной раздался ядренейший мат вперемешку с замысловатыми морскими ругательствами. По лестнице то и дело спотыкаясь о неподвижные тела покойников, подбадривая крепким словом увешанного патронными коробками напарника, поднимался Зырянов, волоча тяжелую тушу «максима». Добравшись, наконец, до площадки второго этажа, он выпрямился во весь свой богатырский рост, рукавом утер пот с покрасневшейся физиономии, доложил: «тащ, младший лейтенант, пулеметчики прибыли, потерь среди личного состава не имеется».

Андрей подвел наводчика к оконному проему, осторожно выглянул на улицу - вон видишь, справа, Пролетарская. Эта твоя, плотно перекроешь, чтобы ни одна сволочь головы поднять не могла. Левую, перекроет расчет «дегтяря».

- Не дрейфь командир - Зырянов, понятиливо кивнул. Слегка прищурившись, внимательно обзрел «фронт работы» - сделаем в лучшем виде.

- Действуй моряк, на твоих орлов вся надежда – коротко распорядился Карасев и оставив пулеметчиков направился на поиски своего заместителя.

Искать долго не пришлось. Местонахождение неунывающего сержанта выдало жизнерадостное «ржание» собравшихся вокруг него бойцов. Впрочем, на сей раз товарищей развлекал вовсе не Матафонов. Объектом шуточек и подколов стал красноармеец Гришин, молодой боец, прибывший три дня назад с последним пополнением, сидящий в углу с глубоко несчастным видом.

- Что здесь происходит?

Бойцы обернулись на громкий начальственный окрик и вытянулись по стойке смирно, продолжая потихоньку «киснуть» от смеха.

- Красноармеец Гришин, доложите, что произошло?

Боец посмотрел на Андрея глазами побитой собаки, страдальчески поморщился, но вместо вразумительного ответа изо рта его полезла играющая радужными пузырями пена.

Это было уже слишком. От гомерического хохота, словно от разрыва снаряда казалось, вот-вот осыплются остатки штукатурки.

- Пристрелить бы надо – деловито заметил Матафонов, который единственный из присутствующих, несмотря на весь комизм ситуации, сумел сохранить совершенно невозмутимое выражение физиономии.

- Кого пристрелить? – испуганно покосился на взводного Гришин.

- Тебя. Кого же еще? Тебя же бешеный фриц цапнул. А прививок от бешенства у нашего санинструктора нет. Вдруг еще покусает кого. Так, что лучше уж сразу, чтобы долго не мучился – под неумолкающий смех товарищей невозмутимо пояснил сержант.

- Отставить цирк – отсмеявшись, распорядился Карасев - Сержант ко мне, остальным приготовится к отражению контратаки. Да и дайте ему воды кто-нибудь.

- На держи, лапоть рязанский – один из бойцов бросил пострадавшему флягу – сам виноват, нечего было мыло фрицевское втихаря жрать.

- Да кто ж знал – то – пуская пузыри, оправдывался Гришин – оно в бумажку блестящую красиво завернуто, и пахнет вкусно. Вот я и подумал... .

- Дима, определись, с потерями, организуй сбор оружия и боеприпасов. Думаю, сейчас они опомнятся и полезут – отведя взводного в сторону, негромко распорядился Карасев – да, кстати, совсем забыл. Там, на кухне фриц связанный валяется.

- Понял, командир – нахмурился сразу посерьезневший Матафонов.

- Раз понял, действуй.

Глава 23

Разобравшись с делами текущими Андрей вновь вернулся к окну и достав бинокль принялся изучать окрестные развалины и площадь между ними.

Видимой активности немцы пока не проявляли, очевидно, до конца еще не разобрались в произошедшем. Ну да разбираться будут недолго. Ждать гостей

следовало в ближайшее время. Стоит воспользоваться затишьем и заняться собственной персоной.

Усевшись на пол, Карасев стянул с плеча ватник, извлек из нагрудного кармана ИПП, и зубами разорвав обертку, принялся прямо поверх гимнастерки заматывать раненую руку. В принципе, судя по тому, что рука работает, рана пустяковая, скорее всего царапина, Кровь остановить, да и ладно. У санинструктора и так работы сейчас, более чем достаточно.

- Товарищ младший лейтенант – в дверной проем сунулся один из бойцов – там, в подвале, телефон звонит.

- Что за телефон?

- Немецкий. Аж разрывается.

- Пойдем. Посмотрим – Андрей поднялся на ноги, натянул ватник, и подхватив автомат и бинокль, двинулся следом за указывающим дорогу красноармейцем.

В тускло освещенном «летучей мышью» подвале действительно, надрываясь, трезвонил установленный на патронных ящиках телефонный аппарат в коричневой бакелитовой коробке, с откидной крышкой.

- Долго звонит? – поинтересовался Карасев у своего сопровождающего.

- А кто его знает – пожал плечами боец – мы его по этому трезвону и нашли.

Андрей опасливо, словно ядовитую змею снял трубку, поднес к уху. Несколько секунд слушал, пытаясь разобрать что-либо в сплошном потоке задаваемых на немецком языке вопросов, каких-то указаний и команд. Так ничего и не разобрав, просто выдернул телефонный шнур из клемм. Все выбор сделан. Теперь уж точно полезут.

- Значит так – обернулся он к невозмутимо взирающему на всю эту немую сцену подчиненному – дуй в штаб, доложишь комбату, его приказание выполнено,

опорный пункт противника взят. Только иди через расположение первой роты. Понял?

- Понял.

- Ну, тогда вперед.

Красноармеец убежал исполнять приказание а ротный оставшись в гордом одиночестве принялся внимательно изучать обстановку в подвале бывшем судя по всему командным пунктом немцев.

Обстановочка конечно спартанская, но все поуютней, чем на старом месте. Небольшая железная кровать у стены, никелированная, с шишечками. Поверх сетки брошено серое, шерстяное одеяло. Настеленная поверх все тех же патронных ящиков некогда полированная, а ныне изрядно ободранная и исцарапанная ножом столешница. Судя по всему, когда-то она была дверцей платяного шкафа. На столе пара пустых консервных банок, закопченный чайник, стакан и белая фаянсовая чашка с какой-то черной массой на дне, судя по запаху – кофе. У стола, пара табуретов. В противоположном углу небольшая походная печурка возле которой изрядная горка дров, обломков мебели, кусков досок и фанеры. Рядом с кроватью черный ящик с трубой воронкой и кривой рукояткой сбоку. Ого, да это же патефон, или граммофон, черт его знает, чем они отличаются, и даже пластинка имеется. Взял в руки черный диск поднес к тусклому огоньку керосинки. Бумажка в центре полуободрана, можно разобрать только «... манс», и ниже «Ночь свет...». Андрей хмыкнул, с комфортом устроились, сволочи, романсы слушают. Аккуратно положил пластинку обратно, еще раз окинул помещение взглядом, в общем, остался доволен. Для штаба вполне подойдет.

- Товарищ младший лейтенант – в подвал, сунулся Матафонов. Зацепился каской, негромко матюкнулся и доложил – ваше приказание выполнено.

- Что там с потерями? – обернулся к нему Карасев.

- Нехорошо командир – покачал головой взводный – четверо убитых. Еще трое тяжелых. Санинструктор смотрел, говорит надо в медсанбат, а то не выживут. Еще Климушкин, у него обе ноги осколками посекло, перевязать, перевязали, жить будет, а вот двигаться сам не может. У Иванчикова рука, вроде кость задета, Тоже эвакуировать надо.

- Понятно – Андрей страдальчески покривился. Как хотелось избежать этих потерь. Конечно, можно утешать себя рассуждениями, что могло быть и хуже, могли и все полечь в лобовой атаке, что войны без жертв не бывает, не они первые, не они последние. Все вроде правильно. Вот только лица погибших ребят как живые перед глазами стоят, и ничего с этим не поделаешь. Мертвым уже ничем не поможешь, а вот как с ранеными быть, это как минимум четыре человека выделить надо для их эвакуации, а у него в строю, всего семнадцать активных штыков, точнее шестнадцать, одного только, что сам к комбату с донесением отправил.

- Ладно – наконец после недолгих раздумий он принял решение – выделишь одного из бойцов в помощь санинструктору, пусть потихоньку ребят вытаскивают. Что с трофеями?

- Два пулемета взяли. Их МГ и наш ДП. Есть еще правда ДС, но он неисправен, Чего-то там со ствольной коробкой у него. Заклинило намертво. Карабинов, наших и фрицевских почти полсотни. Десятка полтора автоматов. Патронов хватает. С гранатами туговато, свои все истратили, трофейных, с десятков наберем. С харчами тоже неважно, не тот нынче фриц пошел, бедновато живут. Но кое, что раздобыли. Вот кстати ребята передали – сержант протянул немецкий ранец – там концентраты, консервов немного.

- И самое главное, вот – он полез за пазуху, вытянул оттуда пакет – в сумке у офицера нашли. Тут карта и документы какие-то. Еще языков, двоих взяли. Один вроде ничего почти целенький, так немного ребята ему бока намяли, а второй,

который на кухне был, как будто контуженый, башкой трясет, бормочет чего-то. Чем ты его командир? Прикладом, что ли? Похоже, кукушку стряхнул фрицу.

- Да нет, кулаком бил.

- Силен – уважительно протянул Матафонов.

- Тащ лейтенант – громко бряцая оружием, в подвал бегом спустился запыхавшийся Гришин – немцы!

Бросив ранец с продуктами и бумаги на стол, вслед за своим взводным Карасев метнулся вверх.

Три грязно-серые фигурки вражеских солдат, осторожно пригибаясь, ныряя в воронки и прячась за грудami мусора и остовами разбитой техники, перебежками двигались по Пролетарской. Хмурый Зырянов, припав к прицелу своего станкача, буквально вцепился в приближающихся врагов острым, цепким взглядом.

- Что у вас? – добежав до пулеметчиков, Андрей плюхнулся рядом.

- Разведка, вон из того дома вылезли – не оборачиваясь, пояснил наводчик – давим их?

- Давай, все равно узнают. Только подпусти ближе, чтобы наверняка.

Боец кивнул и снова напряженно согнулся за пулеметом. Длинная очередь «максима» знакомо-трескуче разорвала тягучую, гнетущую тишину. В ноздри резко ударил запах жженого пороха.

- Сука – коротко ругнулся Зырянов, и обернувшись виновато пояснил – ушел один. За грузовик сиганул, не достать.

За разбитым остовом сожженного опелевского грузовика действительно почудилось какое-то шевеление.

- Ну и хрен с ним. Замерзнет, выползет. Нам сейчас и без него работы хватит – не оборачиваясь, и не прекращая наблюдения за напряженно притихшей улицей, Карасев негромко, зная, что приказ будет передан по цепочке, бросил – рота приготовиться к отражению контратаки. Без команды не стрелять.

И вновь потянулись томительные минуты ожидания. Наконец затянувшееся затишье разорвала трескотня выстрелов, свист ударяющихся в кирпичную кладку пуль. Началось. Фашисты полезли дружно и сразу с двух сторон. Не меньше полусотни их солдат под прикрытием пулеметного огня высыпали из своих укрытий и бросились на штурм.

Андрей поудобней, устроился у не широкой амбразуры, образовавшейся, по-видимому, в результате попадания в стену противотанковой болванки, прикладом выбил мешающий кусок кирпича и стал выжидать. Бегать за каждым бойцом, допекая командирскими ЦУ, посчитал занятием бестолковым. Мужики опытные, жизнью битые, сами знают чего и кому делать. Даже те из последнего пополнения, кто выжил, конечно, волей-неволей за эти дни уже нахватались достаточно боевого опыта.

Он поймал на мушку перебегающего гитлеровца, глубоко вдохнул, выдохнул и плавно нажал спусковой крючок. «Папаша» коротко взрыкнул и привычно – дружески толкнул в плечо. Немец кувыркнулся, да так и остался лежать, сложившись ничком на краю оставленной крупнокалиберным снарядом воронки. Выстрел ротного послужил сигналом для остальных и на противника обрушился целый шквал огня, заставив атакующих залечь и искать укрытие. Тщетно какой – то тип в перетянутой ремнями шинели и офицерской фуражке перемотанной теплым шарфом, размахивая автоматом, пытался поднять солдат в атаку. Бесполезно. Пулеметы плотно прижали их к застывшей, холодной земле не давая даже поднять головы. Своими манипуляциями немецкий офицер добился лишь повышенного внимания к своей собственной персоне. Не слышный в пулеметной и автоматной трескотне выстрел из снайперской винтовки прервал его мучения,

заодно похоронив надежды немцев на успешное продолжение штурма. Вскоре такая же участь постигла еще одного шустрика – унтера, который попытался принять командование на себя. Лишившаяся руководства пехота поспешила, огрызаясь редким огнем, отступить под защиту развалин.

- Уф, вроде отбились – Зырянов оторвался от пулемета, сняв каску, утер физиономию рукавом бушлата – чудеса, который раз за собой замечаю, холодища вон какая, а как бой так я мокрый хоть выжимай.

- Бывает – хмыкнул Андрей – ладно, оставь наблюдателей, остальным отдыхать. Думаю, часок другой у нас есть, пока фрицы не очухаются, и свежие силы не подтянут. Главное чтобы артиллерией долбить не начали.

- Да не – с сомнением покачал головой пулеметчик – побоятся своих зацепить. Разве что минометами попробуют.

Карасев ничего не ответил, согласно кивнул головой и направился в соседний подъезд, к Матафонову. Благо проломы в стенах вполне позволяли перебраться из одного подъезда в другой, не выходя из здания. Здесь, у взводного дела тоже обстояли неплохо. Противник отступил и на этом направлении, оставив на улице только убитыми почти два десятка своих солдат. Оценив обстановку как вполне удовлетворительную, Андрей оставил сержанта за главного, а сам спустился в подвал, на свой новый КП. Там он наконец добрался до кровати и позволил себе отключиться секунд на двести-триста. Разбудил его к счастью не минометный обстрел, а появление на ротном командном пункте Журавлева.

- Ладно, не подпрыгивай – взмахом руки успокоив подскочившего с кровати ротного комбат, ловко подцепив ногой, подвинул к себе табурет, уселся у стола, принялся с интересом оглядываться, давая подчиненному возможность привести себя в порядок.

- Товарищ младший лейтенант – заскочивший в подвал следом за командиром связист, деловито разматывая нитку полевика, кивнул на трофейный телефонный аппарат – разрешите я свой ставить не буду, а провод вам прям к этому подключу?

- Валяй – милостиво кивнул Карасев.

- Неплохо устроился младшой - закончив оглядываться, подытожил Журавлев – с комфортом. Ну, докладывай чего у тебя.

- Товарищ капитан – наконец справившись с верхним крючком гимнастерки, вытянулся Андрей – опорный пункт взят. Отражена контратака противника. Уничтожено до полусотни фашистов, двое взяты в плен. С их офицера сняли карту и документы, вот. Мои потери четверо убитых, пятеро раненых.

- Колдун ты, наверное – усмехнулся батальонный и прервав начавшего было оправдываться ротного махнул рукой – Знаю, знаю, мне Ибрагимов уже все уши про твою задумку прожужжал. И боец твой докладывал. Такую авантюру провернул под носом у фрицев, и ведь получилось! В общем, пиши представления на отличившихся, и сам дырку под орден крути. В штаб полка звонил, так замполит наш клятвенно меня заверял, что он не он будет, если тебя и бойцов твоих не наградят. Просьбы, пожелания есть?

- Да нет пожеланий – пожал плечами Карасев – вот только с харчами, совсем плохо, да и людей маловато. Фрицы вот-вот еще одну контратаку начнут, а у меня бойцов кот наплакал. И противотанковых средств тоже нет. Подойдет хоть один танк или БТР, а встретить его нечем. Расстреляют нас как на полигоне.

- И это называется, пожеланий нет? – хмыкнул капитан – будет тебе подкрепление. Комполка обещал выделить из своего резерва, вроде даже бронебойщиков похвалялся дать. Ну а с продовольствием тоже решим проблему. Мирохин!

- Я, тащ капитан – в пролом сунулась уже знакомая рыжая шевелюра комбатовского вестового.

- Где продукты?

- Так я Матафонову отдал уже, оба «сидора».

- Ночью с того берега самоходная баржа прорвалась, доставили боеприпасы, продовольствия немного – поднимаясь пояснил Журавлев – сам понимаешь пока лед по Волге идет, снабжение толком наладить не получается. Да кстати, о подкреплениях, оставляю тебе вон Захарчука для поддержания связи, и Мирохина. Больше ничем помочь сейчас не могу. Ну, бывай младшой.

Комбат ушел, прихватив с собой документы немецкого офицера и обоих пленных, а Андрей некоторое время сидел на краю кровати, задумчиво наблюдая за возившимся возле телефонного аппарата связистом. Затем поднялся, подсел к столу, и достав из планшетки лист бумаги и карандаш, твердой рукой вывел:

«Уважаемая Зинаида Дмитриевна. Ваш муж, гвардии рядовой Вешин Сергей Васильевич, пал смертью храбрых в бою с немецко - фашистскими оккупантами 18 ноября 1942 года».

Больше ничего добавлять не стал, аккуратно свернул треугольник, подписал адрес, убрал в сумку. Достал следующий лист. Сегодня ему надо выстрадать еще два таких письма, а сколько он их уже отправил с тех пор как принял командование ротой? Даже считать не пытался, слишком скорбный счет получается. А ведь про многих и не писал, некому, их семьи остались там, в захваченных врагом городах и селах.

Закончив с канцелярской работой, Карасев поднялся, немного походил, разминая ноги. Подошел к стоящему в углу «патефону-граммофону», покрутил ручку, и из помятой «воронки», пробиваясь сквозь шуршание и потрескивание поцарапанной пластинки, разрушая сумрачную тишину подвала, потекла плавная мелодия старого романса.

На КП спустился Матафонов, негромко брякнув, поставил на печку чайник доверху набитый снегом, подкинул дров «подкормив» пляшущие в топке язычки пламени и присел на табурет рядом с притихшим связистом. Следом за ним, привлеченные непривычными, давно позабытыми звуками в подвал заходили бойцы, получив разрешение, оставались и молча слушали, затаив дыхание, вспоминая каждый свое, оставленное в казавшейся теперь такой далекой мирной жизни. И если закрыть глаза, то можно было представить себя того, прошлого, и даже чуть приглушенный расстоянием и толстыми кирпичными стенами подвала грохот боя, доносившийся откуда-то со стороны Мамаева кургана, казался лишь безобидными раскатами летней грозы. Пластинка сделала последний оборот, и музыка затихла, оставив после себя остро щемящее чувство тоски и какой-то безвозвратной потери.

Сержант поднял на ротного вопросительный взгляд и дождавшись одобрительного кивка, завел аппарат снова. Андрей наконец обратив внимание на отчаянно «семафорящего» у пролома Мирохина, вышел и нос к носу столкнулся с незнакомым, чернявым, коренастым крепышом с сержантскими треугольниками в петлицах потертой и прожженной на рукаве шинели.

- Товарищ младший лейтенант, прибыли в ваше распоряжение – отрапортовал он, вскидывая ладонь к козырьку ШСа.

- Много людей с тобой?

- Со мной шестеро.

- Мда, не густо – недовольно пробурчал Карасев – ну пойдем, покажешь, кого привел.

При их приближении пятеро сидевших отдельной группкой в одной из комнат первого этажа бойцов неторопливо поднявшись, изобразили подобие строя. Андрей окинул взглядом коротенькую шеренгу подошел к левофланговому, молодому пареньку, у ног которого стоял ПТР.

- Бронебойщик?

- Никак нет – бодро отпартовал боец.

- Во как.

- Не было бронебойщиков тащ лейтенант – поспешил с пояснениями сержант – ружье было, а бронебойщиков не было. Вот Сидоренку и назначили.

- Черт знает что творится – ругнулся Карасев - ты хоть раз то с него стрелял?

- Никак нет – снова вытянулся Сидоренко.

- Ладно, идите отдыхайте – махнул рукой раздосадованный ротный - а ты сержант пойдем со мной. Подумаем, как половчей твоих ребят расставить... .

Знакомый свист и сотрясший остатки здания удар оборвал его на полуслове.

- В укрытие! – рывкнул Андрей, подталкивая сержанта к подвалу, а сам метнулся к ближайшему оконному проему уселся, прижавшись спиной к вздрагивающей от близких разрывов стене. Очередная мина упала где-то совсем близко. На голову посыпалась пыль и кирпичная крошка.

Немецкие минометчики старались еще минут пятнадцать, впрочем, без особого успеха. Едва успел стихнуть грохот минометного обстрела, когда, выбравшиеся из укрытий бойцы заняли места у окон и проломов в ожидании новой атаки. И она не заставила себя долго ждать.

Улица вновь утонула в трескотне пулеметных очередей. В ответ заговорили советские пулеметы, заставляя атакующих, прижиматься к земле и искать укрытия. Однако на сей раз, фашисты подготовились к штурму основательней, подтянув бронетехнику. Ревя мотором, на перекресток выскочила приземистая «коробка» истребителя танков. Самоходка развернулась, лязгнув гусеницами, резко остановилась, почти одновременно выплюнув снаряд из кургузого оружейного ствола. Здание содрогнулось от удара, одно из окон второго этажа выбросило сноп огня дыма и пыли и резко захлебнувшись, замолчал бывший оттуда «дегтярь».

Позади и чуть левее «панцерштурма» карабкаясь по грудам обломков и без остановки таякая автоматической пушкой, ползла окрашенная в зимний камуфляж «двойка».

За стеной, в соседней квартире хлопнул выстрел ПТРа. Пуля, чиркнув по толстой скошенной лобовой броне самоходки, рикошетом ушла вверх. Машина стала сдавать назад, пытаясь скрыться за обгорелым остовом пятиэтажки, однако поймав бортом следующий выстрел, задымилась, и встала. На серой броне заплясали язычки пламени.

Увы, больше ни одного выстрела бронебойщики сделать так и не успели. Кусок стены, за которым они укрылись, был просто сметен огнем автоматической пушки, небольшой калибр которой компенсировался высокой скорострельностью.

Покончив с единственным противотанковым средством обороняющихся, «двойка» взревела двигателем и рванула вперед прямо через развалины, обходя неловко раскорячившийся посреди улицы «штутг». Остатки кирпичной кладки рухнули, поддавшись натиску крупновской стали и танк выскочил на середину улицы. Под прикрытием его брони и огня немецкие пехотинцы заметно оживились, и поднявшись, неторопливо потрусили следом.

Из окна первого этажа выбрался Мирохин, сжимая в руке связку гранат, сноровисто пополз к танку. Парня заметил немецкий пулеметчик. Андрей

бессильно сжав кулаки наблюдал как фонтанчики пулеметной очереди ровной строчкой побежали навстречу ползущему бойцу, рваными пятнами перечеркнули серую шинель на спине, заставив тело болезненно вздрогнуть от ударов и безжизненно замереть.

Следом выскочил Гришин. Кубарем скатился по груде обломков, двумя какими-то сумасшедшими скачками добрался до неподвижного тела товарища, упал рядом, на секунду замешкался, выдирая гранаты из судорожно сжатой руки, скатился в ближайшую воронку и встав на колени широко размахнувшись, двумя руками швырнул связку под осторожно подползающий танк. Мощный взрыв подбросил многотонную машину. Вспыхнув, и зачадив густым черным дымом, она замерла, бессильно задрал к небу ствол орудия.

Между тем штурмующим дом гитлеровцам, несмотря на плотный огонь и большие потери, все-таки удалось ворваться на первый этаж и сцепиться с его защитниками в свирепой рукопашной. Следующие десять минут для Карасева слились в сплошной калейдоскоп грохота, криков, перекошенных яростью болью и страхом лиц. Он стрелял в упор, дрался прикладом и во всей этой страшной суеде даже не успел уловить момент когда ситуация вдруг резко переменилась. Просто враги внезапно закончились. Прорвавшаяся внутрь здания группа была уничтожена полностью, а те, что были снаружи отошли, оставив на улице десятки свежих трупов. Как салют победителям мощно рванул боекомплект в горящей самоходке и над полем боя, вновь нависла напряженная тишина.

Воспользовавшись паузой, Андрей обошел позицию, подсчитывая потери и подбадривая выживших. Результаты обхода оказались неутешительными, атака танков и последовавшая за ней рукопашная сделали свое черное дело. От прежнего состава роты в строю оставалась едва ли половина. Погибли бронебойщики. Из пулеметов уцелели лишь трофейный МГ и Зыряновский «максим». Распорядившись об эвакуации раненых Карасев вернулся на свой КП.

- Захарчук, связь с комбатом есть?

- Есть товарищ младший лейтенант – боец покрутил ручку, зачем-то подул в трубку – Тобольск, я Калуга, как слышишь? Дай комбата. Товарищ лейтенант, комбат на проводе.

- Давай – ротный принял из рук связиста трубку.

На том конце провода раздался, усталый голос Журавлева: «чего у тебя младшой?»

- Одну атаку отбили тащ капитан. Уничтожены: танк и самоходка. Потери большие. Думаю, сейчас опять полезут.

- Ясно. Полезут – подтвердил командир батальона - наблюдатели докладывают, на твоём участке фрицы накапливаются для новой атаки. Ну, ты держись. Я связался с полком, они тебя огоньком поддержат. По переднему краю работать не будут, чтобы тебя не зацепить, а ближние тылы причешут.

И на том спасибо, Карасев положил трубку и повесив на шею бинокль отправился наблюдать за работой артиллеристов. Едва он успел пристроиться с биноклем у окна третьего этажа, как над головой завывли, зашипели летящие с левого берега Волги снаряды. Результатов обстрела с его позиции было практически не видно, обзор загораживали скелеты обгоревших зданий. Слышно было лишь, как грохочут, сотрясая землю недалекие разрывы. В одном месте очевидно в результате какого-то особенно удачного попадания вырос столб дыма, да пара «гостинцев» легла с очевидным недолетом. Один из них обрушил кусок стены стоящей напротив пятиэтажки. Второй, взорвался посреди улицы, разбрасывая камни, снег, и останки человеческих тел.

Насколько эффективен был артобстрел, Андрею с его «колокольни» судить было трудно, практически невозможно. Его результатов он просто не видел. Однако на некоторое время противник успокоился. Попыток атаковать немцы пока не

предпринимали, но вот устроить ответную пакость, им оказалось вполне по силам. Минут через десять в сером, затянутом хмарью и дымом пожаров небе показались их пикировщики. Некоторое время Карасев все еще надеялся, что хищники прилетели не по их душу, но когда над вражескими позициями обозначая передний край стали взлетать сигнальные ракеты, понял, надежды его не оправдались. С жутким воем первая «штука» сорвалась в пикирование, из под брюха ее вывалилась черная капля бомбы. Тяжелый удар и рядом с подбитым немецким танком вырос огненный куст. Словно вихрем с горящей машины сорвало башню и и отшвырнуло ее в сторону. Дальше Андрей ждать не стал и бегом метнулся в укрытие, однако следующая же бомба легла уже значительно ближе. Здание словно покачнулось, и лестничный пролет второго этажа вдруг встал на дыбы как норовистый конь, словно неумелого наездника сбрасывая с себя пробежавшего по нему Андрея. Упал удачно лежащие под лестничным маршем грудой, еще не успевшие окончательно застыть покойники смягчили падение, но все равно спиной обо что-то приложился основательно. Он лежал корчась от боли, приходя в себя и не в силах подняться или хотя бы отползти в сторону, а все вокруг содрогалось, грохотало и рушилось. Наконец, когда все стихло, Карасев с трудом смог подняться на колени, опираясь на стену, встал на ноги. Потряс головой, словно это могло помочь от колокольного звона, сплошным гулом стоящего в ушах, с каждым ударом, болью отдающемся в черепной коробке. Некоторое время осматривался, что-то мучительно соображая, потом наклонившись не глядя, нащупал рукой брезентовый ремень автомата, зацепил оружие непослушными пальцами и побрел, еще не совсем понимая куда. Опорного пункта больше не существовало. И защищавшей его роты тоже не было. Нет, его бойцы никуда не делись, они все были здесь, так и оставшись под руинами окончательно разрушенного здания, там где их настигла смерть. Медленно пробираясь через обломки и кучи битого кирпича он уже отчаялся найти хоть кого-то живого когда взгляд его наткнулся на полузаваленный вход на КП.

Позади снова засвистели, загрохотали падающие мины. Зашевелились фашисты, готовящие новую атаку, но отражать ее было уже некому.

Андрей спустился в подвал. Там возле сидящего спиной к стене окровавленного, Зырянова, старательно обматывая его бинтами, суеился Захарчук. Подойдя к телефону, ротный поднял трубку, крутанул рычажок. Аппарат ответил гробовым молчанием.

- Захарчук! Связь!

- Сейчас товарищ лейтенант, сейчас – засуетился связист, и наскоро закончив перевязку, метнулся вверх. Выскользнув из подвального окна, пригибаясь побежал вдоль тоненькой нитки «полевика». На краю небольшой воронки он остановился, присел на корточки, и не обращая внимания на близкие разрывы принялся устранять повреждение. На какой-то момент, взметнувшийся вверх неровный куст огня, дыма, и перемешанной со снегом земли заслонил собой его сгорбленную фигуру. Когда же грязный фонтан взрыва, наконец, обрушился вниз, Андрей увидел, что боец неподвижно лежит ничком, словно прикрывая своим телом место порыва. Мертвый телефонный аппарат на столе словно ожил, откликнувшись длинным, трескучим звонком.

- Калуга, Калуга, ответь Тобольску – напряженно зазвенел на том конце провода голос телефонистки.

- На проводе Калуга.

- А, младшой – голос комбата приглушенный расстоянием и помехами доносился как сквозь толстую подушку – держишься? Докладывай, как обстановка?

- Товарищ капитан – Карасев не узнал своего собственного голоса, ставшего каким-то глухим, надтреснутым и совершенно безжизненным – роты больше нет. Опорный пункт захвачен противником. Прошу дать огонь дивизионной артиллерии по моим координатам...

Связь вновь прервалась, видимо провод снова был поврежден, вот только чинить его теперь уже никто не пойдет, да и незачем. Свою задачу он выполнил, как выполнила ее погибшая здесь рота.

Андрей проверил диск ППШ, повесил автомат на плечо, обернувшись, встретился взглядом с сидящим у стены Зыряновым, ободряюще улыбнулся, получив в ответ едва заметный кивок и устало побрел к выходу. Теперь и ему оставалось только подороже продать свою жизнь.

Выбравшись наружу, устроился за остатками стены и стал ждать. Минометный обстрел прекратился и вновь, уже который раз за этот длинный день на штурм полезли немецкие пехотинцы. Сначала с опаской, а после, окончательно осмелев, они ворвались на опустевшую позицию русских. Вот тут-то, будучи уже уверенными в своей полной победе они и напоролись на огонь одиночного автоматчика. Короткими, скуными очередями, Карасев бил по возникающим в поле его зрения грязно-серым на фоне наступающих сумерек фигурам вражеских солдат, совершенно не обращая внимания на их ответный огонь, свистящие над головой и крошащие кирпичную кладку вражеские пули. Пока на него внезапно не обрушилась темнота.

В этой темноте к нему сначала пришла музыка. Странная после грохота стрельбы и криков, сражающихся, неторопливая мелодия романса.

Ночь светла, над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна.
Тёмный лес, там в тиши изумрудных ветвей,
Звонких песен своих не поет соловей.

Милый друг, нежный друг, я как прежде любя
В эту ночь при луне вспоминаю тебя.
В эту ночь при луне, на чужой стороне,
Милый друг, нежный друг, помни ты обо мне.

Андрей с трудом открыл глаза, с удивлением глядя в знакомый, обшарпанный потолок своего НП. Попытался пошевелиться, с трудом, со второй попытки поднял голову.

- Товарищ лейтенант, лежите. Вам вставать не надо – в поле зрения появилась озабоченная физиономия Гришина.

– Вот глотни командир водички – раздался откуда-то сбоку голос Матафонова. В зубы ткнулось прохладное горлышко стеклянной солдатской фляги – ты лежи, командир, лежи. Отбили немцев.

- Рота? – непослушные запекшиеся губы с трудом вытолкнули короткое слово-вопрос.

- Всех побили – боец болезненно скривился, по-мальчишески шмыгнул носом, виновато опустил глаза – вот вчетвером только мы и остались. Еще вон товарищ сержант и Зырянов.

От соседнего угла, словно в подтверждение его слов раздался стон и надсадный кашель.

- Ничего командир – рядом вновь появился неунывающий взводный. Осторожно баюкая висящую на перевязи левую руку, правой он вместе с Гришиным помог ротному приподняться и сесть, опершись спиной на стену – я же говорил, ни хрена у Гитлера не получится. Мы еще повоюем...

Он еще что-то говорил, но Карасев его не слышал, глядя в сереющий просвет подвального окна, за которым начинался новый день 19 ноября 1942 года. И пускай еще где-то гремел бой, и железный каток вражеской армады тяжело буксуя, тщетно пытался, продавив тонкую линию обороняющей Сталинград 62-й армии, выйти к Волге. Где-то севернее и южнее истерзанного, но непокоренного города под грохот канонады уже разворачивали свое наступление войска Донского, Юго-Западного и

Сталинградского фронтов, начиная операцию «Уран», которой суждено было стать началом конца для гитлеровской армии.

Уж это- то Андрей знал совершенно точно.

Часть 4. На запад.

Глава 25

Колесные пары ритмично постукивали на стыках рельс. Карасев сидел возле промерзшего, покрытого изморозью окна старого обшарпанного, донельзя переполненного в большинстве своем военным народом вагона и смотрел в непроглядную темноту.

Долгие два года, бывший старший оперуполномоченный уголовного розыска Андрей Карасев в этом времени. Прошел сквозь безнадегу отступлений сорок первого, кровавый ад сорок второго. Терял товарищей, убивал врагов, сам был дважды ранен и только чудо, крепость молодого организма и умелые руки военных врачей вытащили его с того света.

Он поежился, вспоминая стылый ноябрь сорок второго года. Тогда под серым свинцовым небом тяжелая неповоротливая баржа, влекомая стареньким паровым буксиром, расталкивая корпусом, ледяные хлопья идущей по реке шуги, увозила его на левый берег Волги. Та самая баржа, которая несколькими часами ранее доставила боеприпасы и продовольствие для его роты. Той самой роты, почти в полном составе оставшейся под развалинами трехэтажного дома.

Под лопаткой застрял осколок своего же снаряда, переломанные ребра причиняли адскую боль при каждом движении и вдохе. Но Андрей оставался в сознании. Он видел раз за разом вынырывающие из-за низкой серой пелены, «штуки», с дурным воем проносящиеся вдоль заваленных телами людей, палуб суденышек. Как бешено, колотился установленный на корме ДТ в руках

шестнадцатилетнего юнги, отчаянно и бестолково пытающегося прикрыть, защитить, беспомощных раненых. Слышал гневное таканье счетверенных «максимов», бьющих с борта натужно пыхтящего парходика.

А по правому борту медленно уплывали за корму печальные скелеты разрушенных, превращенных в крепости и опорные пункты домов, разбитые снарядами, но продолжавшие выпускать нужные защитникам города танки, заводские корпуса Сталинградского тракторного, обугленные баки нефтехранилища. Там, в этих баках, неизвестно по чьему недосмотру и головотяпству, еще оставалась нефть. Подожженная немецкими снарядами она разлилась огненным морем, на пути идущих в атаку морских пехотинцев. А они все равно шли вперед живыми факелами, и не было на свете силы способной их остановить. Город выстоял, выстоял, в том числе и благодаря, младшему лейтенанту Карасеву и его бойцам, насмерть стоявшим за каждый метр обугленных Сталинградских улиц.

На левом берегу раненых встречали, быстро сортировали. «Легких» тут же направляли в медсанбаты, а «тяжелых» и грузили в крытые брезентом кузова грузовиков и увозили в тыл, где на разбитых вражескими бомбежками станциях стояли санитарные поезда. Здесь, на причале, он распрощался с Матафоновым, ушедшим залечивать поломанную руку в медсанбат.

А потом была операция в полевом госпитале и узкая полка в трясущемся, казалось насквозь пропахшем кровью, хлоркой и лекарствами вагоне. А вокруг бредили и стонали люди, сустились врачи, медсестры и санитарки с посеревшими от усталости и недосыпания лицами.

Долечивался он уже в Горьком. Там же прямо в больничной палате ему прочитали приказ о награждении младшего лейтенанта Карасева орденом Красной звезды и досрочном присвоении воинского звания лейтенант, за мужество и

героизм, проявленные в боях при обороне Сталинграда. А потом отмечали это дело с соседями по палате, такими же выздоравливающими бывшими командирами, а ныне офицерами Красной армии. Закусывали чистый медицинский спирт, раздобытый по такому случаю знакомым санитаром, американскими консервами, окрещенными неизвестными остряками «вторым фронтом».

По ранению ему полагался отпуск. Изначально Андрей намеревался поехать в Иркутск. Это был его долг перед родителями того парня, в теле которого находился сейчас волей судьбы. Лишить этих людей счастья знать, что их сын жив, увидеть его, обнять, он просто не мог. Еще перед Новым годом, он написал им письмо. Пришедший через месяц ответ потряс его до глубины, казалось бы, изрядно очерстевшей после многих потерь души. Отец погиб где-то под Москвой в декабре сорок первого. Получив похоронку, умерла от горя мать. Ехать было больше не к кому. Он совершенно не знал этих людей, но очень остро переживал эту утрату, почему-то считая себя частично виновным в их смерти.

Но жизнь продолжалась, отпуск надо было куда-то девать, и если в прошлой жизни, дожив, почти до сорока лет, повидать столицу, он так и не сподобился, в этой ему представлялся такой шанс. И вот в середине февраля сорок третьего года, получив у старшины госпиталя продовольственный аттестат, кобуру с новеньким ТТ, новенькую форму с погонами и с купленным по случаю в военторге небольшим чемоданчиком, Карасев стоял на перроне железнодорожного вокзала, ожидая ближайшего поезда на Москву.

Толкаться в переполненном, провонявшем табачным и водочным перегаром вокзале совершенно не хотелось, поэтому Карасев предпочел ждать поезда на открытой всем ветрам, слабо освещенной тусклым светом единственного фонаря платформе.

Впрочем, в просторном, стилом, насквозь прокуренном зале ожидания было не намного теплее, разве, что ветра не было, зато народу битком. На облезлых деревянных скамьях, узлах с вещами и чемоданах сидел и лежал измученный томительным ожиданием военный и гражданский люд. Между ними сновали высматривающие где, что плохо лежит беспризорники и прочие темные личности, в которых опытный глаз оперативника легко угадывал постоянных клиентов «казенного дома».

Начиналась метель. Ветер со скрипом раскачивал похожий на перевернутый таз фонарь, подхватывал колючую снежную крошку и раздраженно швырял ее в одиноко приплясывающего под ним Карасева, норовя попасть в лицо или за ворот. Андрей поежился, развязал и опустил клапана ушанки, форс, оно конечно дело хорошее, но уши то не казенные.

- Что лейтенант, подмерз – за спиной, неслышный из-за шума ветра и неумолчного скрипа «нарисовался» милицейский патруль: высокий, худощавый, пожилой лейтенант и крепенькая девчонка-сержант с винтовкой за спиной.

- Есть немного – улыбнулся Андрей.

- Документики имеются?

- Конечно – Карасев, расстегнув шинель, вынул из нагрудного кармана гимнастерки «командирскую книжку» и отпускное предписание.

- Ого – уважительно протянул лейтенант, заметив блеснувший над карманом орден и нашивки за ранения – хлебнул видать лиха. Ты извини, я смотрю все новое, сам молодой. Думал только из училища.

- В госпитале выдали.

- Понятно.

- Извините, товарищ лейтенант – подала голос милиционерша – а вы где воевали?

- На Сталинградском.

- Тяжко пришлось? – сочувственно покачал головой старший патруля.

- А где сейчас легко? – пожал плечами Андрей

- И то верно – вздохнул милиционер - сейчас везде тяжело. Время такое. Ну, бывай лейтенант. Пойдем Патрикеева, погреемся что ли.

Козырнув, патрульные зашагали к высокой двустворчатой двери, ведущей в зал ожидания. Внезапно одна из створок распахнулась, и из нее метнулся на перрон сутулый, щуплый парень в коротком сером пальто и надвинутой на глаза кепке. В левой руке он держал небольшой парусиновый чемодан,

- А ну стой! – окликнул его милицейский лейтенант – иди-ка сюда

- Кто? Я? – парень оглянулся и шагнул к патрулю – зачем звал, начальник?

- Яшкин, я тебя предупреждал, чтобы ты на вокзале не появлялся?

- Начальник. Да я поезда жду.

- Ох, не брешь Корявый. Поезда он ждет. Куда собрался - то? А чемодан где взял?

- Мои вещички начальник. Зуб даю. К тетке в Рязань поеду.

- Ну, покажи – не унимался милиционер – посмотрим, чего ты тетке везешь.

- Как скажешь, начальник – покладисто осклабился Яшкин, и подмигнул сержанту – поддержи, красивая, я замок открою.

Как только девушка закинув винтовку на плечо потянулась за чемоданом, парень внезапно сильно ударил лейтенанта в живот, и толкнув его на растерявшуюся Патрикееву, бросился бежать.

- Вот черт! – все произошло настолько быстро, что Андрей не сразу успел среагировать. От патрульных Карасева отделяли какие-то метров десять. Это расстояние он преодолел, буквально, тремя скачками.

- Товарищ лейтенант, Степан Сергеич! – девушка присела возле скорчившегося на снегу тела напарника и вдруг закричала – кто-нибудь, помогите!

Одного взгляда на окровавленные руки лейтенанта и разноцветную, наборную рукоять ножа, торчащую из его тела, Андрею было достаточно.

- Врача ищи! Быстро! - рявкнул он, подспудно понимая, что врач ,скорее всего будет уже не нужен, и бросился вдогонку за маячащей впереди сутулой фигурой в сером пальто.

«Корявый» между тем спрыгнул с платформы на пути и поднырнул под вагон. Карасев последовал за ним. Некоторое время они бежали по тропе между стоящим на путях товарняком и бесконечно длинной стеной какого-то склада.

Великим спринтером бандит явно не был, а потому расстояние между беглецом и преследователем начало постепенно сокращаться. Пробежав еще метров триста, он остановился, тяжело дыша, повернулся к подбегающему офицеру.

Видя, что противнику не уйти, его преследователь тоже перешел на шаг, переводя дыхание, доставая из кобуры ТТ.

- Зря ты фраерок, теперь и тебя валить придется – сплюнув, процедил сквозь зубы «Корявый», делая шаг навстречу. И встал как вкопанный, глядя в черный зрачок пистолетного дула.

- Все, все, начальник сдаюсь – прохрипел он внезапно осипшим голосом - твоя взяла. Веди в отделение, явку писать буду. Чистосердечно.

- Зачем? – в голосе Карасева не было никаких эмоций, ни торжества, ни злобы, вообще ничего – не надо явку.

- Э, ты чего нача... - хриплый вопль прервал грохот выстрела.

Промаяхнутся с такого расстояния было невозможно, пуля ударила урку точно в лоб, отбрасывая назад уже безжизненное тело.

Андрей не торопясь убрал оружие в кобуру, равнодушно посмотрел на распростертый перед ним труп. Там, в другой жизни повинаясь требованию закона, он обязан был доставить этого урода живым и желательно невредимым к следователю. Собрать и представить все доказательства его вины, а потом в суде выслушать речь адвоката о тяжелых жизненных обстоятельствах, толкнувших несчастного на преступление. Смиренно принять решение судьи, который, конечно же, учтет все смягчающие и отягчающие обстоятельства и возможно сурово накажет преступника, приняв решение, руководствуясь принципами гуманизма и человеколюбия. Вот только родным убитого милиционера от этого легче не станет, к жизни дорогого им человека это не вернет, и принципы эти на них почему-то не распространяются. А эта мразь будет спокойно жить, жрать, спать, отравлять жизнь другим людям, требовать соблюдения каких-то своих прав, как будто у него вообще могут быть какие-то права. А потом когда закончится назначенный судом срок и вовсе выйдет на свободу. Может быть, там это и правильно. Может быть.

Но здесь все не так. Здесь идет война. Каждый час, каждую минуту гибнут тысячи людей более достойных жить, чем это существо, лежащее у его ног.

Он привык убивать. Лишение жизни себе подобных, стало его обыденной каждодневной, тяжелой и грязной, но нужной работой. Но там, на фронте, убивая,

он сражался с врагом. А сейчас, просто раздавил ядовитую, мерзкую тварь. Именно так и никак иначе.

Также хладнокровно, без каких либо эмоций он обыскал труп. Вытащил из кармана какие-то документы, не глядя, сунул себе за пазуху, подхватил чемоданчик и зашагал к вокзалу.

На перроне уже собралась порядочная толпа. Однако перед молча, спокойно идущим Карасевым, люди безропотно расступались, видимо, что-то такое было в его глазах, спокойно-сосредоточенном выражении лица.

- Отошел Сергеич – ни к кому не обращаясь, словно констатируя факт, заметил какой-то седой мужик в железнодорожной шинели - отмучался сердешный.

Возле неестественно вытянувшегося тела лейтенанта все еще безуспешно хлопотала какая-то женщина в овчинном полушубке и накинута на растрепанные волосы вязанном, пуховом платке. Рядом сидела и тихо плакала, размазывая по щекам слезы, сержант Патрикеева.

- Вот – Андрей протянул милиционерше отнятые у бандита вещи и документы.

- А этот, где? – подняла на него красные от слез глаза девушка.

- Там, возле пакгауза. Убит, при попытке оказать сопротивление.

Вопреки ожиданиям много отписываться и оправдываться не пришлось. Усталая женщина-следователь быстро провела допрос в качестве свидетеля, занесла в протокол показания, после чего лейтенант Карасев был отпущен восвояси.

Он даже успел на свой поезд, благо, что тот пришел с задержкой на четыре часа. В общем, было уже далеко полночь, когда Андрей втиснулся в битком набитый пассажирами вагон, с трудом отыскал себе место на верхней полке и наконец, провалился в тяжелый сон без сновидений.

Глава 26

Как раз в день приезда Андрея в столицу 22 февраля 1943 года войска Западного фронта начали очередное наступление на Ржевско-Вяземском направлении, в 250-300 километрах от города. Впрочем, дыхание войны чувствовалось и здесь, о ней напоминали торчащие в небо стволы зениток, баррикады из мешков с песком на улицах и заклеенные крест-накрест бумажными и тканевыми лентами окна домов. Улицы некогда многолюдного города были пустынные, лишь изредка проезжали автомобили и спешили по своим делам редкие прохожие. Большая часть горожан была на фронте или в эвакуации, а оставшимся не было никакого дела до неспешно прогуливающегося по засыпанным снегом улицам лейтенанта в толком еще не обмятой шинели. Над городом, в сером свинцовом небе, похожие на диковинных китов, висели крупные туши аэростатов ПВО. Все автобусы как по мановению волшебной палочки исчезли с Московских улиц, как и люди, они тоже были призваны на фронт. Однако по очищенным от снега рельсам бойко перезваниваясь, катили трамваи.

Карасев не отказал себе в удовольствии прокатиться в полупустом, холодном, дребезжащем разрисованными морозом окнами вагончике. Крупная, закутанная в шали и шарфы и от этого еще более необъятная тетка - кондукторша не только подсказала адрес ближайшей гостиницы, но и специально для него, громогласно объявила нужную остановку.

- Добрый день – сидящая за столиком в крошечном холле, миловидная женщина лет тридцати в зеленой вязаной кофте, с черными как смоль волосами, уложенными в прическу «а-ля Тимошенко», окинула откровенно-оценивающим взглядом пронзительно-синих глаз, плечистую, перетянутую ремнями фигуру молодого военного.

- Здравствуйте – от этого откровенного взгляда Андрея бросило в жар, он почувствовал, что краснеет – у вас свободные номера есть?

- Посмотрим. Документы есть? – бросив мимолетный взгляд на протянутую командирскую книжку, брюнетка одарила парня ослепительной улыбкой - для фронтовика-орденоносца, найдем.

Действительно, нашелся свободный двухместный номер. Денег вполне хватало, после выписки из госпиталя получил денежное довольствие почти за полгода. Выложив на стойку несколько купюр, Карасев уплатил за четыре дня вперед, получил ключи и квитанцию, улыбнулся в ответ гостиничной красавице и направился в свои апартаменты.

Здесь сервис роскошью не поражал, явно не «Метрополь»: дешевенькие, аляповатые обои, две пружинные кровати у стен, возле каждой из них небольшая тумбочка, платяной шкаф в углу, рядом с ним черная тарелка репродуктора. Единственное окно заклеено крест-накрест бумажными полосками, нарезанными видимо из газеты, и закрыто плотной шторой. Впрочем, в «метрополях», Андрею бывать не приходилось, и о тамошней роскоши он имел весьма смутное представление. А здесь очень даже уютно, пыли грязи и насекомых нигде не видно, зато чистое постельное белье в наличие. Это вам не сталинградский подвал, или пропахшая лекарствами госпитальная палата. Спрашивается чего еще надо для нормального отдыха? К тому же, что на счет сегодняшней вечера у него были еще кое-какие планы. Молодой - растущий организм настоятельно требовал общения с противоположным полом, а уж, когда привлекательная женщина так на тебя смотрит, тут и святой не выдержит.

Осмотревшись, он скинул шинель, стянул гимнастерку и направился совершать водные процедуры в поразивший мощью и солидностью тяжелой чугунной сантехники, находящийся в конце коридора санузел. Подойдя к большому зеркалу,

задумчиво потер заросший щетиной подбородок, с надеждой покрутил никелированные барашки смесителя. В трубе что-то зашипело, загудело, затем презрительно фыркнуло, плюнуло, и из крана потекла тоненькая струйка ржавой, ледяной воды. Мда, чудес на свете не бывает. Горестно вздохнув, Карасев отправился разыскивать дежурную по этажу, справедливо предположив, что где как не у нее можно раздобыть немного кипятка.

Через полчаса гладко выбритый и чисто умытый лейтенант спустился в холл, где был весьма благосклонно встречен синеглазой прелестницей. В ходе непродолжительной беседы выяснилось, что девушку зовут Ириной, меняется она в восемнадцать ноль-ноль и будет совсем не против того, чтобы составить компанию на сегодняшний вечер, столь симпатичному и обходительному молодому человеку. Тем более, что здесь совсем недалеко на Тверской есть небольшой кинотеатр.

До начала свидания времени еще оставалось вагон и маленькая тележка и отдохнув пару часиков на белоснежных, накрахмаленных простынях в своем номере, Андрей отправился знакомиться со столичными достопримечательностями, начав знакомство с ближайшей столовой, тем более, что располагалась она в соседнем квартале. До Красной площади добрался минут через тридцать неспешным прогулочным шагом. Вот только смотреть там оказалось нечего. Засыпанные снегом стены кремля, на которых мелькала между зубцами фигура одетого в белый полушубок часового. Пустующее здание мавзолея, укрытые маскировочными сетями купола «Василия Блаженного», крыши ГУМА и Исторического музея и «шатры» кремлевских башен. И над всем этим серым, унылым пейзажем неизменные туши аэростатов.

Еще некоторое время бродил по улицам, местами носящим следы вражеских бомбардировок. Дважды его останавливали патрули, проверяли документы. В

общем, прогулка вышла довольно невеселой, и он изрядно продрогнув, едва дождался назначенного девушкой часа.

Располагавшийся на Тверской, маленький кинотеатр, назывался «Новости дня». Демонстрировали там документальные фильмы. Им достались места на последнем ряду в полупустом зрительном зале. Погас свет. Где-то над головой застрекотал кинопроектор и на экране замелькали первые кадры. На белом полотне Андрей вдруг с внутренним содроганием увидел до боли знакомые засыпанные снегом скелеты Сталинградских многоэтажек. Хроника запечатлела ликвидацию окруженной группировки фельдмаршала Паулюса: выползающих из подвалов с поднятыми руками оборванных, обмороженных немецких солдат, допрос Паулюса. Свежеиспеченный фельдмаршал старался держаться с достоинством, хотя даже зрителям в зале было хорошо видно, как трясутся его руки. Фильм был снят, смонтирован и размножен для показа всего за каких-то две недели, в рекордно короткий срок, настолько важно было дать измученным войной людям надежду.

Всю дорогу от кинотеатра до дома Ирины, шли молча, думая каждый о своем. У подъезда девушка спросила коротко и без всякого кокетства: «зайдешь?»

Карасев, молча, кивнул.

Его новая знакомая проживала в комнате коммунальной квартиры, в трехэтажной «сталинке». Супруг Ирины, инженер одного из столичных заводов, ушел в сорок первом в ополчение и не вернулся, сгинув в «котле» под Вязьмой. Она отправила мать с маленькой дочерью в Тамбов, к родителям мужа, и осталась в осажденном городе. Работала в гостинице, по ночам дежурила, сбрасывая с крыш немецкие «зажигалки», а самой хотелось быть от одиночества, безнадежности и страха.

Нет, она не жаловалась, и о жизни своей рассказывала буднично и спокойно, только большие глаза ее были полны невыразимой тоски, и водку пила как воду,

почти не морщась и не пьянея. А потом была ночь, такая короткая, бурная и жаркая « как последний раз».

Карасева разбудил солнечный луч, с трудом протиснувшийся сквозь щели в плотных шторах светомаскировки. В маленькой комнате было тихо и пусто, лишь громко тикали ходики и за стеной, на кухне шумел примус, и гремела посуда. На столе нашел записку лаконично извещавшую: «Ушла на работу. Ключ на столе».

Быстро собравшись, он вышел из комнаты, провожаемый любопытными взглядами соседок закрыл хлипкую филенчатую дверь и шагнул из темного, обшарпанного подъезда на ярко освещенную солнцем улицу. Улица встретила утренним морозцем и легким поскрипыванием под сапогами выпавшего за ночь снега.

Почти час он потратил на поиски ближайшей комендатуры, чтобы поставить отметку в отпускном предписании, а потом, покончив с делами, направился в гостиницу.

Ирина оказалась на своем месте, оформляла нового постояльца. Они, молча, обменялись улыбками, и получив ключ от номера вместе с легким рукопожатием, заодно потихоньку подсунув девушке ключ от ее комнаты, Андрей поднялся к себе.

Оказалось, пока он отсутствовал, в комнату подселили нового соседа. Среднего роста, крепкий мужик лет тридцати пяти в майке и галифе разгуливал по комнате с полотенцем на шее, подпевая гремящему маршем репродуктору.

- Здорово сосед. С праздником!- весело подмигнул он и протянул широкую крепкую и шершавую как необструганная доска ладонь – лейтенант Добровский, Виктор. Будем знакомы.

Андрей представился, ответив на крепкое рукопожатие. Познакомились, разговорились, выяснилось, что новый знакомый в Москве проездом, следует в свою часть после окончания Ташкентского танковой школы. Договорились вечером где-нибудь отметить праздник, а затем Виктор убежал куда-то по делам, а Карасев завалился отдыхать, что после бурно проведенной ночи было явно не лишним.

Ирина осталась дежурить на сутки, поэтому новые знакомцы отпраздновали 23 февраля в сугубо мужской компании таких же, как они, отпускников и командировочных в каком-то ресторане. А потом, когда вечером поддерживая друг, друга, изрядно навеселе возвращались в гостиницу, по пьяному делу любопытство взяло верх над осторожностью, и Карасев, как бы невзначай поинтересовался, почему его новый приятель, судя по выправке и манере держаться явно кадровый военный, в столь серьезном возрасте все еще лейтенант. Спросил, и тут же прикусил язык, уж больно трезвым был взгляд танкиста.

Уже в номере, когда допивали предусмотрительно прихваченную с собой бутылку «казенки», Добровского вдруг словно прорвало, и он вдруг стал рассказывать. Потомок ссыльного польского офицера и забайкальской казачки, в семнадцать лет, командир эскадрона ЧОН, сражавшийся с белоказакми атамана Семенова, за храбрость получил наградное оружие из рук самого Блюхера. Казалось, открыты все пути, военная карьера шла в гору и вдруг в 39 - м арест и лагерь. Затем рядовой боец стрелковой роты, тяжелые бои на Воронежском фронте, ранение. После госпиталя, как имеющего полное среднее образование отправили в Ташкент, в танковую школу. Красная армия, понесшая в первый год войны огромные потери, отчаянно нуждалась в подготовленных танковых экипажах, поэтому из стрелковых частей в танковые школы гребли всех, кто имел мало, мальское техническое или хотя бы полное - среднее образование. Вот такая вот история.

На следующее утро сосед уехал в свою часть куда-то под Воронеж, там формировалась 5-я гвардейская танковая армия. Можно было конечно ехать вместе с новым знакомцем, тем более это по пути, но у Андрея одно важное дело, то ради чего он собственно и приехал в Москву. С утра сбегал в магазин, купил ученическую тетрадь, перо с чернильницей и большой конверт, заперся в номере, благо нового соседа еще не успели подселить, и стал писать. Долго, мучительно напрягая память, стараясь извлечь из ее закоулков как можно больше подробностей и фактов.

Написал про второе неудачное наступление под Харьковом, которое судя по сводкам Совинформбюро, как раз в эти дни захлебывалось собственной кровью. Про Курскую битву и танковое сражение под Прохоровкой, увы, знал он об этом совсем немного. Про «Тигры» и «Пантеры», которые к лету этого года массово поступят на вооружение немецкой армии. Как мог, описал дальнейший ход всей войны, разработки ракетного оружия и реактивных самолетов в Германии, американскую ядерную программу и бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, смерть Сталина и арест Берии, приход к власти Хрущева и Брежнева, полеты в космос, Корейскую, Вьетнамскую и Афганскую войны, развал Советского Союза. Все, что знал.

Рано утром, он, наконец, закончил свой эпохальный труд, запечатал исписанную от корки до корки тетрадь в конверт, написал адрес. Не выспавшийся и мрачный, сдал ключи от номера дежурной по этажу, оставил у нее же записку с номером полевой почты для Ирины, и отправился на вокзал, по пути сбросив письмо в заранее присмотренный почтовый ящик на соседней улице.

А к вечеру того же дня поезд уносил Карасева на юг к Воронежу, там проходила пополнение и переформирование его 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которая после окончания Сталинградской битвы была выведена из состава 62-й армии и передана в резерв Ставки.

Глава 27

Паровозный гудок прервал нахлынувшие воспоминания. В дремлющей тесноте вагона поднялась суматоха.

- Просыпайся лейтенант, подъезжаем – хлопнул его по плечу оказавшийся рядом высокий, крепко-сбитый военный – поезд дальше не пойдет.

Андрей молча кивнул, достал из под скамьи чемодан и тощий «сидор», вместе с остальными пассажирами стал не спеша двигаться к выходу.

Небольшая станция в рассветных сумерках была битком забита людьми и техникой. На путях пересвистывались и пыхали паром паровозы, перекрывая конское ржание, бряцание металла, командные окрики и топот солдатских сапог ревели танковые двигатели. Некоторое время, Андрей постоял на перроне, огляделся, затем определил нужное направление и зашагал в сторону небольшого домика-комендатуры, у крыльца которого толпа в серых шинелях и ватниках была наиболее густой.

Было уже совсем светло, когда он, наконец, добрался до штаба дивизии. Седой майор с осунувшимся, почерневшим от усталости лицом, долгое время разглядывал документы, потом поднял красные от недосыпания глаза на Карасева.

- Ты до госпиталя в 34-м ротой командовал?

- Да.

- Не да, а так точно. По новому уставу теперь так отвечать должен. Ладно, туда - же к Панихину и пойдешь, а они уже пусть сами решают. У них там по офицерскому составу комплект большой. Понял?

- Так точно.

- Ну, тогда ступай.

Расстояние до штаба полка, куда Карасеву надлежало прибыть за назначением, составляло километров пятнадцать. Можно было конечно добираться пешком, но схватившаяся за ночь твердая корка наста уже начинала таять под лучами взошедшего солнца и разбитая техникой грунтовка к полудню превратится в непролазное болото. Справедливо рассудив, что лучше плохо ехать, чем очень плохо идти, Андрей уселся на пустой снарядный ящик, брошенный кем-то у обочины, и приготовился к длительному ожиданию попутки.

Однако ждать долго не пришлось, прошло минут двадцать, когда из-за поворота ревя мотором, вывернул тяжелый «студебеккер».

- Эй, лейтенант, куда тебе? – окликнул его из кузова грузовика старший лейтенант артиллерист.

- В хозяйство Панихина - лицо офицера показалось смутно знакомым. Они уже явно встречались, но где и когда вспомнить Карасев не мог.

- Садись это по пути, на развилке тебя выкинем, там километра полтора, пешком дойдешь.

- Спасибо – Карасев закинул вещи в кузов и забрался следом.

Попутчик грохнул кулаком по крыше кабины, и грузовик, взревев двигателем грузно переваливаясь, покати по раскисшей колее.

- Слушай, ты не на Донском воевал? – старлей поудобней устроился рядом с Андреем на каком-то тюке, вытащил из кармана пачку папирос – угощайся.

- Спасибо, не курю – покачал головой Карасев – я со Сталинградского.

- Странно. Лицо у тебя уж больно знакомое – попутчик пожал плечами, чиркнув самодельной зажигалкой, закурил – где-то мы с тобой уже встречались. У меня память на лица знаешь какая. А на фронте давно?
- Да уже второй год. От самой границы воюю.
- С самого начала значит – кивнул попутчик – вот и я от самой границы... . Стоп, ты перед войной в Сокале часом не был?
- В Кшечуве – улыбнулся Андрей, теперь окончательно вспомнив своего собеседника – в субботу 21-го июня. Только у тебя товарищ Вахрамеев и звание тогда помладше было, да и шрама вот этого и седины в висках не было.
- Точно! Пограничник! – Вахрамеев хлопнул себя по колену – погоди, так ты ж тогда в рядовых бойцах ходил. Быстро карьеру сделал.
- Это война мне карьеру сделала - невесело усмехнулся Карасев – убили отделенного, принял отделение, Взводный погиб – взводом командовал. Так вот до ротного и дорос. А лейтенанта досрочно дали за Сталинград.
- Мда, война – задумчиво мусоля папироску, протянул артиллерист – слушай, а фамилию мою ты как узнал?
- Особист сказал.
- Значит, добрались все-таки до тебя. А то ведь ты тогда сбежал. Я уж было и сам грешным делом подозревать начал.
- Срочно на заставу надо было. От местных получил важную информацию – пожал плечами Андрей – думал, нужен буду, потом найдут.

- А, не до тебя им было – махнул рукой Вахрамеев – мы в комендатуру, в Сокаль диверсанта доставили, а там у них суета была страшная. С той стороны перебежчик пришел, вот они и бегали как ужаленные. А потом такое началось.

- Понятно. А ты, я слышал, вроде ранен был?

- Было дело. И ранен был, и в плен попал под Киевом, когда немцы госпиталь захватили. Потом бежал. Добрался до своих, да еще и языка приволок. С тех пор вот на них и специализируюсь. Командир взвода разведки. А ты, значит, ротой командуешь?

- Командовал. Вся рота в Сталинграде под развалинами осталась. Сам чудом выжил. Потом госпиталь, теперь вот не знаю, куда назначат.

- Эй, рулевой – старлей поднялся и постучал по крыше кабины затормозившего грузовика – чего стоим родной? Кого ждем?

- Дык это – высунулся из открытого окна водитель – поворот. Товарищу лейтенанту сходить пора.

- Точно, заболтались мы чего-то – Вахрамеев протянул руку – ну, бывай Карасев. Живы будем свидемся. Ты сейчас вон по той дороге иди, метров через двести, указатель увидишь. Будь здоров.

- Удачи тебе старшой – Андрей ответил на рукопожатие, спрыгнул на землю, подхватил вещи и махнув на прощание отъезжающему грузовику зашагал в указанном направлении.

Действительно примерно через двести метров он наткнулся на добрый десяток приколоченных к стволу высокой березы дощечек-указателей. Не без труда нашел нужный. К «хозяйству Панихина», располагавшемуся в нескольких уцелевших избах небольшой деревушки, вела разъезженная проселочная дорога, шагая по

которой, Карасев едва не оставил в перемешанном с тающим снегом черноземе свои щегольские, новые сапоги.

Зато в полку его встретили как родного. Комполка попыхивая себе под нос папироской, благосклонно кивая, выслушал положенный доклад.

- Это хорошо, что ты в наше распоряжение прибыл. Как здоровье?

- В норме, товарищ полковник.

- Подлатали, значит. Ну, молодец, молодец. Орден то получил? Мы с Пантелеичем тебе на «звезду» представление писали.

- Получил – Карасев расстегнул шинель, демонстрируя поблескивающую алой эмалью звездочку.

- Слышь Пантелеич – Панихин обернулся к входящему в избу замполиту – глянь, какое пополнение пожаловало.

- А, товарищ Карасев - майор неторопливо стянул шинель, повесил ее на гвоздь, подошел, пожал руку – рад вас видеть. Такие люди нам нужны. Дмитрий Иваныч, куда думаешь направить парня?

- А чего тут думать – комполка старательно затушил бычок в пустой банке из под консервов – в свой батальон и пойдет к Ибрагимову.

- И то верно. Насколько я помню, ты у нас комсомолец? – дождавшись утвердительного «так точно», замполит кивнул – в таком случае будет у меня к тебе поручение, комсомолец Карасев. Дивизия у нас практически формируется заново, сам понимаешь, из запасных полков и госпиталей народ всякий приходит. А потому твоя первоочередная задача вместе с замполитом сколотить в роте крепкую комсомольскую и партийную ячейки. Ну, об этом еще с тобой Старостин

потом отдельно побеседует. Да кстати ты сам-то, когда в партию вступать собираешься?

- Да я как-то не думал об этом, товарищ майор - пожал плечами Андрей – все не до того как-то было.

- Вот смотрю я на тебя Карасев и понять не могу – недовольно прищурился комиссар – вроде командир ты толковый, и вояка лихой, но в политическом плане, вроде какой-то бесхребетный, что ли. Времени у него не было, он значит делом занимается а все остальные так, всякой ерундой. Недосуг, видите ли, все ему как-то в партию вступить. Да партия к твоему сведению есть наиглавнейшая, направляющая сила - ведущая наш народ к победе над фашизмом. И как командир, э-э-э, то есть советский офицер ты просто обязан быть ее активным членом, и бойцам своим пример подавать, учить их не только врага бить, но и политически их воспитывать. Короче, три дня тебе на раздумья и жду заявления. Рекомендацию дам, об этом можешь, не беспокоиться.

- Кстати, об учебе – вмешался в воспитательный процесс Панихин – нас постепенно доукомплектовывают личным составом, комиссар правильно сказал, народ разный к нам идет, есть и опытные бойцы, есть и новобранцы, а потому главный упор на боевую учебу. Командование держит нас пока в резерве, дает время подготовиться, поэтому упускать такую возможность нельзя. Кто знает, сколько еще это затишье продлится. Задачу понял?

- Так точно.

- Ну, тогда давай, дуй в канцелярию, там на тебя приказ оформят и к месту службы.

- Есть – Андрей козырнул, развернулся и шустро выскочил за дверь. Выслушивать дальнейшую лекцию о «руководящей и направляющей» очень уж не хотелось.

В расположение батальона он отправился уже через полчаса, после того, как уладил в полковой канцелярии все необходимые формальности. Узкий проселок, скорее широкая тропа, начинавшаяся сразу за околицей, слегка пропетляв по дну глубокого, поросшего кустами оврага, привела к густому дубняку, венчающему пологий склон холма, и уперлась в импровизированный шлагбаум, сооруженный из наспех ошкуренной лесины. К стволу ближайшего к сооружению дерева был приколот кусок фанеры, на котором ровными буквами, явно при помощи трафарета, было выведено: «Хозяйство Ибрагимова. Стой! Предъяви документы» . Рядом висела ржавая снарядная гильза приличного калибра. Под деревом неспешно прогуливался боец с «мосинкой» на плече. Увидев незнакомого офицера, часовой подобрался, взял наизготовку оружие, и окликнул: «стой, кто идет?»

- Ша, уже никто, никуда не идет – фразой из старого анекдота отозвался Андрей - вызови разводящего.

Не отводя от Карасева подозрительно - настороженного взгляда, боец вытащил из кармана какую-то железяку и несколько раз ударил ею по отозвавшейся глухим звоном гильзе.

На шум, откуда то, словно из-под земли выбрался разводящий, с лычками младшего сержанта на погонах. Закинув на плечо ремень ППШ, он шагнул навстречу Карасеву, и физиономия его расплылась в широченной улыбке: «командир! Здравия желаю товарищ лейтенант!».

- Здорово Гришин! – узнав своего бывшего подчиненного, улыбнулся Андрей – живой значит.

- Так точно, живой. А вы опять к нам? В первую роту?

- Не знаю пока. Как комбата найти?

- А пойдёте, я покажу. Здесь не далеко. Так вы значит из госпиталя?

- Из госпиталя. Ты лучше расскажи как сам-то поживаешь. Кто из наших может еще в батальоне остался?

- Да кроме меня никого. Тогда как вас всех раненых за Волгу эвакуировали, остались мы вдвоем, я да санинструктор наш Тютюрин, помните его? Ну, Ибрагимов нас в первую роту и определил. Только Тютюрина убили на следующий день в рукопашной, фриц штыком заколол. А я вот так в первой роте и остался. Сейчас замком взвода назначили.

За неспешным разговором дорожка вывела Андрея и его бывшего подчиненного на просторной поляну. Здесь вполне хватило места и для дымящих трубами железных «буржук» землянок, и сколоченных из жердин коновязей, у которых хрупали овсом артиллерийские и обозные лошади, и для техники, заботливо укрытой от постороннего взгляда маскировочными сетями. Техники, впрочем, было немного: пара 76 миллиметровых пушек взвода ПТО, с десятков повозок, и два грузовика: выдавшая виды, потрепанная полуторка и новехонький, видимо только с завода – ЗИС.

- А вон и комбат. Абрека своего объезжает. Джигит! – Гришин указал на всадника, гарцующего на высоком, вороном жеребце, лихо галопирующем по кругу чуть в стороне от стоянки техники - Товарищ лейтенант, ну я пойду. Мне часовых менять надо. А вас, скорее всего на нашу первую роту назначат. Только у нас пока ротного нет. Разрешите идти?

- Да, конечно иди. А насчет назначения, поживем, увидим. Ну, будь здоров – Андрей хлопнул сержанта по плечу и направился к уже спешившемуся и теперь заботливо осматривающему своего скакуна Ибрагимову.

-Ай, здравствуй дорогой – небрежно оборвав начатый доклад, дружески облапил его Исмаил, с ходу забросав вопросами – из госпиталя? Хорошо лечили тебя? Как здоровье?

- Нормально, подлечили, подлатали. Жив, здоров и годен к строевой – улыбнулся Карасев – принимай комбат пополнение.

- Хорошо. Хорошо, что обратно к нам прислали. Вместе опять воевать будем. У меня как раз некого на первую роту некого ставить. А может, в штаб пойдешь? Начштаба батальона, а? Я комполка скажу, быстро утвердят.

- Да какой из меня начштаба. Я и работы то штабной не знаю да и образование не позволяет – отмахнулся Андрей – ты сам то как? Стариков то много в батальоне осталось? Журавлев на повышение ушел?

- Да ты не знаешь ничего – Ибрагимов нахмурился – погиб наш комбат. В тот же день когда тебя ранило, и его снайпер снял. Не далеко от твоей старой позиции. Сразу наповал. Вот с тех пор и командую.

- Вон оно как – Карасев стянул с головы шапку, офицеры некоторое время помолчали, почтив память командира.

- Ну, мертвым, как вы русские говорите, пусть земля мягкой будет. Живым о живых думать надо – комбат хлопнул Андрея по плечу – значит, назначаю тебя командиром первой роты. Правда там от моих стариков никого и не осталось. Подразделение не укомплектовано полностью, двумя взводами пока сержанты командуют. Как только маршевые роты подойдут дам еще людей и взводных дам. Пока там у тебя замполит руководит. Парень молодой только из училища, бестолковый еще, ну ничего натаскаешь.

- Натаскаю – улыбнулся Карасев.

- Ну и хорошо – Ибрагимов оглянулся, поискал взглядом посыльного – Тараскин, найди Разгуляева, пусть строит роту. Пойдем командир, представлю тебя личному составу.

Глава 28

- Рота! Равняйся! Смир-рна-а – молодцеватый розовощекий лейтенант в туго перетянутой ремнями шинели сделал несколько строевых шагов, и лихо козырнув, отрапортовал – товарищ старший лейтенант, 1-я рота, второго батальона, 34-го гвардейского стрелкового полка по вашему приказанию построена. Замполит роты, лейтенант Разгуляев.

Исмаилов козырнул в ответ, и громко, чтобы слышал каждый из полусотни замерших в строю бойцов, объявил : «С этого момента командиром вашей роты назначен лейтенант Карасев. Слушать его как папу родного. Ну да он командир боевой, обстрелянный, и сам расслабиться сильно не даст. Вопросы есть?»

Вопросов естественно не было. Комбат удовлетворенно кивнул, и предоставив свежеиспеченному ротному дальше самому знакомиться с личным составом, отправился восвояси.

- Здравствуйте товарищи! – рявкнул Андрей, выслушал в ответ вяловатое, прозвучавшее несколько в разнбой приветствие, подал команду «вольно», отметил про себя неважное состояние дисциплины в роте и обернувшись к Разгуляеву предложил - пойдем комиссар, с людьми познакомишь. Здесь все?

- Нет. Второй взвод сегодня в карауле. Временно исполняет обязанности командира взвода младший сержант Гришин.

- Понятно. С ним я уже виделся. Я так понимаю подразделение укомплектовано процентов на восемьдесят?

- Почти. По списку - семьдесят восемь человек рядового и сержантского состава и один офицер, командир первого взвода лейтенант Береза – Разгуляев указал на среднего роста, худощавого офицера стоящего на правом фланге строя – остальных обещали в ближайшее время прислать.

- Что с вооружением и имуществом?

- Вооружением укомплектованы полностью, согласно штатному расписанию, а с имуществом – тут замполит несколько смешался – э, это у старшины уточнить надо.

- Ну, что же, уточним - философски заметил Андрей и направился к шеренгам первого взвода.

Стоявший на правом фланге лейтенант сделал шаг вперед, и отдав честь, представился: « Командир первого взвода лейтенант Береза».

- Давно на фронте? – сухощавый, жилистый, с худым обветренным лицом «лейтех», был пожалуй лет на пять старше самого Карасева.

- Полтора года.

- Из кадровых?

- Так точно - черные, глубоко посаженные глаза подчиненного смотрели оценивающе и с некоторым вызовом.

Андрей, шагнул дальше, сделав в памяти зарубку, стоит пообщаться с взводным «поплотнее», тет-а-тет. По всему видно, парень бывалый и возраст все-таки солидный, а звание не соответствует. Скорее всего, из разжалованных. Хотелось бы знать за какие - такие прегрешения.

Так, не спеша он прошелся вдоль строя, вглядываясь в лица застывших перед ним бойцов. Остановился перед стоящей отдельно троицей возглавляемой черноусым здоровяком со старшинскими лычками на погонах. Его монументальная фигура почти на полторы головы возвышалась над седоусым бойцом лет пятидесяти, явным нестроевиком, и плотным мужичком лет тридцати-пяти восточной наружности.

- Старшина Захаров – густым басом проревел богатырь.

- Через полчаса зайди в ротную канцелярию, потолкуем – одобрительно кивнул Карасев. В принципе к главному ротному хозяйственнику у него претензий не было. Стоящие в строю бойцы, на первый, впрочем, достаточно придирчивый взгляд были обмундированы согласно нормам положенности, выглядели аккуратно, да и с питанием в роте похоже дела обстояли неплохо, несмотря на нормы второй категории, предусмотренные для частей, находившихся во фронтовом резерве. Значит, старшина свое дело знает и подчиненным спуска не дает. А вот замполит с командованием ротой явно не справлялся.

На левом фланге построения разместилось сан отделение. Трое санитаров, возглавляемых девушкой санинструктором.

- Ну и как у нас дела с медициной обстоят? – поинтересовался ротный, разглядывая миловидное, усыпанное веснушками лицо, с задорно вздернутым аккуратным носиком, тонкими бровями в разлет над зелеными глазами, и рыжую челку, выбивающуюся на лоб из под форменной шапки.

- Сержант Зайцева – девушка слегка смутилась под пристальным взглядом нового начальства, но быстро взяла себя в руки и бойко доложила - дела обстоят удовлетворительно товарищ лейтенант. Лекарственными препаратами и перевязочными материалами обеспечены в полном объеме. Больных в роте шесть человек. Простудные заболевания и фурункулез.

- Баня и прожарка давно проводились?

- На прошлой неделе – товарищ лейтенант – по графику.

- Хорошо – Андрей отступил пару шагов, еще раз окинул взглядом строй.

Наверное, надо было что-то сказать, но, увы великим оратором он никогда не был,

поэтому ограничился тем, что распустил личный состав заниматься по распорядку, отправился размещаться на новом месте.

Взводы располагались в трех больших землянках расположенных на краю поляны. Еще одна служила складом и местом дислокации черноусого старшины, и наконец, в пятой, самой маленькой размещалась ротная канцелярия, по совместительству служившая жильем для командного состава роты и бойца-посыльного.

Следуя за указывающим дорогу Разгуляевым, он спустился по земляным ступеням, пригибаясь, шагнул в распахнутую дощатую дверь и остановился разглядывая скудно освещенную через крохотное оконце небогатую обстановку своего нового жилища. Состояла она из жарко пылающей в углу печки-буржуйки, стола сколоченного из остатков разобранных снарядных ящиков и трех топчанов, на одном из которых лежали его скромные пожитки.

При виде вошедших офицеров возившийся у печи молодой худощавый парнишка с погонами рядового подскочил и вытянулся по стойке «смирно».

- Вольно – махнул рукой Карасев – посыльный?

- Так точно – звонко отозвался парень – рядовой Панафидин.

- Ты вот, что боец – Андрей опустился на топчан, расстегнул шинель, в землянке было жарковато – сгоняй до старшины узнай, нет ли у него в заглазнике, чего перекусить? А то со вчерашнего дня не жрали. Я так понимаю, личный состав уже пообедал?

- Так точно – ответил Разгуляев – пообедал. Так уже и ужинать скоро.

- Ну и ладно. А пока боец бегает, мы с тобой комиссар поговорим. Тебя звать то как? Меня Андреем - Карасев протянул руку

- Максим – ответил на рукопожатие замполит.

- Будем значит дальше вместе воевать. Да ты присядь комиссар расскажи толком, что за народ в роте подобрался, как живет? Чем дышит?

- Да разный народ – Разгуляев присел на свой топчан, покрытый белым овчинным полушубком – очень много новобранцев. А чем дышат, так кто их знает? Чужая душа потемки, разве так вот сразу определишь.

Андрей, собрался, уже было ответить, но поговорить с ротным замполитом по душам в этот раз ему не удалось. Дверь землянки широко распахнулась и на порог, пригибаясь, шагнул незнакомый офицер.

- Не помешаю? Да ладно не тянитесь – махнул он рукой, подскочившим было лейтенантам – вот проходил мимо, дай думаю, зайду, познакомлюсь с новым ротным. Ну, будем знакомы - капитан Старостин, Иван Александрович. Замполит батальона.

- Лейтенант Карасев, Андрей Николаевич.

- Ну, вот и познакомились – замполит сел на топчан и обернулся к Разгуляеву – а чего это вы за пустым столом? Ты бы комиссар, командира своего чаем с дороги хоть напоил. Не хорошо.

- Так уже распорядились, товарищ капитан – принялся оправдываться покрасневший Максим.

- Ты, вот, что дорогой, ступай-ка, организуй чего-нибудь на зуб кинуть.

- Есть организовать – козырнул, понявший намек, Разгуляев и быстро накинув шинель, выскочил на улицу.

- А ты Андрей Николаич садись, потолкуем - Старостин уселся на топчан напротив Карасева, окинул его внимательным, цепким взглядом – скажу сразу, личного дела твоего я пока не видел, а узнать, что ты за человек хотелось бы.

Андрей, коротко, стараясь не вдаваться в ненужные подробности, чтобы не вызвать лишних расспросов поведал свою биографию, не забывая в свою очередь внимательно изучать собеседника. На вид ему было лет пятьдесят. Высокий, офицерская шинель как на вешалке висит и топорщится на тощей, нескладной фигуре. Явно из запаса, на кадрового военного не похож. Нет ни выправки, ни того особого, присущего профессиональным военным лоска, когда даже старая, потертая и застиранная, но ладно и ловко сидящая гимнастерка, выглядит не хуже парадного мундира. Но есть в нем, что-то располагающее к откровенности, может открытый и доброжелательный взгляд живых, умных глаз на худом, скуластом лице? А может умение внимательно выслушать собеседника, мягко, ненавязчиво задать нужное направление разговору.

- Разрешите, товарищ капитан – хлопнула дверь, запустив в нагретое «буржуйкой» душное нутро землянки поток свежего, холодного воздуха. На пороге, бренча котелками, появился Панафидин – вот товарищу лейтенанту обед принес.

- Ну, ты харчи то оставь, а сам ступай – кивнул замполит и повернулся к Карасеву – ты ешь, ешь, не стесняйся. А я чайку с тобой за компанию выпью.

Проголодавшегося за день Андрея дважды уговаривать было не нужно. Подвинув себе солдатский котелок с торчащей из него ложкой, он принялся неспешно черпать рассыпчатую, щедро политую ароматным мясным подливом перловку.

Плеснув себе в кружку крепко, до черноты заваренного чая Старостин сделал глоток, некоторое время сидел, молча, задумчиво уставившись в одну точку где-то за спиной собеседника.

- Да, хлебнул ты ротный лиха, в свои неполные двадцать два. Иному старику за всю жизнь столько не доставалось – капитан невесело усмехнулся своим мыслям – гляжу вот на тебя и себя самого вспоминаю. А знаешь, мне ведь в тех местах, где ты из окружения в сорок первом пробивался, тоже бывать пришлось. Давно, правда, это было. Сразу после гражданской. Нас, слушателей политкурсов на польскую границу бросили, а было мне лет, наверное, столько же, сколько тебе сейчас. Тогда ведь по договору с белополяками регулярных частей на границе держать нельзя было, а обстановка сам понимаешь, какая была. Перла к нам через кордон всякая тварь, пограничники не справлялись вот и прикрывали, чоновцами, да курсантами, вроде нас. Было нас два десятка, молодые, необстрелянные. Меня как самого старшего командиром отряда назначили. А против нас банда, без малого полсотни сабель, при пулемете. В общем, когда помощь подоспела, в живых двое оставалось. Я да дружок мой закадычный Семка Терехов. Только не довели его до врачей, на руках у меня и помер.

Старостин помолчал, допил чай, со стуком поставив жестяную кружку на стол, выпрямился, положив перед собой жилистые руки с узловатыми, длинными пальцами: «Я к чему тебе все это рассказываю. Как боевых товарищей, друзей терять на своем опыте знаю. Знаю, что в таких случаях командир чувствует. Иной может и душой очерстветь. Такой в своих бойцах не людей видит, а лишь боевые единицы и относится к их потере соответственно, как к статистике какой-то. А другой, наоборот. Словно надламывается в нем, что-то. Жалостливым уж больно становится, только от жалости той еще хуже бывает. Не позволяет она ему в нужный момент принять решение, от которого жизни людей зависят. Улавливаешь?».

- Улавливаю – кивнул Карасев.

- Значит, не ошибся в тебе – продолжил замполит – не чувствую я в тебе такого надлома, и в то, что душой зачерствел, тоже не верю. Комбат о тебе тоже очень

хорошо отзывается, как о смелом, решительном, но самое главное - умном командире. Смелость и решительность дело конечно хорошее, но вот светлую голову на плечах иметь, чтобы и боевую задачу выполнить и людей сохранить, это, увы, не каждому дано. Я ведь сюда шел, сомневался. Думал - двадцать два года, сопляк еще, как его на роту ставить? Не ошибся ли Исмаил? То, что тогда в Сталинграде командовал, это дело другое, там нужда заставила, и выхода другого не было. А теперь вижу, справишься, и из Разгуляева настоящего офицера сделаешь. Ты кстати в партию вступать не собираешься?

- Ну, вот и этот туда же. Сейчас начнется. Далось вам всем мое вступление в партию – промелькнула в голове Андрея крамольная мысль, но вслух озвучивать ее по понятной причине не стал, лишь пожал плечами – замполит полка дал три дня на раздумья. Обещал дать рекомендацию

- Ну, вот и хорошо – улыбнулся Старостин – только чего такой кислый? Радоваться должен, такие люди тебе доверие оказывают. Ну ладно Андрей Николаич, будь здоров, если какие вопросы будут, заходи не стесняйся.

Распрощавшись, капитан скрылся за дверью, а в распоряжении Карасева оставалось еще несколько часов до отбоя. За это время он успел, переговорив со старшиной, своим заместителем, и единственным взводным, составить для себя общую картину о положении дел в подразделении, обойти, заставленные двухярусными нарами блиндажи, в которых квартировал личный состав, побывать на ротной кухне.

Наконец уже глубокой ночью, он добрался, наконец, до своего топчана в ротной канцелярии и провалится в глубокий, здоровый сон.

Глава 29.

Разбудил его негромкий скрип дверных петель и осторожное бряканье печной заслонки. Карасев открыл глаза, рывком придал затекшему телу сидячее положение, зашарил под нарами в поисках сапога.

- Здравия желаю тащ лейтенант – оглянулся на шорох, копошившийся возле печурки Панафидин.

- И тебе не болеть – отозвался Андрей, намотав портянки, вбил ноги в сапоги, поднялся - умыться есть чем?

- Найдем – кивнул боец - только холодная. Подойдет?

- Подойдет. Пойдем, польешь.

Завершив водные процедуры, Карасев растерся вафельным полотенцем, затем еще минут семь энергично махал руками, кланялся и приседал, гоняя по жилам застоявшуюся кровь. Покончив с физическими упражнениями, вернулся в землянку.

На соседнем топчане, укрывшись с головой шинелью, все еще похрапывал Разгуляев. Посыльный, вооружившись сделанным из обломка косы тесаком, откалывал щепки от березового чурбака.

Наскоро позавтракав кружкой вчерашнего чая и ломтем хлеба, Карасев оделся и вышел на улицу. Очередной пасмурный весенний день еще только подумывал начинаться и личный состав еще досматривал последние сны. Лишь возле стоянки техники и коновязей уныло маячил часовой, и у полевых кухонь кипела привычная суeta. Повара и отряженные с вечера им в помощь счастливчики занимались приготовлением завтрака.

Андрей шагнул было к «своей» полевой кухне, у которой заправлял не высокий коренастый татарин Салихов, и остановился прислушиваясь. Уж больно

занимательной показалась ему тема беседы. Говорили о новом ротном, то есть собственно о нем, лейтенанте Карасеве.

- Вот ты Иван старый человек, все знаешь – судя по довольно специфической манере произношения, голос, скорее всего, принадлежал Салихову – даже про нового ротного знаешь. Он тебе сам сказал, да?

- Ну, положим не сам – рассудительно заметил его собеседник - Матвей то он всегда меня и табачком угостит, и новостью какой поделится. И то не с вами же молокососами ему разговоры говорить, с вами – то, поди, и перемолвится не о чем, все бабы да жратва на уме. А ко мне старшина наш завсегда с уважением, потому как хоть и молодой еще, а с понятием, видит, что человек основательный, жизнь повидал и порошу понюхал.

Судя по тому, как уверенно Иван определил тридцатилетнего повара в «молокососы», голос принадлежал ездовому Борисенко, самому старому солдату в роте. Его точного возраста Карасев пока не знал, но на вид вполне могло быть и пятьдесят, а то и все шестьдесят лет.

- Это да – покладисто согласился татарин – старый ты Иван. Как тебя только на войну взяли? А старшина, откуда про командира знает? Он его сегодня первый раз увидел.

- Первый, не первый, а ротный к нашему Матвею со всем уважением. И в канцелярию вызвал, и чаем поил. И про дела в роте все расспрашивал. То-то, что молодой, а не чета нашему замполиту, до всего ему дело есть, и как боец одет, и что на ужин ел, даже про фураж все вызнал, в каждую мелочь вник. Видно, вояка бывалый. Гришин - замкомвзвода его хорошо знает. В Сталинграде говорят, вместе воевали. Так наш командир один роту германцев держал. А когда совсем неважко стало, на себя огонь «катюш» вызвал. У такого не забалуешь, мигом к ногтю прижмет.

- Балаболка ты Иван – засомневался Салихов - быть такого не может. Чтобы один да роту фрицев удерживал? А потом его «катюшами» накрыло, и живой остался? Брехня.

- Собака брешет – возмутился Борисенко – а я как есть, так и говорю. Орден то у него, по-твоему, за что? А? Вот то-то.

- Ну, мало ли за, что орден. Да кабы такое было, ему б наверное Героя дали, да и в газете бы написали – очевидно не убежденный последним аргументом продолжал упорствовать татарин – вот газете я верю. А так получается, тебе старшина сказал, старшине Гришин, а ему еще кто-нибудь. Не-е-е врут наверное.

- Ну, может где и приврали - философски заметил ездовой – только я вот, что тебе скажу Ринатка: солдатская молва, она самая верная, уж я то получше твоего знаю. Чай уже третью войну ломаю. Вот помню, был у нас в империалистическую случай один...

Дальнейшую дискуссию Андрей дослушивать не стал, хотя честно говоря, послушать про «империалистическую» из уст очевидца очень хотелось. Все-таки март еще только начинался и утренний морозец градусов так пятнадцать не располагал к длительному стоянию на одном месте. Он потихоньку отошел от кухни, и вернулся к канцелярии. Между тем дневальные в землянках-казармах «сыграли» подъем и началась обычная утренняя суeta.

Пока личный состав совершал необходимые утренние процедуры и поглощал сдобренную комбижиром и тушенкой кашу из пшенного концентрата, ротный сидя за дощатым столом в канцелярии размышлял. Столь лестное мнение о себе личного состава следовало всячески поддерживать и укреплять. И самым лучшим способом для этого, по мнению свежеиспеченного командира, стала тактическая и огневая подготовка.

Последующие дни для бойцов первой роты стали поразительно похожи один на другой: ранний подъем, завтрак, марш бросок с полной выкладкой и занятия, занятия, занятия. Андрей, старался передать бойцам весь свой опыт, приобретенный в тяжелый дни отступлений сорок первого года, полевых и уличных боев сорок второго. Учил стрелять, драться в рукопашную используя любые подручные предметы, перемещаться на местности под огнем, используя в качестве укрытия любой маломальский бугорок или ямку. Действовать не только в составе роты или взвода, но и небольшими штурмовыми группами захватывать и удерживать здания и блиндажи. Ну и конечно много и часто копать. Зарываться в еще не оттаявшую до конца землю по самые уши и глубже. Потому, что не понаслышке знал, сбитые в кровь ладони, центнеры перелопаченной земли, и литры пролитого пота, спасут потом не одну солдатскую жизнь.

В командирских хлопотах и заботах летели дни. Через две недели, как и было обещано, прибыло пополнение. При этом не обошлось без приятного сюрприза. Одним из прибывших с маршевой ротой командиров оказался окончивший трехмесячные офицерские курсы и получивший звание младшего лейтенанта Матафонов. Недолго думая, он назначил старого товарища командовать вторым взводом и взвалил на его плечи добрую половину работы по боевой подготовке.

Даже инертный и обиженный на весь белый свет Береза ожил, втянулся и все чаще стал активно подключаться к обучению личного состава, иной раз помогая молодому ротному дельным советом. Кстати взводный «номер раз» действительно оказался кадровым командиром, причем еще довоенной выучки. Как выяснилось позже, начало войны он встретил на границе Западной Белоруссии командиром стрелковой роты. В звании его понизили в сорок втором, за самоуправство. При конфискации транспорта для эвакуации своих раненых бойцов, вышвырнул из кабины полуторки целого полковника, зампотыла бригады, героически спасавшего от врага свою драгоценную жизнь и личное имущество. Тот естественно был глубоко оскорблен столь непочтительным к себе отношением со стороны какого-то

зачуханного, небритого старлея, в давно не стиранной , мятой гимнастерке и «накатал телегу» в особый отдел.

К счастью, проводивший проверку особист оказался мужиком понимающим и справедливым. Действия Березы счел в принципе правильными, но все-таки тыкать ТТшником в нос старшему по званию и палить, пусть даже и в воздух в столь опасной близости от его бесценной головы это уж слишком. В общем, от трибунала и штрафного батальона парня «отмазали», но в звании все же понизили и отправили командовать взводом, подальше от высокопоставленного «терпилы».

Единственный с кем у Карасева не сложились отношения, оказался замполит. Поначалу встретивший нового командира довольно тепло, хотя и с некоторой настороженностью, он со временем стал держаться холодней и отчужденней. Откровенных разговоров всячески избегал, предоставляя ротному самому ломать голову над причинами своего поведения.

Впрочем, Андрей, сперва недоумевавший и пытавшийся как-то разрядить ситуацию, в конце, концов, плюнул и махнул рукой. Отдаваемые приказы заместитель хоть и с недовольной физиономией, но выполнял старательно, а в остальном, хочет парень корчить из себя оскорбленную невинность, черт с ним, пусть корчит. Как говорится, чем бы дитя не тешилось, лишь бы денег не просило. Не хорошо конечно, по всем канонам Разгуляев должен был - бы стать его самым первым и надежным помощником, но вот как-то не получалось. Уж слишком много дел навалилось, чтобы заниматься еще и этим, возмнившим о себе бог весть что сопляком.

Глаза ему открыл все тот же старый, мудрый Спиридоныч. Буквально на третий день он заявился в ротную канцелярию и вытянувшись по стойке смирно, бодро доложил: «товарищ лейтенант, рядовой Борисенко прибыл в ваше распоряжение»

- Я вас не вызывал – Андрей оторвался от написания никому собственно не нужного плана тактических занятий, над коим корпел уже добрых полтора часа, недоуменно уставился на старого вояку.

- Разрешите доложить. Меня старшина к вам направил. Ступай, говорит, Иван Спиридоныч к ротному, и обеспечь ему полную, значится отстраненность от всяческих хозяйственных забот. Он говорит, человек занятой и всякой ему ерундой заниматься некогда. Так, что если в чем, какую надобность имеете, товарищ лейтенант, вы мне только скажите, вмиг обеспечим. Все одно, от меня старика в этой вашей беготне толку мало. А окопы копать я еще в империалистическую так насобачился, что любого молодого за пояс заткну.

На том и порешили. Обязанности посыльного так и остались за шустрым Панафидиным, а все обязанности по хозяйственно-бытовому обеспечению командира взвалил на себя Борисенко. Частенько копошась возле быстро прогорающей «буржуйки» он развлекал Карасева многочисленными историями, случавшимися с ним, либо его знакомцами или вовсе незнакомцами на фронтах первой мировой и гражданской войн.

- Вы уж извиняйте меня за откровенные слова товарищ лейтенант, только баба на войне, не дело это – заявил он как-то раз – от нее мужикам раздор один. Вот и вас с замполитом из-за Зайки мир не берет.

- Стоп – Андрей оторвался от поглощения супа из горохового концентрата, которым последнее время частенько «баловал» своих подопечных Салихов – а вот с этого места поподробней. Из-за чего нас мир не берет?

- А то вы не знаете товарищ лейтенант? Всем же видно, что Разгуляев вас к санинструктору ревнует.

От подобного заявления Карасев окончательно «выпал в осадок». О том, что практически весь личный состав, кто тайно, а кто и открыто пылал страстью к хорошенькой медичке. В свою очередь она, будучи натурой веселой и общительной старалась поддерживать ровные отношения со всеми, но повода и надежды никому не давала. Всякие неизбежные слухи и пересуды старательно пресекались старшиной, взявшим девчонку под свою опеку, и с пудовыми кулаками которого никому лишний раз знакомиться не хотелось. Единственный кто, казалось бы, был близок к тому, чтобы добиться хоть каких-то ответных чувств от неприступной красавицы был Разгуляев. Но тут появился новый ротный, который совершенно проигнорировал прелести избалованной мужским вниманием «Зайки». И хрупкое девичье сердце не выдержало, ибо как сказал великий поэт: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше ценят они нас». Открыться предмету своих воздыханий она так и не решилась, но с тех пор стала стараться как можно чаще маячить перед глазами командира, исподволь привлекать его внимание.

Увы, занятый делами и заботами Карасев внимания на тайные вздохи, алый румянец на щеках и пристальные взгляды не обращал, а вот сжигаемый ревностью замполит все это видел. И бесился, не в силах переломить ситуацию в свою пользу.

Надо сказать Андрея ситуация, достойная пера сценариста какой-нибудь бразильской или мексиканской «мыльной оперы», здорово позабавила. Впрочем, ломать голову над подобными глупостями он не счел нужным и махнул рукой, решив, что все «рассосется» само собой.

В делах и трудах прошел март, затем апрель, в начале которого дивизии вручили орденом Боевого Красного Знамени за оборону Сталинграда, и была в этой награде малая толика и его заслуг. Тогда же Карасева приняли кандидатом в члены партии. С одной стороны уже в довольно сознательном возрасте застав последние годы существования Советского Союза, Андрей прекрасно видел и

понимал: во что превратилась КПСС, и особенно ее верхушка. И нимало не заблуждался в ее роли в развале некогда могущественной державы. Но с другой, он видел перед собой живой пример бывшего парторга одного из Харьковских заводов, а ныне замполита батальона Старостина и его товарищей-однопартийцев, их горячую и искреннюю убежденность в правоте своих идей. А кроме того перед ним стояла цель. Он должен был пусть хоть немного в силу своих невеликих возможностей помочь этим людям, которых недостойные их памяти потомки, позже будут презрительно кривя губы именовать «совками», остановить врага. Внести посильную лепту, чтобы хоть немного приблизить такую долгожданную Победу. И если для этого надо было написать заявление и стать членом ВКПб, что ж так тому и быть.

Дни летели за днями. Где-то вдали гремела война, дивизия продолжала оставаться в резерве. Но приближалось лето, а с ним и неизбежное возвращение на фронт.

Глава 30

Андрей так и не знал, дошло ли сброшенное в почтовый ящик на московской улице письмо до адресата или нет. Никаких изменений в ходе истории в сравнении с тем, что учил в школе он пока так и не заметил. Наступление на Харьков закончилось очередным «котлом» и разгромом, пусть и не таким катастрофическим как прошлогоднее, Курская битва началась строго по тому же, уже сыгранному в истории того прошлого Карасева, сценарию. Немецкие части, предназначенные ударом у основания Курского выступа прорвать советскую оборону и окружить обороняющие его войска Центрального фронта, с огромным напряжением сил и потерями смогли прорваться к третьей линии обороны. Но к середине июля, их казалось бы, успешно начатое наступление забуксовало. А к 23-му июля под мощными контрударами войск Воронежского и Степного фронтов,

обескровленные в предыдущих боях гитлеровские части и вовсе откатились на позиции, занимаемые ими перед началом сражения.

Некоторое время на южном фланге Курской дуги царило затишье, советские войска готовились к новому, решительному удару. К началу августа гвардейская 13-я стрелковая дивизия, вошедшая в состав 32 корпуса, 5-й гвардейской армии, все это время находившаяся в резерве командующего фронтом, была выведена к передовой. Перед командовавшим ею генералом Баклановым была поставлена задача, во взаимодействии с танковыми частями прорвать оборону противника, и освободить Белгород.

В предрассветных сумерках, ранним утром в один из дней начала августа, батальоны 34-го полка заняли окопы и блиндажи первой линии и для сотен бойцов и командиров потянулись томительные часы ожидания.

Над темной полосой горизонта показался самый край алого солнечного диска. Откинув край плащ палатки, занавешивающей вход в блиндаж, Карасев выбрался наружу, бросил взгляд на начинающее светлеть безоблачное небо, подсвеченное медленно расползающейся бардовой полосой рассвета, зябко повел плечами от забравшейся за ворот гимнастерки сырости.

- Восход сегодня какой... Много видно кровушки прольется – по своему поняв жест командира, прокомментировал сидевший у входа в блиндаж Борисенко - верная примета.

Андрей только кивнул. За время своего пребывания на фронте, он как-то незаметно для самого себя привык верить в многочисленные солдатские приметы.

- Все бы тебе каркать – пристроившийся рядом в стрелковой ячейке Матафонов бросил на дно окопа окурок, старательно растер его каблуком.

- Ворона каркает, а я дело говорю – обиженно проворчал старик – а примета она верная, никогда не обманывала.
- Да ну тебя Спиридоныч, все приметы у тебя все какие-то, мрачные – махнул рукой взводный и подошел к Андрею – как думаешь, командир, скоро начнется?
- Минут через двадцать – Карасев бросил взгляд на циферблат часов.
- Скорей бы уж. А то извелся весь. Ждать и догонять последнее дело.
- Угу – Андрей прекрасно понимал состояние своего подчиненного. Его и самого тяготило затянувшееся ожидание боя.
- Как настроение ротный? – из-за поворота траншеи, пригибаясь, вынырнул замполит батальона, махнул рукой, разрешая садиться, подскочившим было бойцам.
- Нормально тащ капитан.
- Плохо, что нормально – усмехнулся Старостин – должно быть отлично. Пришел наш черед. На запад пойдем. Свою землю освобождать будем. Понял?
- Так точно.
- Сам должен осознать и подчиненным растолковать, чтобы каждый боец это не только умом, но и здесь – капитан постучал себя по груди – здесь прочувствовал. Где твой заместитель?
- Здесь я товарищ капитан – из блиндажа выбрался Разгуляев.
- Спишь лейтенант? – неодобрительно прищурился Старостин – пойдем по взводам пойдем, посмотрим каков настрой у твоих бойцов.

Замполиты, негромко переговариваясь, двинулись дальше по ходу сообщения, а Андрей, вынув из кожаного футляра, болтающегося на груди, бинокль принялся разглядывать немецкие позиции. Сильная оптика услужливо приблизила покрытую масштабной сеткой черную насыпь бруствера, за которым царило спокойствие и безмолвие. Ни единого шороха, никакого шевеления.

- Ты вот, что Спиридоныч – Андрей внимательно посмотрел на сидящего на дне окопа старого солдата – давай-ка к старшине. Поступаешь в его распоряжение.

- Зачем обижаешь командир? – поднял на него укоризненный взгляд Борисенко – вам значит, молодым помирать, а мне старому пню в тылу воздух коптить?

Пожалел значитца старика? Да я если хочешь знать добровольцем на фронт пошел и военкому ведро первача не для того спойл, чтобы в тылу отсиживаться. Мне с этих гадов еще за сынов своих в двадцать лет в землю легших, спрос учинить надо.

- Мы за танками пойдем, быстро. Угонишься за нами? Тяжко будет.

- Да я еще любого за пояс заткну.

- Хорошо Иван Спиридоныч, будь по твоему – согласно кивнул Андрей, которому вдруг стало стыдно за свою недавнюю слабость.

Взмывшая в небо ракета, словно взорвала утреннюю тишину. Над головой что-то страшно завывало, заскрежетало и словно сотни хвостатых, оставляющих дымный след, комет понеслись к позициям противника. Залп гвардейских минометов Андрей «вживую» наблюдал впервые, и нетрудно было себе представить, какой ад творился сейчас на позициях фашистов, если даже вид и звук пролетающих над головой РСов оставлял жуткое впечатление.

Через пару минут к расчетам «катюш» присоединилась ствольная артиллерия. «Обработка» немецких позиций продолжалась минут тридцать, потом огненный

вал, перемешав с землей немецкие окопы первой линии обороны, покатился дальше.

- Батальон, приготовится к атаке! – пронеслось по цепи.

-Ну, что мужики, наша очередь – Андрей затянул ремешок каски, окинул взглядом сосредоточенные, напряженные лица притихших бойцов, громко продублировал команду – приготовится к атаке!

Бойцы зашевелились проверяя оружие, подтягивая снаряжение, надевая каски и вновь затихали в тревожном ожидании.

В небо одна за другой вновь взмыли ракеты. За спиной взревели танковые двигатели.

- Батальон! За Родину! - на бруствер первым выскочил Старостин, махнул зажатым в жилистом кулаке ТТ- шником – В атаку!

- Рота! Вперед! – Карасев рывком выбросил тело из окопа, обернулся, чтобы убедиться, что его бойцы дружно поднимаются из траншей, и пригибаясь, неспешно потрусил вслед за лязгающей траками, пыхающей сизым солярным выхлопом тридцатьчетверкой.

- За Родину! За Сталина! – это уже Разгуляев, слегка рисуясь, встал в полный рост над бруствером, картинно махнул автоматом, которым вооружился по примеру ротного – ура-а-а!

Крик подхватили сотня солдатских глоток. И вот, словно волна защитного цвета, будто из под земли, выплеснула из траншей, и хлынула вслед за грохочущими металлом и пушечными выстрелами стальными коробками.

Казалось бы, окончательно подавленная артподготовкой первая линия противника вдруг стала оживать. То тут, то там в боевых порядках атакующих стали вырастать грязные кусты взрывов.

Идущий слева Т-70 встал, по бронированному борту побежали язычки пламени. Башенный люк распахнулся, сунувшийся было из него танкист, дернулся и кулем скатился к заляпанным грязью гусеницам, видимо убитый наповал осколком разорвавшейся рядом мины. Из люка механика – водителя попытался выбраться его напарник, но сил уже не хватило, и он повис на броне вниз головой. На помощь к нему подскочили бежавшие позади машины пехотинцы, вытянули его, и сбив огонь с тлеющего на спине комбинезона, подхватив под руки, потащили подальше от пылающей техники.

Где-то совсем рядом, практически в упор, затрещал немецкий МГ. Словно тяжелые градины забарабанили по стальной шкуре, ползущего впереди танка, засвистели над головами бегущих за ним бойцов, с мягкими, влажным шлепками ударяли в человеческие тела. Андрей плюхнулся в рыхлый чернозем, перемешанный танковыми гусеницами, с влажной от росы травой, и скатился в неглубокую, оставленную миной воронку. Подполз ближе к краю, стал короткими очередями из своего ПППШ безуспешно нащупывать вражеского пулеметчика.

Тридцатьчетверка преодолев еще метров двадцать тормознула, повела башней. Оглушительно перекрывая все прочие шумы боя, хлопнуло танковое орудие, посылая фугасный гостинец неугомонным фрицам. Потом еще раз. Пулемет заткнулся, давая залегшим было бойцам снова подняться и одним отчаянным броском достигнуть вражеских окопов.

Точнее того, что от них осталось. Поскольку этот перепаханный снарядами «лунный пейзаж» назвать укрепленной позицией было трудно. Это потом историки и исследователи подсчитают, что советским командованием для прорыва обороны

немцев на Белгородском направлении было сосредоточено огромное количество орудий и гвардейских минометов. Двести тридцать стволов на километр фронта. Естественно, что даже хорошо подготовленные оборонительные укрепления такого напора огня и стали не выдержали, они просто перестали существовать, превратившись в редкие островки неорганизованного сопротивления.

Многотонная машина с ревом перевалила через чудом уцелевший бруствер, подмяла под себя остатки немецкой противотанковой пушки, заскрежетавшей металлом по бронированному брюху и фыркнув выхлопной трубой покатила дальше. Андрей прыгнул в воняющий сгоревшей взрывчаткой, кровью и горелым мясом окоп, метнулся влево. Там, судя по хлопкам одиночных выстрелов, и крикам дерущихся, кипела рукопашная.

В борцовском поединке сцепились рядовой Горошин, из третьего взвода и здоровенный фриц. Впрочем, боролись они не долго, жилистый и более проворный, чем его грузноватый противник, боец умудрился вытащить из-за голенища сапога нож и ситуация разрешилась буквально в течении нескольких секунд.

- Найн! Найн! - истошно выл немец, пытаясь двумя руками удержать занесенный над ним клинок. Его противник, молча, сосредоточенно сопя, наваливался всем телом, также двумя руками толкая наборную рукоять «финки» вниз. Крики перешли в протяжный рев и предсмертный хрип. Ноги в коротких немецких сапогах конвульсивно задергались, скребя землю. Боец в каком-то остервенении нанес еще несколько ударов уже мертвому врагу, поднялся, тяжело дыша закрутил головой, в поисках отлетевшего в сторону в пылу схватки оружия и похоже только сейчас заметив командира бросил, не глядя в глаза: «Вон оттуда выскочил. Затихарился сука, двоих наших положил».

Действительно на дне окопа скорчившись и держась за живот обеими руками, лежал боец второго из взвода, серо – землистого цвета лицо его было искажено гримасой боли и страдания. Рядом на бруствере лицом вниз застыл труп в гимнастерке защитного цвета.

- За мной – Карасев бросился в указанном направлении, нырнул в извилистый аппендикс хода сообщения, приведший его к входу в чудом уцелевший блиндаж.

- Отсюда этот фраерок нарисовался - негромко из-за спины пробормотал Горошин, и рванулся было распахнуть добротную дощатую дверь, очевидно снятую хозяйственными фрицами с какого-то обывательского сарая – а ну командир...

- Назад! – злым, свистящим шепотом ответил Андрей, буквально за шиворот, отдергивая бойца – учишь вас, учишь. Встань с той стороны и по моей команде открывай. Понял?

Боец, кивнул, а Карасев, закинув автомат за спину, вынул из подсумка на поясе пару «лимонок», потом бросил взгляд на болванку противотанковой гранаты, висевшей на поясе бойца.

- А ну-ка, дай сюда.

Взяв у него гранату, выдернул чеку и махнул головой напряженно застывшему подчиненному.

- Давай!

Горошин резко рванул на себя дверь, отскакивая в сторону. Изнутри грохнул выстрел, ушедший бестолково «в никуда», а ротный, зашвырнув в темный зев блиндажа тяжелый цилиндр, прижался спиной к скату траншеи, пережидая грузно ахнувший в замкнутом пространстве взрыв.

Не дожидаясь пока осядет поднятая пыль и утихнет звон в ушах, он, держа оружие наизготовку, ворвался в блиндаж и остановился, задохнувшись от ударившего в ноздри смрада сгоревшей взрывчатки, крови и экскрементов. Открывшаяся взгляду картина смерти и разрушения была ужасна: куски человеческих тел в лоскутках бинтов и лохмотьях фельдграу, вывороченные наружу внутренности и лужи крови. Единственный оставшийся в живых немец, даже не помышлял о каком - либо сопротивлении. Сидя на полу, он лишь пялился на культю оторванной выше локтя руки и выл от боли и ужаса.

Короткой очередью Андрей прервал его мучения, и пошатываясь вышел на улицу, рванул воротник гимнастерки, глубоко вдохнул. Еще немного постоял, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой и хлопнул по плечу содрогавшегося в приступах мучительной рвоты Горошина.

- Пошли.

Глава 31

Между тем бой продолжался. Легко преодолев незначительное сопротивление в первой линии немецких траншей, атакующие, стремительным броском, достигли второго рубежа вражеской обороны. Танки, раскатав немногочисленные уцелевшие огневые точки противника, рванули давить оставшиеся беззащитными тылы, а прикрывавшие за ними стрелки вступили в рукопашную с уцелевшими фашистами, в ходе короткой, но жаркой схватки выбили их из окопов. Воспользовавшись коротким затишьем, Карасев успел собрать взводных, и уточнить потери понесенные ротой в ходе скоротечного боя. Рота потеряла примерно шестую часть своего списочного состава. Увы, оставалось лишь в очередной раз утешать себя мыслью, что все могло быть и гораздо хуже. За этой горькой арифметикой Андрея отыскал посыльный от комбата.

Ибрагимов, обнаружился возле, внешне совершенно не поврежденного, врытого в землю до самой угловатой башни «Тигра». Рядом с ним пристроился чумазый парень в сером комбинезоне и залихватски сбитом на затылок танкистском шлемофоне. Офицеры склонились над расстеленной на броне картой и водя по ней грязными пальцами, что-то горячо обсуждали.

- Товарищ старший лейтенант. Лейтенант Карасев по вашему приказанию прибыл.

- Андрей – Исмаил оторвался от испещренного разноцветными пятнами условных обозначений, листа – ну докладывай. Потери большие?

- Семерых безвозвратных и тринадцать раненых.

- Могло быть и хуже – отозвался Ибрагимов, и повернулся к своему собеседнику – вот он с тобой пойдет.

- А чего – танкист окинул лейтенанта быстрым оценивающим взглядом, согласно тряхнул светлым чубом – этот, пожалуй, подойдет.

- Командир опытный, я за него как за себя ручаюсь - подтвердил комбат и добавил, обращаясь к Карасеву – Андрей, поступаешь в распоряжение капитана Сазонова. Собирай своих, сажай десантом на броню и вперед. Задача, на плечах отступающего противника ворваться в Березовку и продержаться до подхода основных сил. Вот смотри, по данным разведки противник стягивает сюда для контратаки танковые и моторизованные подразделения, думает ударить нам во фланг. Твоя задача не допустить прорыва, и смотри, «фриц» против тебя отборный будет, эсэсовцы. Задачу понял?

- Понял.

- Ну, раз понял, действуй – Исмаил хлопнул ротного по плечу, внимательно посмотрел в глаза – понимаю дружище, что опять тебя в самое пекло бросаю. Но по-другому никак. Никому больше такое дело доверить не могу.

- Сделаем как надо, командир, ни одна сволочь через нас не пройдет – ободряюще улыбнулся Карасев, и вытянулся по стойке смирно - разрешите идти?

- Давай. Действуй.

Минут двадцать ушло на то, чтобы собрать людей, поставить задачу взводным и разместиться на броне нетерпеливо попыхивающих солярным выхлопом «тридцать четверок» и «семидесяток». Наконец сборы были завершены и машины с ревом рванули по разбитым техникой колеям проселка вслед за отступающим врагом.

Усевшись на башню командирского танка рядом с высунувшимся по пояс из открытого люка Сазоновым, Андрей огляделся.

Следом, нещадно пыля, громыхали гусеницами еще девять машин, буквально облепленных прижавшимися к броне, вцепившимися в поручни и друг - друга бойцами. Где-то в самом хвосте колонны совсем терялись в густых клубах серой пыли еще четыре приданных отряду, «голозадых» СУ-76. А по обочинам мелькали остовы разбитой, еще дымящейся техники, колонны пехотинцев, запряженные в конские упряжки полковые семидесятишести миллиметровки. На встречу уныло шаркали ногами, подгоняемые немногочисленными конвоирами вереницы пленных. Над головами с ревом проносились куда-то стремительные штурмовики, а над ними в бездонной высоте неба кружили, прочно удерживая свое превосходство в воздухе, остроносые Яки и «Аэрокобры».

Проскочили еще с километр, вырвались вперед, обогнав наступающую пехоту. Все меньше стало попадаться скелетов сожженных вражеских танков,

бронетранспортеров и грузовиков. Все больше брошенных пушек и обозных повозок, груженных разным военным имуществом. Иногда попадались устало бредущие группы немцев, среди них много раненых, обмотанных грязными, окровавленными бинтами. При виде русских танков они даже не делали никакой попытки спрятаться и не оказали сопротивления, а лишь торопливо отходили в сторону от обочины, садились на землю и провожали отряд безразличными взглядами. Все это живо напомнило Андрею картины прошлого и позапрошлого лета, когда вот также устало брели на восток группы отставших, от своих разбитых частей, окруженцев, и проносились мимо них колонны бронетехники спешащие проскочить как можно дальше вглубь советской территории, захватить узловые пункты, не дать организовать оборону еще боеспособным подразделениям Красной Армии.

Только в одном месте их обстреляли из винтовок и автоматов, но отряд не обращая внимания, продолжал рваться вперед, не размениваясь на мелочи, предоставляя разбираться с дерзкими фрицами поспешающей следом пехоте.

Колонна остановилась у развалин каких-то длинных одноэтажных зданий. Сазонов нырнул в люк, достал планшетку разложил ее на нагретой солнцем, пыльной броне.

- Смотри лейтенант, вот здесь мы, здесь Березовка, я так понимаю вон за тем садочком уже околица. Что там делается, сколько там фрицев, одному черту известно. Твои соображения?

- Ломиться туда всем кагалом, в походном строю – пожал плечами Андрей - можно нарваться на что-нибудь неприятное вроде противотанкового заслона. Но с другой стороны...

- С другой стороны, если там фрицы, пока мы будем собираться, и высылать разведку, они вполне могут подготовиться к обороне. А пока есть шанс, что нас

там не ждут – подхватил его мысль капитан и сдвинув шлемофон на затылок решительно кивнул – будем рисковать. Сейчас разворачиваемся, идем на полном ходу. Своим передай пусть держаться крепче. Перед самой околицей, мои механики тормознут, спешивайтесь и идите за броней.

- Сделаем.

Танкист свернул карту, снова нырнул под броню, вылез на этот раз уже с ракетницей. Со звоном распрямившейся пружины хлопнул выстрел, в небо взвилась зеленая звездочка.

Взревели моторы, танки с ревом тронулись, разворачиваясь в боевой порядок и выбрасывая из-под гусениц комья земли, рванули вперед. Дальше было как в известной песне: «... мчались танки ветер подымая ... ». Карасев, крепко уцепившись в поручень на башне, судорожно глотал бьющий в лицо, пахнувший гарью, железом, соляром и еще почему-то скошенной травой и спелыми яблоками ветер, изо всех сил стараясь удержаться на горячей броне. А сидящие в тесном, жарком нутре своих грохочущих, неуклюже покачивающихся на кочках и ухабах, оставляющих за собой клубы пыли и солярного выхлопа, железных коробок механики – водители старательно выжимали из движков приличные по здешним меркам 50 км/ч в час.

Фрицы в селе были. «Сборная солянка» из отставших от своих частей пехотинцев, каких-то тыловигов и обозников. Противника они заметили не сразу, а может быть приняли за своих, поэтому и отреагировали с большим опозданием. Тревога поднялась только тогда, когда танки Сазонова, сопровождаемые редкой цепью пехотинцев, словно диговинные мастодонты, ломая усыпанные спелыми плодами яблони и груши колхозного сада, с ревом и лязгом вывернули на околицу.

Хлопнул одиночный выстрел, сопровождаемый истошным воплем, в ответ застрекотал курсовой ДТ, и пыльные, тихие до той поры деревенские улочки вдруг

как по команде, заполнились толпой мечущихся перепугано вопящих и бестолково палящих в разные стороны фигур в сером фельдграу.

Андрей перескочил через покосившийся плетень, прижался спиной к беленой стене мазанки и осторожно выглянул за угол. Возле стоящего посреди улицы «флака» приводя его в боевое положение, суеилось человек пять немецких солдат. Наводчик, босой, в закатанных до колен серых брюках и серой форменной майке быстро крутил маховик, стараясь поймать какую-то не видимую для Карасева, цель. Двое его помощников волокли откуда-то из-за сарая кассеты со снарядами. Еще несколько мгновений и зенитка будет готова к бою, медлить было нельзя. Андрей выскочил из своего укрытия и от пояса, практически не целясь, всадил в них длинную очередь. С расстояния не больше 10-15 метров, он отчетливо видел как по стволам и казеннику орудия запрыгали искорки рикошетов, наводчик судорожно задержался в своем кресле, потом разом обмяк и кулем свалился на землю. От белобрысой головы заряжающего полетели алые ошметки он, выронил так и не вставленную в казенник кассету и раскинув руки рухнул в пыль. Еще трое попытались спастись бегством, но совсем рядом хлопнул винтовочный выстрел, а затем затрещал еще один ППШа, и на дороге, осталось лежать пять безжизненных фигур.

- Готовы – слегка запыхавшийся Матафонов опустил ствол автомата, снял каску, вытер пот – вовремя мы командир, еще немного и фрицы танкерам всю бочину бы разворотили из своей тарахтелки.

Стоящий рядом с ним Панафидин шагнул вперед, дернул затвор винтовки, выбрасывая стрелянную гильзу, широко улыбнулся и хотел что-то сказать, но вдруг осекся и стал оседать на землю глядя перед собой невидящими глазами. На защитной ткани его гимнастерки стало расплываться бурое, неаккуратное пятно.

Только сейчас до слуха донесся треск винтовочного выстрела. Андрей, даже не успев ничего сообразить, действуя на одних рефlekсах, плашмя растянулся на земле и откатился в сторону, оказавшись под защитой станин «флака». Взводный, совершив какой-то немыслимый кульбит, перемахнул через плетень и исчез в густых зарослях лопуха и бурьяна. Снова треснул выстрел. В окне стоявшей на противоположной стороне улицы хаты сверкнула вспышка. Пуля, словно ножом срезав крупную, словно обеденная тарелка головку подсолнуха, выбила облачко меловой пыли из стены мазанки.

Карасев, привстав на колени, стараясь не сильно высовываться из своего укрытия, вскинул автомат к плечу и всадил пару коротких очередей в оконный проем. Немец, однако, тоже оказался опытным воякой и на одном месте не сидел. Следующая вспышка сверкнула уже в соседнем окне и кусок свинца, обдав жарким дыханьем пропел возле лица, звонко щелкнул в металлическую спинку сиденья наводчика оставив в ней аккуратную дырку.

Из-за угла послышался лязг металла, медленно, словно любопытствуя, выглянул пушечный ствол. Затем также медленно, с грацией крадущегося носорога, вылезла вся «тридцатьчетверка». Башня с выведенной на ней номером «215», зажужжала, повернулась. Оглушительно хлопнуло орудие. Хлипкий домишко вздрогнул, выбросил из окон языки пламени и клубы дыма, и сложился, как саваном укрывшись крытой серой полуперепревшей соломой, крышей.

Некоторое время над улицей царила тишина нарушавшаяся лишь монотонным тархтением работающего на холостых оборотах двигателя и редкими хлопками отдаленной перестрелки.

- Эй, махра, живые? — из верхнего люка высунулась ухмыляющаяся, физиономия танкиста.

- И тебе чумазый не хворать – отозвался выбирающийся из своих лопухов Матафонов, остановился возле вытянувшегося в пыли тела, снял каску – молодой, пацан совсем. А он ведь тебя спас командир. Если бы вперед не шагнул, пуля бы тебе досталась.

- Без тебя знаю – огрызнулся Андрей - твоему взводу задача занять оборону на западной околице. Собрать оружие, боеприпасы, да, и направь мне кого-нибудь из бойцов пошустрее, на место посыльного.

- Сделаем – кивнул Матафонов – разрешите идти?

- Валяй. И смотри окапываться на полном серьезе.

- Понял – взводный развернулся, проходя, подхватил валяющийся в траве, сбитый пулей подсолнух, бросил выбравшемуся на башню тридцатьчетверки танкисту - держи мазута. Угощайся.

- Спасибо тащ младший лейтенант – паренек ловко подхватил подарок, свесив ноги, уселся на броне и принялся с удовольствием лузгать семечки.

Андрей наклонился, закрыл мертвые глаза Панафидина, подхватил валяющуюся на земле винтовку и бросил взгляд на разваленную снарядом хату. Если немецкий стрелок в этих развалинах и мог выжить после попадания снаряда, жить ему оставалось недолго, соломенная крыша уже всерьез занялась рыжими язычками огня. Еще несколько мгновений и пламя загудело, пожирая остатки деревенского жилища.

- Товарищ лейтенант, немцы! – из-за угла соседней хаты выскочил запыхавшийся Борисенко – танки!

Словно подтверждая его слова, в конце улицы с грохотом вырос красно - черный куст снарядного разрыва.

Сидевшего на броне танкиста как ветром сдуло, только хлопнул закрываемый люк, взревел двигатель. Машина, обдав пехотинцев выхлопом, сорвалась с места, сдала назад, проломив хлипкий плетень скрылась в обывательском саду.

- Черт! Не успели закрепиться как следует – проводив танк взглядом Карасев нахлобучил каску обернулся к ездovому – где замполит?

- В первом взводе с лейтенантом Березой на северной околице. Там танки немецкие.

- Какие танки? Сколько?

- Не могу знать товарищ лейтенант... - новый близкий разрыв заставил обоих присесть – только замполит велел вам доложить.

- Разберемся. Ты вот, что Иван Спиридоныч давай вон по той улице. Там второй взвод оборону занимает. Передай Матафонову, пусть оставит одно отделение в заслоне и выдвигается с остальными на помощь Березе.

- Слушаюсь – выпрямился боец.

- Давай – Карасев убедился, что подчиненный следует в нужном направлении, развернулся и направился туда, где уже разгоралась пулеметная и ружейная пальба, часто хлопали танковые семидесяти шести миллиметровки.

Глава 32

Он, пригибаясь, бежал вдоль улицы, обернулся, услышав сзади, приближающийся рев двигателя и лязг гусениц и кинулся навстречу катящей по центру дороги СУшке.

- Тебе чего пехота жить надоело? Чего под гусеницы бросаешься?- из боевого отделения высунулся чернявый сержант, увидев офицерские погоны, сменил тон – извините тащ лейтенант. Вас подбросить?

- Давай – Андрей вскарабкался на броню, уселся, держась за орудийный ствол – гони!

Самоходка дернулась и покатила дальше. Внезапно стена одной из хат по левой стороне метрах в ста впереди дрогнула и с грохотом рассыпалась. Из развалин вылезла серая, туша «тигра». Угловатая башня повернулась, хищно поведя длинным стволом, и остановилась, глядя прямо в лицо опешившему Карасеву. Не вдаваясь в глубокие размышления, он кубарем скатился в дорожную пыль, ощутило приложившись спиной. Дульный срез танкового орудия расцвел вспышкой выстрела, звук которого слился со страшным грохотом взрыва. Некоторое время Андрей лежал на земле, зажимая руками уши. Бесшумно словно в немом кино бронированная машина «немца» тронулась и поползла через дорогу, развалив строение на противоположной стороне улицы. Следом торопливо прорысили несколько фигур пехотинцев в серых чужих мундирах и глубоких касках. Один из них обратил внимание на корчащуюся в пыли фигуру советского офицера, отстал от своих товарищей и направился в сторону Карасева, деловито взводя затвор МП. Неторопливо подошел, пинком отбросил в сторону ППШ, и направив на Андрея ствол автомата, что-то беззвучно крикнул. Вдруг он дернулся и выронив оружие стал заваливаться на спину.

Именно в этот момент к Андрею вернулась способность слышать, двигаться и пусть с трудом, но соображать. Он принялся неуклюже шарить руками пытаясь встать. Правая ладонь уперлась в мертвого фрица, выпачкавшись горячей и липкой кровью. Наконец сумел немного приподняться. Рядом мелькнули голенища солдатских сапог.

- Держитесь товарищ лейтенант – маленькие но крепкие руки санинструктора подхватили, помогая оторваться от земли и утвердился на ногах – на меня обопритесь.

За спиной слышалась трескотня перестрелки. Это Горошин, и еще один боец третьего взвода – рослый волжанин Савушкин, пятясь, отстреливались от наседавших приятелей убитого фрица, давая девушке возможность оттащить восьмидесятикилограммовую, с трудом передвигающуюся тушку Карасева, под прикрытие бревенчатой стены ближайшего сарая.

- Вот так – «Зайка» тяжело дыша, усадила командира, разорвала упаковку индивидуального пакета, оттерла текущую из уха и разодранной щеки кровь – ничего страшного товарищ лейтенант. Сейчас перевяжем, и все хорошо будет.

- Уф – в укрытие заскочил Савушкин, положив рядом с ротным его автомат, покопавшись в под сумке, вытащил лимонку, зубами дернув чеку, бросил ее за угол. Переждав взрыв, осторожно выглянул из-за угла, удовлетворенно кивнул – вроде отстали.

-Горошин где? – способность соображать и разговаривать вернулись окончательно и бесповоротно – он же вроде с тобой был?

- Так это. Похоже, того, убило его - ответил боец – я проверил. Наповал.

- Спасибо родная. Я в порядке – Андрей мягко отстранил пытающуюся протестовать санинструктора, поднялся, опираясь на стену и зацепив рукой ремень автомата, шагнул к стоящей посреди улицы самоходке – там мужикам помочь надо. Может, есть еще живые.

Машина внешне выглядела не поврежденной. Орудие «тигра» было заряжено осколочным. Но взорвался снаряд как раз позади СУшки, и не защищенное броней

сверху и сзади ее боевое отделение, послужило своеобразным осколкоуловителем, превратившись в братскую могилу для экипажа.

Чуть поодаль ничком неподвижно лежал Горошин и четверо уничтоженных в коротком бою вражеских пехотинцев

- Надо к своим пробираться тащ лейтенант. Они рядом где-то – Савушкин закинул на плечо винтовку, подошел к убитому немцу, немного повозившись, снял с покойника подсумок с запасными магазинами, вытащил из-за голенища сапога гранату на длинной деревянной рукоятке, подхватил с земли МП – хорошая машинка. Я с такой в сорок втором из-под Харькова выходил.

Окончательно «оклимавшийся» ротный огородами вывел свой отряд на соседнюю улицу, где к ним присоединились еще трое бойцов, из все того же третьего взвода. Он на момент вражеской контратаки оказался небольшими группами разбросанным по всему селу, в то время как первый и второй взводы выполняя приказ своего ротного, держали круговую оборону на северной околице.

Крадучись, прошли метров двести, скрываясь в по-летнему густой зелени яблонь и черешен, пока не уперлись в небольшую сельскую площадь с обугленным колодезным журавлем в центре. Сделав знак своим попутчикам затаиться и не отвечивать, Андрей подполз к окружающей сад плетеной изгороди и осторожно выглянул. Где-то рядом гремел бой, но некогда плотно утоптаный ногами десятков поколений селян, а теперь изрытый воронками майдан был тих и безлюден. Только на краю его, приткнувшись к беленой стене сарая, печально склонив к земле ствол орудия, не сильно дымилась «двестипятнадцатая» тридцатьчетверка с распахнутыми настежь люками.

Внезапно в гром орудийной и треск ружейно-пулеметной перестрелки вклинился приближающийся треск мотоциклетных и завывание автомобильного двигателей. Из-за поворота выкатили два «цундапа» с пулеметчиками в колясках. Затем, лязгая

гусеницами, вылез Т-4. Замыкали шествие два БТРа, над серыми бортами, которых поблескивали каски солдат.

Колонна остановилась, не глуша двигателей. Верхний люк на башне танка распахнулся, из него по пояс высунулся одетый в черную эсэсовскую униформу, важный фриц. Осмотрелся, разрешающе махнул затянутой в перчатку рукой. Раздалась короткая, лающая команда и из бронетранспортера горохом посыпались пехотинцы. Умело, быстро, но без особой суеты, они взяли под контроль площадь. Двое осторожной рысцой направились к подбитой тридцатьчетверке.

Андрей обернулся, жестом поманил к себе Савушкина. Беззвучно, чего было трудно ожидать от его могучей комплекции, боец подполз к ограде, некоторое время изучал открывшуюся взгляду картину.

- Что делать будем тащ лейтенант? Тут не пройти. Может, погодим немного, пока не уедут?

- Передай ребятам, рассредоточится, приготовить гранаты, но без моей команды не начинать – чуть слышно прошептал ротный – пока ведем наблюдение. Противотанковая осталась у кого?

- У Ключенцова есть одна.

- Хорошо. Возьми себе и если, что будь готов гасить «четверку».

- Есть – прошелестел боец и бесшумно развернувшись исчез в тихо зашуршавшей траве.

Карасев, не отрываясь от наблюдения за фрицами, вытащил из подсумка так и не использованные «эфки» положил их перед собой.

Между тем отправленная на разведку парочка самым внимательным образом изучила, разве, что не обнюхала разбитый русский танк и уже вернулась обратно.

Выслушав доклад подчиненных, эсэсовец недовольно поморщился, ловко спрыгнул на землю, не снимая перчатки, подкурил от блестящей зажигалки тонкую сигаретку, и обернувшись к застывшему по стойке смирно мордатову здоровяку с фельдфебельскими нашивками, небрежным кивком головы указал на ближайшую хату. Тот в ответ вытянулся еще больше, щелкнул каблуками, «пролаял» что-то в ответ, двинулся в указанном направлении сопровождаемый парочкой подчиненных. Впрочем, пройти они успели не более пяти шагов.

Резкий треск ДТ разорвал тишину, и все трое упали срезанные одной длинной очередью. С другой стороны площади затакал «максим», пару раз хлестко щелкнула мосинка. Так и не успевший ничего сообразить офицер запрокинул голову, словно от удара и медленно сполз по броне своего танка. Его подчиненные заметались, ища укрытия.

- Огонь! — заорал Андрей стараясь перекрычать непрекращающийся треск пальбы, и широко размахнувшись бросил одну за другой обе «лимонки». Первая легла удачно, прямо под ближайшим «цундапом». Взрыв перевернул трехколесную машину вместе с сидящим в коляске пулеметчиком и шмякнул ее о землю. Не слабо досталось и его напарнику, стоявшему рядом.

Вторая карасевская граната, рванула у гусениц БТРа и вреда, судя по всему, никому не принесла.

Похоже, Савушкину повезло больше. Когда стих грохот гранатных взрывов Андрей, наконец поднял голову и первое, что увидел, это был жарко пылающий «панцер». Остальной бронетехнике тоже хорошенько досталось, один «ганомаг» беспомощно завалился колесом в разваленный колодезный сруб, внутри его что-то довольно бодро горело и постреливало. Второй стоял по прежнему на своем месте, но его МГ молчал, и никого живого вокруг видно не было.

С фрицами было покончено буквально в пару минут. Перекрестный огонь с трех сторон не оставил им ни одного шанса на спасение. Наконец стихли последние выстрелы, и на майдане вновь воцарилась тишина. Андрей осторожно выбрался из своего укрытия, огляделся, не обнаружив ничего подозрительного, махнул рукой, подавая знак своим бойцам, неторопливо подошел к мертвому эсэсовцу. Снял с него пухлую полевую сумку, занялся изучением его содержимого.

- Ой, товарищ лейтенант там наши идут – радостно возглас санинструктора – отвлек от вдумчивого созерцания трофейных документов

Действительно из-за соседнего дома выбрался боец второго взвода Рахмонов, следом появились Борисенко и «замок» третьего взвода сержант Аношин.

- А вон еще один – добавил Савушкин, указывая в противоположном направлении – этот, похоже, из танкистов, вона и бандуру свою прет.

«Из танкистов» оказался уже знакомый паренек из экипажа «двестипятнадцатого». Подойдя ближе, он поставил пулемет к ноге, и вытянувшись по стойке «смирно», лихо доложил: «товарищ лейтенант, сержант Климовский прибыл в ваше распоряжение».

- А старый знакомый – улыбнулся Карасев – ты чего один что ли? Где остальные?

- Двое там – сержант мотнул головой в сторону разбитого танка – а Федька, заряжающий мой, в хате лежит. Ноги у него перебиты. Машины у нас теперь нет, экипаж тоже не полный, так что разрешите нам теперь с вами.

- Присоединяйтесь – кивнул Андрей – парень я смотрю ты лихой. Да и пулемет лишним не будет. Тебя как звать-то?

- Яшкой. Есть присоединяться – оживился танкист – только я там у вас вроде санинструктора видел... Помощь бы заряжающему моему оказать.

- Сделаем – одобрил ротный и подзвал санинструктора – «Зайка», сержант Зайцева, помогите товарищам.
- Есть – звонко отозвалась девушка и придерживая сумку побежала следом за широко шагающим танкистом.
- Теперь с вами голуби мои. Вы откуда здесь нарисовались так вовремя?
- Товарищ лейтенант разрешите доложить – вытянулся Аношин – я вместе с расчетом ефрейтора Хлынова и танкистами держал оборону здесь на площади. Только Хлынова «тигра» накрыла. Одним снарядом и его, и второго номера. Потом «мазуте» болванка прилетела. «Максим» целехонький оказался, его только взрывом перевернуло, и щиток осколками расковыряло. Так я его туда вона за сарайку оттащил, а тут Борисенко с Рахмоновым подошли. Стали соображать, как к своим пробираться. Мы бы ушли, да только увидели как «мазута», то есть сержант Климовский напарника своего в ту хату поволок, хотели помочь, да немцы помешали. А потом уже и вы подоспели.
- Ну, с тобой все ясно. Ну а ты Спиридоныч, я тебя куда посылал?
- Так ваше приказание и выполнял товарищ лейтенант – пожал плечами старый вояка - вона Рахмонова, младший лейтенант Матафонов вам в посыльные выделили. Вместо Панафидина значит, упокой господь его душу. Ну а мне велено неотлучно при вас находиться и приглядывать. Пуще глаза беречь велено. Да только вас на старом месте то я не нашел... .
- Все ясно – улыбнулся Андрей – вместо няньки значит. Аношин, ты что там насчет «тигра» говорил?
- Я извиняюсь, вон там этот шнаран и стоит. В конце улицы – вместо сержанта ответил подошедший Климовский – мимо него к нашим, нам никак не прорваться.

Он гад, за баррикадой прячется. Мы его потому и достать не могли. Два раза в него стреляли, а он с первого выстрела нам влепил.

- Одессит что ли? – поинтересовался Карасев, уловив в речи танкиста знакомые словечки и интонации.

- Таки да, и между прочим коренной – улыбнулся Климовский – а что доводилось бывать?

- Не приходилось.

- Значит, будете – уверенно заявил сержант – после войны я приглашаю. На Пересыпи, Якова Климовского всякий знает. Я вам говорю...

Рев танковых дизелей заставил прервать разговор. На площадь одна за другой выскакивали тридцатьчетверки с бойцами на броне. Вместе с вечерними сумерками в Березовку входили части 5-й гвардейской танковой армии и 13-й гвардейской стрелковой дивизии. С их подходом у контратакующих гитлеровцев практически не оставалось никаких шансов.

ЭПИЛОГ

Высокая, статная красавица в широкой темной юбке и белой расшитой сорочке, потрянув тяжелыми, цвета вороного крыла косами, вдруг бесстрашно метнулась почти под медленно катящую тридцатьчетверку, пошла рядом, протягивая огромный букет молодому, стройному, широкоплечему, улыбчивому лейтенанту, с алой звездочкой ордена на груди. Карасев подхватил подарок, спрыгнул на землю, обнял девушку, звонко чмокнул алые губы. С сожалением оторвался, немного пробежал, догоняя свою машину. Здоровяк Савушкин, одним рывком помог командиру забраться на броню. Сидящий на башне Яшка Климовский подмигнул смущенно зардевшейся, но продолжающей идти рядом дивчине и залихватски растянув меха тальянки, запел:

- Чом ти не прийшов,
- Ридний женишок
- Я тебе чикала
- Чи коня не мав
- Чи стежки не знав
- Маты не пускала.

Части 13-й гвардейской стрелковой дивизии вступали в Полтаву. Разрушенный отступающими немцами город, встречал своих освободителей. Толпы людей выскакивали на едва очищенные от развалин и баррикад улицы, бросали под гусеницы танков, колеса автомобилей и сапоги бойцов охапки цветов. Смеялись, плакали, кричали и пели от радости.

Красивую украинскую песню подхватили сидящие на броне бойцы. С одинаковым азартом и воодушевлением гармонисту одесситу подтягивали и ташкентец Рахмонов, и волгарь Савушкин. Они еще не делились на русских, украинцев, евреев или узбеков. Это была их общая война и общая победа.

Впереди их ждала еще пока захваченная врагом Украина, Днепр, Киев. Впереди была граница.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.